

ГЛЕН КУК

ЖАР СУМРАЧНОЙ СТАЛИ • ЗЛОБНЫЕ ЧУГУННЫЕ НЕБЕСА

— — — — —
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАРРЕТА

Глен Чарльз Кук
Жар сумрачной стали.
Злобные чугунные небеса
Серия «Звезды новой фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67916232

*Жар сумрачной стали; Злобные чугунные небеса: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2022
ISBN 978-5-389-21001-1*

Аннотация

Бывший морпех, а ныне частный детектив знает толк в пиве и красавицах; его жизнь до отказа наполнена чрезвычайными происшествиями. В романе «Жар сумрачной стали» убийства, кражи, похищения людей, стычки с оборотнями и даже покушение на самого Гаррета тесно переплетены между собой и имеют одну первопричину – многолетнюю войну между венагетами и карентийцами. В романе «Злобные чугунные небеса» Гаррет знакомится с парочкой удивительных существ, умеющих становиться невидимыми, затуманивая сознание окружающих. На невидимок ведется охота, и ловец применяет разновидность магии, позволяющую ему выдавать себя за другого.

Содержание

Жар сумрачной стали	7
1	7
2	13
3	18
4	24
5	31
6	37
7	47
8	53
9	59
10	75
11	79
12	82
13	88
14	91
15	96
16	99
17	104
18	113
19	118
20	126
21	131
22	137

23	143
24	152
25	156
26	160
27	165
28	170
29	180
30	186
31	190
32	196
33	201
34	205
35	211
36	214
37	220
38	225
39	230
40	234
41	239
42	244
43	250
44	260
45	265
46	269
47	273
48	276

49	282
50	287
51	291
52	297
53	306
54	311
55	317
56	323
57	331
58	335
Конец ознакомительного фрагмента.	338

Глен Кук

Жар сумрачной стали.

Злобные чугунные небеса

*Всем замечательным людям из Балтиморского
НФ-общества, а в особенности – Сью Хо и ее
мальшике.
Глен Кук*

Glen Cook

FADED STEEL HEAT

Copyright © 1999 by Glen Cook

ANGRY LEAD SKIES

Copyright © 2002 by Glen Cook

All rights reserved

© К. М. Королев, перевод, 2000

© Г. Б. Косов (наследник), перевод, 2003

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Жар сумрачной стали

будь роскошной милашки, что является незваной в твой дом. Разумеется, неприятностей у нее по самое... гм... «не балуйся». Разумеется, она знать не знает – или притворяется, что не знает, – с какой стати за нею гонятся эти хмыри с перебитыми носами. Разумеется, сама она не прочь поозорничать – нашелся бы только подходящий парень...

Именно так все и должно было быть. А на самом деле – началось с целых трех симпампушек, от взгляда любой из которых ловеласы валятся штабелями.

Ах да, забыл представиться. Гаррет, он же мистер Праведник, к вашим услугам. Бывший морской пехотинец, шесть футов два дюйма от пяток до макушки, собой недурен – спросите хоть какую из моих подружек: если она не злится и не ревнует, то непременно подтвердит. Ну да, на физиономии пара-тройка шрамов, но шрамы, говорят, украшают мужчину. По шрамам прелестница в беде всегда может сообразить, что отыскала себе спасителя – во всяком случае, того, кто ради смазливой мордашки готов свернуть горы.

Дин, мой повар, домоправитель, штатный привратник и мажордом (в последнее никто, кроме него самого, бедняги, не верит), как раз отсутствовал. И когда в дверь постучали, мне пришлось открывать самому. Был полдень, я только-только пригубил утренний чай. Видок спросонья имел слегка потрепанный – в кои-то веки я позволил себе отоспаться. Тем более что повод был весьма достойный: моя шкура почти не пострадала в стычке с древними божками,

учинившими в Танфере сущий кавардак. По правде сказать, эти божки своими кровожадными повадками смахивали скорее на всеядных термитов, чем на слюнтяйчиков, населяющих ныне Квартал Грез.

У-тю-тю, мои птенчики, Гаррет вам не по зубам. Храбрец-удалец, даром что шельмец... Женщины от таких млеют.

Налитым кровью глазом я уставился в глазок. Ух ты! Увиденное зрелище полностью примирило меня с ненавистным утром. Вы о чем, какая хандра, когда на пороге прелестницы, одна другой желаннее? Юность. Грация. Изгибы и округлости, способные утихомирить самого брюзгливого геометра. Отрада взору, услада сердца... В общем, все, что надо, и в надлежащих пропорциях.

За спинами красоток маячили громилы – должно быть, охранники. И откуда только берутся этикие образины?

Я распахнул дверь настежь.

– Уж повезет так повезет! Прошу!

Блондинка – ее звали Аликс Вейдер – выпучилась на меня так, словно увидала призрака. Ее единственный недостаток, небольшой рост, с лихвой восполняли многочисленные достоинства.

– Гаррет! Это ты?

Можно подумать, я нацепил карнавальный балахон.

– А ты подросла, – заметил я.

Она и вправду подросла с нашей последней встречи.

– Подбери слюни, Гаррет, – посоветовала рыженькая;

Тинни Тейт, гроза частных сыщиков по имени Гаррет, моя почти бывшая почти подружка. – А то пол запачкаешь, и самому придется вытирать.

Вот уж чудо из чудес! Впервые за несколько месяцев Тинни соизволила заговорить со мной!

– Ты, как всегда, очаровательна, лапушка. Проходите.

Я окинул взглядом третью красотку, брюнетку. Одежда простенькая, на личике – бледная тень боевой раскраски. Зря она затесалась в компанию с Тинни и Аликс, очень даже зря. Рядом с ними она выглядела неприметной мышкой. Впрочем, опытный, острый глаз с ходу определил бы, что остальные двое ей и в подметки не годятся. А у меня глаз – алмаз.

Кто она такая? Я ее не узнал.

– По-прежнему ходишь в холостяках, Гаррет? – справи-лась Тинни.

– Чего? – Вообще-то, я умен не по годам, обычно мне хватает и намек, чтоб понять, о чем речь, но в присутствии Тинни я как-то теряюсь.

– Гаррет, тебя в детстве мешком из-за угла стукнули. Как шандарахнули, до сих пор пыль висит. – Да, Тинни умела выбирать слова. Каждое словечко – что удар мясника на бойне.

– Вот она, моя подружка, – сообщил я во всеуслышание и сделал шаг назад. – Ну разве не прелесть?

– Гаррет, сдается мне, твою подружку зовут вовсе не Тинни Тейт. Или это моя тезка?

– Да что ты! – всплеснул я руками. – Какие тетки? Ты одна-единственная в целом свете!

– Может, ты ногу сломал? Или забыл, где мой дом? Или писать разучился?

Тут она меня уела. Оправдываться было бесполезно, да и не смог бы я, при всем своем вошедшем в поговорку хитроумии, подыскать стоящее оправдание. Получилось-то как: я сделал то, что сделал, не думая о последствиях, а потом думать о них было уже поздно; мало того, мне и в голову не пришло извиниться при всех перед моей огнекудрой занобой. Лишь по прошествии времени я начал догадываться, что принципиальность нередко оказывается стратегической ошибкой.

– Надеюсь, ты пришла не для того, чтоб устроить скандал? – Я лучезарно улыбнулся.

Тинни состроила гримасу: мол, я бы тебе все сказала, дубина стоеросовая, но подожду, пока мы останемся одни.

Признаться, гости застали меня врасплох. Я их не ждал. И Тинни, и Аликс бывали у меня прежде, но тогда я был немножко занят – в очередной раз спасал мир. Точнее, папашу Вейдера, у которого возникли проблемы. Он владел крупнейшими в Танфере пивоварнями – и, надо отдать старому подлецу должное, варил лучшее в городе пиво. Я раскрыл заговор, который разъедал его предприятие изнутри, как рак разъедает тело. В знак благодарности он приблизил меня к своей особе, разрешил бесплатно попивать пивко и

даже предложил мне постоянную работу. От этого предложения я отказался: терпеть не могу, когда мной помыкают. Одно дело – ты сам себе хозяин, и совсем другое – над тобой кто-то есть. Но на пивоварню я заходил регулярно: и к кружечке приложиться, и злодеев попугать, буде таковые еще остались.

В ту пору Аликс была угловатой девчушкой, только-только начинавшей наливать. Зато ее старшая сестренка Киттиджо...

Эх, как время бежит! Не успеешь оглянуться, а уж и свежая поросль на подходе.

О чем бишь я? Да, сегодня я гостей не ждал. Так что они взяли меня тепленьким. Наверняка Тинни Тейт постаралась. Милая моя, добрая, ласковая... Лютый зверь в юбке.

– Давай не будем ссориться, Тинни, – сказал я. – Твоя все равно возьмет.

– А раз так, почему же ты...

– Эй! Я же не говорил, что ты кругом права!

Тьфу! Снова вляпался! И кто меня за язык тянул?

– Гаррет! Ах ты...

– Чтоб мне пусто было! – гаркнул кто-то у меня за спиной. – А ну, ребята, надраить перышки! Мы в раю! С кого начнем?

Голос донесся из комнатухи справа по коридору. Кажется, я забыл ее запереть...

– Это знаменитый попугай? – осведомилась брюнетка.

Две другие девушки промолчали, но, перехватив их взгляды, я порадовался, что они обращены не на меня: эти взгляды могли заморозить воду и вдребезги разбить стекло.

– Ну да, это мистер Большая Шишка. Самый отъявленный сквернослов на всем белом свете. Не обращайтесь внимания, а то еще перевозбудится на радостях.

– Перевозбудится?

– Угу. Пока он ведет себя вполне прилично.

– Гаррет называет его Попка-Дурак, – заметила Тинни.

Откуда она узнала? Ведь пернатый москит явился уже после того, как она торжественно отбыла.

Ну конечно! Это меня она изводила, лишая и своего общества, и последних остатков разума, а вот с Дином всегда ладила. Он же на нее чуть ли не молился. Короче говоря, вот он, зловредный доносчик, мошка в моей зенице, крот в моем саду!

– Я бы охотно свернул ему шею, но не хочу обижать того

парня, который мне его подарил, – сказал я, а про себя добавил: «Погоди, Морли! Мы с тобой еще сочтемся!»

– Он милый в своем роде, – проговорила Аликс, разглядывая попугая. – Но к тете Клэр я бы его не взяла.

– Сладенькая моя! – возопил тот. – Аргх! Я влюблен!

– Единственная говорящая птичка на свете, – пробурчал я, – а пользы от нее – один вред.

– Прежде чем ты соберешься наконец спросить, твой попугай потомством обзаведется, – сказала Тинни, прижимаясь ко мне. На пухлых губках игривая улыбочка, зеленые глазки лукаво поблескивают. Ни дать ни взять, сама невинность. – Это Никс. Джорджи Никс, полностью – Николас.

– Привет, полностью красотка Николас, – поздоровался я.

Ай! Ну что такое: проявишь вежливость, а тебя тут же щиплют!

Попка-Дурак тем временем восхвалял прелести Аликс Вейдер в выражениях, от которых покраснели бы и портовые грузчики. Впрочем, когда бы ни моя воспитанность, я бы его поддержал.

– Эй, любовничек, уймись! – Тинни снова меня ущипнула. В ее глазах плясали бесенята. – Она занята.

– Повезло кому-то, – вздохнул я. – Бедный мистер Шишка, а он-то разохотился.

Пернатая тварь между тем углядела Никс и принялась превозносить ее достоинства.

Никс подмигнула мне и улыбнулась. Улыбка у нее была

восхитительной, а глаза – голубые, как безоблачное небо.

– Гаррет, я только помолвлена, – сообщила она. – Ничего больше.

Аликс присвистнула. Тинни расхохоталась, однако угрожающе прищурилась.

Пожалуй, самое время сматывать удочки. Пойти, например, помочь Дину донести до дома покупки...

– Тут что-то не так, – задорно объявила Никс. – Ты и вправду тот самый Гаррет, о котором Тинни трезвонит на всех углах?

– Других вроде нету. По крайней мере, я не встречал. А о чем она трезвонит?

Моя рыжеволосая подружка немедленно воткнула палец мне под ребра и присовокупила:

– Осторожнее, Гаррет.

– Дорогуша, осторожность – мое второе имя.

– Никс в своем репертуаре, – заметила Аликс. – Просто не может удержаться.

– Чего?

– Никс флиртует со всеми мужчинами подряд. Мы знакомы с семи лет, и она всегда была такой... любвеобильной. Она не нарочно, Гаррет. Сама не понимает, что делает. Никс, если ты не угомонишься, у тебя будут неприятности.

Аликс права как никогда. Женщина, которая заигрывает с мужчиной, ни о чем таком серьезном не помышляя, нарыняется на неприятности.

– Я что-то упустил? Никс, ты выросла в гареме?

Заводить гаремы в Каренте не принято, но у богатых свои причуды. Аликс, к примеру, росла, можно сказать, в заточении, под неусыпным родительским присмотром.

– Почти...

Попка-Дурак слетел со своей жердочки и опустился ей на руку, этакий сокол в шутовском наряде.

– ...Мой отец с малолетства оберегал меня от тлетворного влияния. До недавних пор я была знакома только с Вейдерами и парочкой других семейств.

– Никс живет у нас, – пояснила Аликс. – Папа уже не тот тиран и деспот, каким был раньше.

Кто бы говорил! Своей ненаглядной дочурке папаша Вейдер потакал во всем: стоило ей захныкать, как любое желание малявки мгновенно исполнялось.

Никс бесстрашно погладила крылатое исчадие преисподней. Проклятый птах закатил глазки и запрокинул голову, приглашая почесать ему под клювом. Никогда не видел его таким разомлевшим.

Я посмотрел на Аликс. Что заставило ее покинуть семейную крепость и привело под мой гостеприимный кров? Похоже, папаша Вейдер и вправду теряет хватку.

Вот она, причина! И далеко ходить не надо. Вот почему явилась ко мне сия умопомрачительная тройца. Держи он по-прежнему бразды правления в своих руках, помощь ему не понадобилась бы и дочке его не пришлось бы обращаться

за советом ко всяким подозрительным личностям.

Я пожал плечами:

– Ладно, пора заняться делом. Предлагаю навестить Его Милость, устроиться поудобнее и все обсудить.

Тинни испепелила меня взглядом:

– Может, ты сначала оденешься?

Красотка Тинни всегда на страже моих интересов.

– Отличная мысль, лапушка. – Вообще-то, я был вполне одет. Слегка помят, конечно, ну и что с того? Это часть моего мужского обаяния. – Скоро вернусь, милашки. Если хотите чаю, не стесняйтесь. Тинни знает, что где лежит. Дина можете не звать, он ушел за покупками.

Гаррет у нас малый не промах! И в порядок себя приведет, и чайку ему нальют – да не кто-нибудь, а те самые девицы, которые явились его изводить.

Я поспешно взбежал по лестнице, пока Тинни не опомнилась.

Принарядившись, я спустился к гостям – и обнаружил их в компании тощего Дина, который, оказывается, уже успел вернуться. Он перехватил мой взгляд, поморщился, печально покачал головой и прошествовал в кухню.

– Быстро ты, – заметила Аликс с лукавой улыбкой. – Ну да, ты же мужчина. Это женщины часами наряжаются.

Из кухни донесся голос Дина:

– Мисс Тейт? Какой приятный сюрприз! Осмелюсь заметить, вы замечательно выглядите.

– Благодарю, мистер Подлиза. Хоть кто-то заметил! Тебе помочь?

Я заглянул в кухню. Проклятие! Моя подружка всю обнималась со стариной Дином, который, похоже, был на вершине блаженства.

Что ни говорите, а жизнь несправедлива. С ним Тинни обнимается, а меня только щиплет да пальцем в ребра тычет.

И тут я ощутил нечто – своего рода предвкушение, что ли, навеянное чужой волей. Мало того что захожие красотки разбудили моего партнера, они еще ухитрились внушить ему хорошее настроение. В доме не протолкнуться от особ женского пола, а Покойник только посмеивается, – на моей памяти такое случилось впервые. Интересно, каким боком выйдет мне эта его причуда?

Я глубоко вдохнул.

Дело нечисто. Явно намечается что-то... этакое.

Дамы проследовали за мной в апартаменты Покойника, занимавшие всю левую половину первого этажа, за исключением кладовки. Надо сказать, вели они себя по-хозяйски, и не подумав спросить разрешения, быстренько притаранили из моего кабинета – клетушки напротив Покойнического обиталища – три кресла и удобно в них расположились. Тинни заняла гостевое креслице, Аликс уселась в то, какое обычно занимал я, ведя беседы с Покойником, а Никс раскинулась в кресле, извлеченном из-за моего стола. Что ж, кресло сохранит тепло ее тела, будет что вспомнить... Попка-Дурак по-прежнему восседал на руке Никс, склевывал то, что она ему подсовывала, и ворковал что твой растреклятый голубочек.

«Гаррет, невежливо глазеть на других женщин в присутствии мисс Тейт». Мой партнер в своем репертуаре: лезет с непрошеными советами прямо ко мне в голову.

– Никто и не глазеет, – огрызнулся я.

Аликс и Никс обменялись понимающими взглядами. Неужто Старый Увалень поделился своим советом не только со мной?

Кажется, я слегка покраснел. Тинни бессовестно ухмыльнулась.

Покойник возвышался грудой гниющей плоти в огромном деревянном кресле посреди комнаты. Обычно здесь бы-

ло темно, поскольку ему свет не требовался. Но девушки захотели света и принесли лампы.

Лучше бы они этого не делали.

Покойник отнюдь не красавец. Начнем с того, что он и не человек. Он логхир, редкая порода, лишь отдаленно напоминающая человека. Весит он четыреста фунтов с гаком; правда, личинки в нем кишмя кишат, так что он мог немножко и похудеть. Вдобавок мой партнер – урод уродом, безобразнее последнего мужа младшей сестры (те, у кого есть замужняя младшая сестра, меня поймут), и вместо носа у него слоновий хобот добрых четырнадцати дюймов длиной. Живого логхира я никогда не видел, поэтому ведать не ведаю, для чего им этот шланг.

Покойником его звали уже в те незапамятные времена, когда мы только встретились. Меткое уличное прозвище, возникшее благодаря тому, что ко дню нашей встречи он был мертв уже четыре сотни лет. Кто-то воткнул нож ему в спину – должно быть, во время очередной его шестимесячной спячки. Впрочем, я могу лишь догадываться: сам он, разумеется, меня в подробности не посвящал. Логхиры славятся тем, что ничего не делают впопыхах. И особенно не торопятся отбрасывать копыта. До меня доходили слухи, что четыреста лет жизни после смерти для них далеко не предел.

Но слухи слухами, а толком о логхирах ничего не известно. Покойник способен часами трепаться о чем угодно, однако ни о себе, ни о своей породе и словечком не обмолвит-

ся.

Я прислонился плечом к стеллажу со всякими безделушками – сувенирами, добытыми в предыдущих расследованиях. Покойник использует их, чтобы отпугивать нежелательных посетителей: заявится такой к нему в комнату, поглядит на тушу в кресле, сомлеет со страху, поджилки затрясутся, а тут вещицы как возьмут, как примутся летать туда-сюда!..

«Ты нарочно выбрал эти лохмотья? Деловой человек должен выглядеть по-деловому».

И он туда же? Крепись, Гаррет. Стисни зубы, подбери живот, грудь выпяти...

– Между прочим, я одеваюсь, насколько позволяют мои гонорары.

«Гонорары?»

– Деньги. Золото, серебро, медь. Та дребедень, на которую Дин покупает бобы и прочую провизию и на которую мы крышу кроем, чтоб тебе на темечко не капало. А если б крыша протекала, тебя давно бы отсюда смыло.

Дамы недоуменно воззрились на меня, из чего следовало, что они воспринимают только мои слова, а Покойника не слышат. Естественно, им было любопытно, и с каждым мгновением любопытство становилось все острее.

«Верно подмечено. Кстати, раз уж выглядеть по-деловому не получается, выкажи хотя бы деловую сметку. Ты упустил из виду то обстоятельство, что мы по-прежнему связаны контрактом с мистером Вейдером и потому должны от-

рабатывать уже выплаченные суммы».

– Угу!

Честно говоря, этот контракт, при всех его миленьких условиях, изрядно мне надоел.

– Эй, Аликс! Скажи честно – тебя папочка прислал или ты просто на огонек заглянула?

– Сама не знаю. Посылать он меня не посылал, но спрашивал у Манвила, не стоит ли обратиться к тебе за советом. Проблема-то серьезная. Понимаешь, папа считает, что в делах от меня никакой пользы; иначе бы давно послушал – я-то сразу предложила тебя позвать. По-моему, ему стыдно признать, что он сам не может справиться. Он все еще надеется обойтись без тебя, а время уходит...

О чем это она? Какая такая проблема? Я покосился на Никс.

– Она здесь потому, что мой брат замешан, – пояснила Аликс. – Они же помолвлены, вот Никс и беспокоится.

В каком жестоком мире мы живем! Красотки вроде Никс гибнут в расцвете юности из-за таких типов, как Тай Вейдер! Мне хватило одного взгляда, чтобы понять: предстоящее бракосочетание не слишком-то радует милашку Никс.

«Так и есть, – подтвердил Покойник. – Но она не хочет расстраивать родителей, которые сговорились поженить их двадцать лет назад. Церемония уже не раз откладывалась, но теперь все уловки исчерпаны и отсрочек больше не будет».

– А Тинни? – спросил я у Аликс.

– Тинни – моя подруга, Гаррет. Она пришла поддержать меня в трудную минуту.

«Прояви мудрость, Гаррет, уйми свою любознательность».

Я прожил с Его Милостью так долго, что приучился находить рациональное зерно даже в его брюзжании. На сей раз он лаконично изволил указать, что малая птаха в руках лучше большой в небе и что дареному коню в зубы не смотрят. Тинни здесь, в моем доме, и этого достаточно.

– Так в чем проблема-то, Аликс? Может, изложишь все по порядку? И пожалуйста, постарайся не упускать подробностей.

– Ладно. Наша проблема – «Зов».

Я вздохнул.

Признаться, я ожидал чего-то подобного. Зов как клич. Зуб даю, накличем мы на себя беду – если уже не накликали. Или не накличили?

– Чем они занимаются? – спросил я. – Вымогательством?

У вас много денег, а у нас крепкие кулаки?

– Тинни говорит, это называется «крышей».

Я поглядел на рыженькую. Что-то она вдруг присмирела, будто воды в рот набрала. Это на нее не похоже...

– К дядюшке тоже подкатывались, – сообщила она и хищно усмехнулась.

Мне как-то довелось работать с ее дядюшкой. Уиллард Тейт – на диво крепкий старый хрыч, вдобавок у него куча родичей, готовых исполнить любую его просьбу. Я бы такому типу угрожать не стал.

– Обломилось?

– Естественно, – осклабилась Тинни. – Ты же знаешь дядюшку! Но он был вежлив, пригласил заходить снова.

– Не слишком умно с его стороны. Среди этих парней попадаются особо злопамятные... Аликс... Нет, вы обе, скажите, это был именно «Зов»?

Дело в том, что «Зов» – полностью «Зов к оружию» – это крупнейшее, влиятельнейшее, самое богатое и самое громкое из ветеранских объединений в Танфере; возглавляет его Маренго Северная Англия. К этому объединению принадлежат сотни зажиточных и наделенных властью граждан Танфера, недовольных тем, в каком направлении движется Ка-

рента. Насколько мне известно, «Зов» существует на добровольные взносы и пожертвования. Но взносы взносами, а лишние деньги никогда не помешают. Заодно и занятие найдется для горячих голов, которые, как они сами выражаются, устали языками чесать...

– Да, – ответила Аликс. – Или нет? Не знаю. Тай с ними разговаривал. Вроде бы он с кем-то знаком. Вроде бы они сказали, что Вейдер должен отчислять пять процентов с прибыли. А еще – уволить всех, кто не человек.

Тай – брат Аликс. Точнее, один из трех ее старших братьев. Двое не сумели вернуться из Кантарда в целости и сохранности (впрочем, хоть возвратились, и на том спасибо), третий же не вернулся вовсе... Я, признаться, Тая Вейдера недолюбливал. Может быть, из-за ожесточенности, которую он и не трудился скрывать. С другой стороны, как тут не ожесточиться: ты сражался за отчизну, потерял на войне ногу, а отчизне на тебя плевать с высокой колокольни?

И Тай не одинок. Таких, как он, великое множество. Выйдите на улицу, оглядитесь по сторонам – сами увидите. Отличает его от других лишь то, что он – отпрыск богатой и влиятельной семьи.

– А почему они взялись за Тая, а не за твоего папочку?

– Папа почти отошел от дел. Маме все хуже становится, и он сидит с нею с утра до вечера. А в пивоварню если и выбирается, то ненадолго, поговорить с теми, кого знает уже много лет.

– Выходит, главный пивовар у нас теперь Тай? – Я покосился на Покойника.

Тот хранил напыщенное молчание, из чего следовало, что Аликс искренна – то есть в действительности все может обстоять совершенно иначе, но она верит в то, что говорит.

– Да, он. Ему помогают мистер Хельдемак и мистер Клиз.
– Разумеется, – покивал я.

Как же иначе? Тай Вейдер – никудышный пивовар и ладить с людьми не умеет. И никто из работников его не любит. А Хельдемак и Клиз – больше чем просто помощники. Правильнее было бы назвать их младшими партнерами. Они вложили в пивное дело Вейдера свои знания и умения; и того и другого у них было в достатке, ибо, прежде чем прийти к Вейдеру, оба они владели собственными пивоварнями.

Пивная империя Вейдера раскинула щупальца по всему Танферу. Папаша Вейдер не задумываясь и не чинясь скупал мелкие пивоварни, гнал в шею прежних управляющих и назначал своих. Здоровая конкуренция: выживает и процветает тот, у кого дело лучше организовано.

– И мистер Хельдемак, и мистер Клиз присутствовали при разговоре Тая с вымогателями.

– Вот как? – Я снова покосился на Покойника. Тот продолжал молчать.

Сюрприз, сюрприз. Честно говоря, со слов Аликс я заподозрил, что Тай просто-напросто вкручивает папаше мозги: решил подзаработать, вот и сочинил всю эту историю. Да,

Гаррет, ты у нас чемпион по поспешным выводам. Какая прыть!

Правда, я по сей день убежден, что Тай имел хотя бы отдаленное отношение к тому дельцу, которое, собственно, и свело молодчагу Гаррета с папашей Вейдером. Бочонки, полные отличного пива, словно растворялись в воздухе, принося немалую прибыль тем, кто столь умело изымал их из привычного оборота и пускал налево. Я подрядился вывести лиходеев на чистую воду и провел на пивоварне несколько месяцев, строя из себя подсобного рабочего. Скажу честно, прищучить Тая мне не удалось: все улики были косвенными, все можно было истолковать двояко: и как злонамеренность, и как явную глупость и неспособность управлять. По такому поводу папаше Вейдеру я ни словом не обмолвился о его сыночке (а он, быть может, затем меня и нанимал, чтоб я раскусил Тая).

Как бы то ни было, лазейку, сквозь которую испарялось пиво, я прикрыл, причем скандалов не устраивал. И прикрыл надежно, за что папаша Вейдер продолжал меня благодарить по сию пору. Насчет кружечки-другой я уже упоминал, а по праздникам он присылал мне бочонок «Особого темного».

Ладно, вернемся к нашим овечкам. Конечно, Покойник наверняка уже выяснил, кто из присутствующих о чем думает, но я все же спросил:

– Что ты думаешь о Тае, Аликс?

– Мне его жалко. Мы все его жалеем. – Она потупилась, будто не хотела, чтобы я видел выражение ее лица.

– Но?

– Что «но»?

– Ты не закончила фразу. Там явно слышалось «но».

Аликс поглядела на Никс. Похоже, она вдруг сообразила, что сказала слишком много.

Интересно, когда Покойник перестанет разыгрывать из себя бессловесного истукана?

«Гаррет, мисс Вейдер бережет чувства своей подруги».

– Чего? – ляпнул я, вздрогнув от неожиданности.

Покойник, разумеется, мысленно захихикал: ему доставляло удовольствие заставить меня врасплох, что называется, с пальцем во рту.

«Мисс Вейдер привязана к брату и сочувствует ему. В то же время она понимает, чем он отталкивает от себя других людей. А к мисс Николас она привязана еще сильнее. Они – подруги детства, и сознательно причинить ей боль мисс Вейдер ни за что не сможет. Что же касается мисс Николас, она спокойно воспринимает все нелестные эпитеты в адрес своего жениха, поскольку эта свадьба для нее – не более чем светская необходимость. Она выходит замуж только для того, чтобы не разочаровывать близких. Конечно, утешает она себя, Тай Вейдер вовсе не прекрасный принц, зато со временем станет одним из богатейших людей Танфера. И затягивать с бракосочетанием не следует, особенно если страхи,

которыми полнится головка мисс Вейдер, имеют под собой основание».

Я бросил взгляд на Никс. Да, деньги – великая сила. Как говорится, любовь зла – полюбишь и Тая Вейдера, если тебе пообещают хорошо заплатить.

А Тинни хмурится. Злится, должно быть, что я не уделяю ей достаточного внимания. С нею всегда так – сколько ни ублажай, все мало.

– Ладно, Аликс, подведем итог. «Зов» на вас насел и потребовал денег. Раньше такого не бывало, но все когда-нибудь случается впервые. Что ты хочешь от меня?

– Чтобы ты их остановил. Правда, я понимаю, тебе это вряд ли по силам, поэтому...

– Я могу быть до ужаса убедительным, – вставил я.

Ну да, особенно когда мои слова подкрепляют своим присутствием Морли Дотс и Плоскомордый Тарп.

Аликс меня не услышала – настолько была увлечена собственной тирадой:

– Наверное, на самом деле я хочу, чтобы ты присмотрел за папой. Когда он узнал, что происходит, то пообещал разобраться с вымогателями. Боюсь, ему захотят преподать урок.

«Разумная мысль», – заметил Покойник.

– Люди, которые приходили к нам, тоже говорили, что они из «Зова», – сказала Тинни. – По-моему, они ввали. Глазки у них так и бегали.

Тейты держали обувную фабрику. Разбогатели они во вре-

мя войны, когда сутками напролет тачали сапоги для солдат.

«Я сравнил воспоминания мисс Вейдер с воспоминаниями мисс Тейт, – сообщил Покойник, – и теперь допускаю, что мы, возможно, имеем дело с несколькими самозванцами, решившими пожить на чужих страхах».

Иными словами, на белом свете нет ничего настолько святого, что не сгодились бы для коммерции.

– Значит, кто-то пытается встать поперек дороги Маренго Северная Англия? Он сильно рискует...

Я продолжал размышлять – и одновременно все спрашивал себя: что красотка Никс могла найти в таком типе, как Тай Вейдер? Может, я всякий раз заставлял его в дурном настроении? Может, на деле он милый, ласковый и пушистый, просто этого сразу не разглядеть?

– Что ты еще успела натворить? – спросил я у Аликс. – До того, как пришла ко мне? С отцом разговаривала? С Таем? С Манвилем? Что они сказали?

– Ни с кем я не говорила. Отец заявил бы, что это не женского ума дело. Но сам бы наверняка послал меня к тебе. А Тай взбеленился бы... Он терпеть не может чужаков. И насчет тебя они с папой долго ругались.

Какая неожиданность! Кто бы мог подумать? Впрочем, симпатии и антипатии Тая Вейдера для меня ровным счетом ничего не значили.

– Думаешь, будь его воля, я остался бы без пива?

По всей видимости, моей шутки никто не оценил. Даже Покойник. А я-то подумывал податься в комики...

– Дамы, вы должны извинить Гаррета. Ваша красота, в непосредственной близости, лишила его рассудка.

«Вот хлыщ!»

Никс подпрыгнула, услышав голос Покойника, но быстро успокоилась. И впрямь, чего волноваться – ее же предупреждали.

Тинни и Аликс, давно привычные к манере общения логхира, и плечиком не повели.

«Не могу сказать, что я его не понимаю, – продолжал Его Высокомудрие. – Даже я очарован, а ведь я был мертв задол-

го до того, как вы появились на свет».

Тоже мне дамский угодник.

– Спасибо, Старые Кости. Может, мне зажмуриться и представить, что я вовсе не полный сил молодой мужчина, которого безжалостно отшили...

«Лучше представь, что ты наконец поумнел».

– Как изысканно! Все, умолкаю на веки вечные.

– Он всегда такой, Тинни? – поинтересовалась Никс.

– Сейчас он почти ручной, – отозвалась моя подружка. – Вот погоди, проснется...

– И озверееет, – докончил я мрачно. – Аликс, твой отец воспринял угрозы всерьез?

– Он беспокоится. Расспрашивает тех, кто у него работает, как они относятся к «Зову». Решил брать на работу только ветеранов.

Я мысленно пожал плечами. Это вряд ли утихомирит молодчиков Маренго. Почти все мужчины – ветераны, но далеко не все ветераны – мужчины, в смысле далеко не все – люди. А Вейдер никогда не проводил различия между человеком и нечеловеком. Не проводил и проводить не станет, как на него ни дави. Своих работников он защищает, как волчица детенышей. Работники же платят ему непоколебимой верностью; я так даже пью его пиво.

Впрочем, всегда и везде найдется горсточка тех, кто непременно окажется недовольным. И в самом спелом яблоке могут завестись черви...

Наши гости продолжали болтать, но ничего полезного мне от них узнать не удалось. Тогда я повернулся к Покойнику.

«Они напуганы, – изрек мой квартирант. – До сих пор не сделано ничего, что могло бы умиротворить „Зов“. Наверняка существует крайний срок; впрочем, мисс Аликс он неизвестен».

Мисс Аликс, вот как? Я поглядел на Попку-Дурака, клевавшего пальчик Никс.

– Он тебе нравится? Забирай. Это мой свадебный подарок.

Аликс прыснула.

Похоже, задатки комика у меня все же есть. Знать бы только, что ее развеселило...

– Извините, – сказала Аликс. – Я просто представила, как попугай комментирует первую брачную ночь.

Да, я бы не отказался послушать. Правда, с них станется сунуть бедную птичку в мешок и вывесить за окошко.

Никс даже не улыбнулась.

Выглядела она как человек, понятия не имеющий о том, что ждет его впереди.

Увы, лапушка, могу только посочувствовать. Мне ли не знать Тая Вейдера?!

«Она замечательная актриса, Гаррет. Притворяется перед другими и, кажется, способна одурачить саму себя. Всякий раз, изучая ее, я подмечаю что-то новенькое. Приходится со-

средоточиваться сверх обычного».

– Любопытно.

«Прибереги свое любопытство для мисс Тейт».

– Как скажешь, приятель.

«На твоём месте я бы уgomонился. Ситуация и без того крайне запутанная, не стоит усугублять ее выяснением отношений с любвеобильными женщинами».

Да, мой партнер порою подпадал под женские чары, но в целом относился к прекрасному полу весьма недружелюбно.

У Тинни был такой вид, будто она грезит наяву, что означало – она беседует с Покойником. Логхир запросто может вести пару-тройку разговоров одновременно – ведь у него не один мозг, а несколько.

– Может, все дело в лавке? – спросил я у Аликс. – Сама понимаешь, торговля...

– Сторонников «Зова» можно встретить где угодно.

– Это вряд ли. Ни в городе гоблинов, ни в Карлик-Форте, ни в эльфийской обители ты их не сыщешь. И что-то я не припомню, чтобы крысюки или пикси расхаживали по улицам под знаменами доблестного Маренго.

– Их просто не приглашали.

Такая симпатичная – а сколько в головке всякой дури! Неудивительно, что самозванные борцы за права человека нынче в таком почете.

Снаружи вдруг донеслись такие звуки, словно кто-то принялся яростно отстаивать те самые права прямо у меня под

окнами. По правде сказать, у нас в окрестностях вечно что-то выясняют.

– Аликс, где парни, которых вы привели с собой?

Жизнь полна несправедливостей: и почему только симпатичных девушек всюду сопровождают громилы чуть смазливее обезьяны?

– Им велели перекусить, а потом вернуться сюда и дожидаться снаружи.

– Отлично. Что-то мне не нравятся те вопли.

Я посмотрел на Покойника. Он ничуть не заинтересовался происходящим. Значит, волноваться нечего.

– Мы можем остаться, пока шум не утихнет, – предложила Аликс.

– Я этого не вынесу. Растаю, как масло на сковородке. Видишь, руки уже плавятся.

«Гаррет!»

– Гаррет!

– Тинни, любовь моя! Маслице мое кипящее! Ты наконец-то очнулась?

Тинни поглядела на Аликс и дернула плечиком. И в самом деле: как ей меня приручить, если даже собственные подружки флиртуют с ее кавалером?

Точнее, одна подруга. Никс не сводила взгляда с Попки-Дурака.

Но только я успел обрадоваться, как она мне подмигнула. Помогите!

И почему женщинам так нравится доводить мужчин до состояния бекона, забытого на раскаленной сковороде?

Дамы изволили удалиться. Отправились они не на пивоварню, как можно было ожидать, а домой к Тинни. Надо сказать, ее дом подозрительно смахивал на маленькую крепость. В недавние смутные годы эта крепость сослужила Тейтам неплохую службу – за ее стенами они чувствовали себя в полной безопасности и безнаказанно творили свои разбойные делишки, поэтому перемирие семейство Тейт восприняло как кровную обиду.

Всякая война, буде она чересчур затягивается, становится источником неприятностей. Мало-помалу она превращается в смысл жизни – и не только для солдат на поле брани, но и для тех, кто прозябает в тылу, среди домашнего уюта. Пускай пора сражений миновала – если не считать мелких стычек с недобитыми партизанами Слави Дуралейника, – нынче в Танфер возвращаются демобилизованные. Они каждый день сходят десятками и сотнями с кораблей, и еще неизвестно, что хуже – когда молодых мужчин в городе можно пересчитать по пальцам или когда их что ни день прибавляется в числе. Рабочие места, опустевшие с уходом этих мужчин на войну, были, как теперь принято выражаться в узких кругах, заняты нелюдью. И солдаты, спешившие домой, открывали для себя малоприятную истину: спешить-то было некуда...

Но я отвлекся. Итак, сногшибательная троица удалилась. Я вернулся в комнату Покойника и уселся наконец в свое кресло, еще хранившее тепло женского тела. В воздухе витал легкий аромат духов.

— И что опять затеял твой Дуралейник? — спросил я без предисловий.

Много лет назад Дуралейник ввязался в войну как наемник на службе венагетов. Несмотря на многочисленные победы, он не сумел добиться того, чтобы его признали своим: обращались с ним пренебрежительно, путь в высшие слои общества, в правящую клику колдунов, был ему заказан. И тогда он, пылая праведным гневом, переметнулся к противнику и следующий десяток лет отнимал покой и сон у тех, кто посмел уязвить его гордость.

Впрочем, карентийские правители обращались с ним немногим лучше. Нет, платили ему вовремя, зато почестей не оказывали вовсе, каких бы успехов он ни добивался. И потому Дуралейник дезертировал вновь. Он объявил Кантард республикой, не подвластной ни Каренте, ни венагетам, собрал под свои знамена всех, кого прельщала этакая свобода, и принялся воевать на две стороны.

Но судьба в очередной раз оказалась к нему несправедлива. Карента усилила натиск, венагеты не устояли и бежали с позором. Карентийские отряды начали истреблять республиканцев.

Обитатели Кантарда спешно переселялись в Каренту. Бо-

лее всего их почему-то притягивал Танфер, в котором и без того уже было беспокойно. И ладно бы только простые партизаны! Расследуя прошлое дело, я наткнулся на некие факты, из которых явствовало, что и сам Дуралейник околачивается в нашем милом городке.

Покойник ответил – по обыкновению, брюзгливо.

«Вполне вероятно, что он возбуждает недовольство, упоывая на свою былую популярность у простого народа».

– А ты, похоже, разочарован.

«Героев лучше держать на расстоянии. Вблизи слишком заметны изъяны».

Попка-Дурак восседал на плече Покойника. Это Никс его туда посадила. К величайшему моему сожалению, мне так и не удалось уговорить ее забрать пернатого стервеца с собой.

В этот самый миг проклятая птица решила облегчиться.

А в следующее мгновение она уже выбиралась из кучи безделушек, рухнувших на пол, когда врезалась в стеллаж, отброшенная силой логхирской мысли. Стремительный полет настолько ошарашил крылатого негодяя, что он лишь сдавленно пискнул. Встряхнувшись, попугай сделал осторожный шаг, огляделся – и нагадил на пол.

«Если эта тварь не доживет до завтрашнего утра, передай мои глубочайшие соболезнования мистеру Дотсу».

– Ух ты! Шикарная мысль! И как я сам не догадался! Нет, я, конечно, тугодум, но умища-то у меня девать некуда! Я сверну этой гадине шею, а свалю все на тебя. Морли придет,

увидит перья и дерьмо на полу, покачает головой и тут же обо всем забудет. С тобою связываться он не рискнет.

«Очень остроумно. Только попробуй, и я подвешу тебя к потолку на твоих собственных шнурках. Птица эта – неоценимый дар судьбы, и подобных вещей о ней говорить не следует даже в шутку».

– Дар судьбы?! Да его и жрать не станешь, разве что когда всех ворон и ящериц со змеями в округе переведут.

«Это незаменимое средство общения».

– Ну, для кого как...

«Тихо!»

– Чего? Я что-то...

«У нас скоро будут гости. Чужаки. Прими их в своем кабинете. Им вовсе не обязательно меня видеть».

Старина Дин опередил меня и первым откликнулся на стук в дверь, но Покойник, судя по всему, одернул нашего домомучителя. Посмотрев в глазок, Дин попятился.

– Что стряслось? – осведомился я.

– Они мне не нравятся.

С этими словами Дин прошествовал в комнату Покойника, а ко мне на плечо плюхнулся Попка-Дурак, выпорхнувший из приоткрытой двери. Я шуганул его, но он и не подумал улететь. Тем временем Дин вновь вышел в коридор, волоча за собой кресло.

«Не трогай птицу, Гаррет. Дин, когда закончишь, притвори мою дверь и не открывай ее, пока гости не уйдут».

– И поставь котелок на огонь, – прибавил я. – Мы же радушные хозяева?

Дин одарил меня взглядом, в котором ясно читалось его мнение о моих умственных способностях: дескать, не лез бы ты не в свое дело, все равно ни шиша не понимаешь.

Тем временем в дверь снова постучали, настойчивее, чем в прошлый раз. Я прильнул к глазку.

– Мне непременно надо с ними толковать?

Два охламона на пороге моего дома воплощали сокровенную мечту Дина: этаким красавчиком он всегда жаждал видеть меня.

«Беседа с ними может оказаться полезной».

– Для кому?

«Для кого, Гаррет».

– Сам сообразил, – проворчал я, принимаясь откидывать щеколды и отодвигать засовы.

Дин, закончивший двигать мебель, неодобрительно наблюдал за моими действиями.

Полезная беседа, говорите? Ладно, уж найду о чем потрепаться, пока мой гниющий дружок будет ковыряться в чужих мозгах.

Эти двое наверняка что-нибудь продавали. Такие аккуратненькие, такие чистенькие и приглаженные; не ровен час, проповедники. Если мне начнут втюхивать религиозную бредятину, я могу и не сдержаться. В последнее время ваш покорный слуга переобщался с божествами.

Стоило мне открыть дверь, как первое впечатление улетучилось без следа. Достаточно было увидеть армейскую выправку и губы без намека на улыбку, чтобы понять: эта парочка торгует истинной верой, никак не связанной с благочестивыми бреднями.

Оба ростом под шесть футов, ладные, смазливые – в общем, смерть девкам. Один светловолосый и голубоглазый; второму полагалось бы иметь светлые глаза и голубые волосы, но увы, наши чаяния сбываются далеко не всегда: волосы у него были темные, а глаза – тоже голубые. Ни у того ни у другого ни шрамов, ни татуировок – во всяком случае, на открытых местах.

Должно быть, клерки, подсказал мне мой прославленный интеллект.

– Мистер Гаррет? – справился блондин.

Какие у него ровные зубы! Признайтесь, вам часто встречаются люди с абсолютно ровными зубами? Правильно, я тоже никогда таких не встречал. Даже у Тинни один передний зубик налезает на другой.

– Допустим. Все может быть. Зависит от того, что вам нужно.

Ни тени улыбки в ответ.

– Друг назвал нам ваше имя, – сообщил брюнет. – Сказал, что следует обратиться именно к вам, что вы – герой войны, на которого всегда можно положиться.

– Ребята, нынче героев на улицах пруд пруди: плюнь с

закрытыми глазами – точно не промахнешься. Всякий, кто вернулся домой, уже герой. Вы из какого сообщества?

Одеты они были так, словно собирались на парад. Армейская выправка, армейская манера одеваться – тут и последний остолоп догадается.

Клерки!

«Гаррет, не дразни их ради собственного удовольствия».

Мне положительно необходим новый напарник. Старый слишком хорошо меня изучил.

– Откуда вы?..

– Я же сыщик, ребята.

Да, глаз у меня наметанный. Как говорится, метал-метал и дометался.

– Неужели так заметно? – протянул, почти проскулил брюнет.

Все они одинаковы: по виду того и гляди зарычат, а на деле только скулить и могут. Сами же искренне верят в свою крутизну: и грудь у нас волосатая, и морда кирпичом...

Клерки.

– Когда мы с вами расстанемся, не поленитесь, сравните себя с другими. По крайней мере, с другими людьми, в особенности с молодыми мужчинами.

Конечно, тут возможен нежелательный побочный эффект: сравнение лишь укрепит в них чувство превосходства. Однако они могут и сообразить, куда я клоню:

– Тайные агенты блях на груди не носят.

Ребятки озадаченно переглянулись. Растерялись, милые. А вы туповаты, как я погляжу.

– Можно нам войти? – спросил блондин.

– Прошу, – посторонился я. – Пожалуйста в мой кабинет. Вторая дверь слева.

«Побольше радушия, Гаррет».

– Ребята, вам не нужен попугай?

«Гаррет!»

Судя по тому, как они поморщились, попугай их не заинтересовал. Или они не одобрили мой наряд? В наши дни всякий мнит себя знатоком моды. Между прочим, я одет вполне прилично: рубашка свежая, брюки чистые. А эти хмыри оглядывались вокруг с таким видом, будто попали на свалку. И похоже, чистота внутри моего дома их приятно разочаровала. Что ж, иногда и от Дина бывает толк...

Мы ввалились в закуток, который я именовал кабинетом.

– Мой слуга сейчас принесет чай, – уведомил я.

Гости недоверчиво воззрились на меня: мол, откуда ты знаешь?

В кабинете, разумеется, не так чисто, как в коридоре, и беспорядка куда больше. Просто я не разрешаю Дину тут что-либо трогать. А над моим столом висит картина, которую он ненавидит всей душой.

При первом взгляде на полотно замечаешь только молодую женщину, она убегает от подступающей тьмы. Но чем дольше всматриваешься, тем гуще и обширнее становится

тьма – столь свирепым, на грани колдовства, талантом был наделен художник. Дар свел его с ума, и в эту работу автор вложил все, включая собственное безумие, поэтому картина получилась глубоко личной. Она одновременно рассказывала о событии и обвиняла злодея. Ныне в ней не сохранилось и десятой доли первоначального заряда, но впечатление она до сих пор производила убийственное. Можно сказать, дышала злобой и страхом.

– Это Элеонора, – пояснил я. – Она умерла еще до моего рождения, однако помогла мне распутать одно дельце. – И не только; но незваным гостям детали знать не обязательно.

Портрет когда-то принадлежал тому, кто убил Элеонору. Сейчас он тоже мертв, так что, сами понимаете, картина ему без надобности. А в моем доме Элеонора прижилась. С нею куда легче, чем с Дином, Покойником или Попкой-Дураком. Она редко критикует мои действия и никогда не грубит.

– Нам известно, что вы часто беретесь за... э... необычные случаи, – вякнул блондин.

– Берусь? Я их притягиваю, как громоотвод – молнии! Спасибо, Дин.

На столе появился громадный поднос с чашками, печеньем, пирожными и чайником, над которым клубился пар. Ребятки вновь переглянулись: им явно было неуютно под пристальным взглядом Элеоноры, а тут еще суровый Дин, такая ходячая аллегория порицания.

Но вот Дин удалился. Я налил гостям чай и спросил:

– Так зачем вы пришли, ребята? Только честно.

Они опять переглянулись.

– Слушайте, у меня полно работы...

Попка-Дурак издал негодующий вопль.

– ...если вам негде укрыться от дождя, загляните к миссис

Кардонлос. Она...

– Аргх! Старая стерва! Старая стерва!

– Дождя вроде нет, – заметил блондин.

Клерки что дети: все воспринимают буквально.

– Заткнись, скотина! – прошипел я попугаю.

Гости переглянулись в очередной раз.

Уф! Похоже, это на целый день.

– Прошу прощения, мистер Гаррет, – сказал блондин. – Нас предупреждали, что мы можем натолкнуться на... э... непонимание, поэтому мы ничуть не...

– А член у тебя маленький! – изрек попугай.

– Заткнись, не то в мешок посажу, ты, чучело пернатое! – прорычал я.

Брюнет неуверенно улыбнулся.

– Это чревоувеждение? Помню, в детстве мой дядя...

– Ну почему все спрашивают? Нет, никакого не чревоувеждение! Этот гад, потомок дикой курицы в седьмом колене, и вправду умеет разговаривать. Запас слов у него такой, что мы с вами обзавидуемся, и каждое новое словцо сквернее предыдущего. Может, на него заклятие наложили, не знаю. Мне его подарили. И я никак не могу от него избавиться.

– Маленький, маленький, член-недочлен!

Улыбка растаяла. Мне вновь захотелось задушить Покойника. Впрочем, что толку душить того, кто и так уже давно мертв?

– Меня зовут Картер Стоквелл, – сообщил блондин.

Значит, все же переходим к делу?

– Я так и думал. А тебя?

– Трейс Уэндовер.

– Ну конечно. Привет, Картер! Приветик, Трейс! Вам не

нужен говорящий попугай? Отдаю задешево. Отличный подарок детям на день рождения.

«Гаррет, уймись и перестань их попусту дразнить».

– Не нужен, нет? Ладно, кому-нибудь другому впарю. Пожалеете – поздно будет. Выкладывайте, зачем пришли. Или уходите.

– Нам говорили, что ваши манеры оставляют желать лучшего, – холодно произнес брюнет, то бишь Трейс.

– Мы хотим привлечь вас к нашему общему делу, – заявил Картер.

– Прямо сейчас у меня одно дело, одна-единственная забота: где бы раздобыть денег на пополнение своего обещанного фонда.

– Нам не нужны деньги. Нам нужна помощь. Пожалуйста, выслушайте нас.

– Вам денег никто и не предлагает. А что до «послушать», вы здесь уже десять минут и до сих пор ничего не сказали.

– Вы правы, мы из вольных сообществ. «Черные драконы» Вальсунга. – Картер пристально поглядел на меня.

– Это кто такие? – поинтересовался я.

– Вы не слыхали о «драконах»? – встрял Трейс.

– Извини.

Следуя совету Покойника, я воздержался от фразы, которая могла бы выдать мои истинные чувства по отношению к этим скроенным на военный манер бандам, именующим себя вольными сообществами. Их развелось столько, что всех

было не упомнить.

– Наш предводитель – полковник Вальсунг. Нортон Вальсунг. – Теперь уже оба вперили в меня свои взгляды.

Я пожал плечами:

– Мы с ним не знакомы. Полковник, говорите?

Картер, похоже, начал закипать. Трейс пока еще сохранял хладнокровие.

– Вот именно, мистер Гаррет, – процедил блондин. – Полковник Вальсунг командовал бригадой «Черных драконов».

Приятель метнул на него предостерегающий взгляд, но Картер продолжал:

– Его послужной список исполнен великих побед.

Не сомневаюсь. На войне быстро становится понятно, кто чего стоит.

– Он вам не родственник?

– Мой дядя, – гордо сообщил Трейс.

– Который чревовещатель? Знал я таких полковников. Знатные были умельцы свои слова в чужие рты вкладывать.

– Нет, мистер Гаррет, другой дядя.

– Ага! Наконец-то мы имеем хоть что-то. Полковник, который не чревовещатель. И что же вашему другому дяде нужно от меня?

– Мы наслышаны о ваших талантах и вашем опыте, как боевом, так и... э... мирном.

Все-таки я не сдержался.

– Вам понадобился бывший морской пехотинец, привыч-

ный к отлову вампиров, спасению колдунов и розыску сбежавших жен, чтобы одолеть одряхлевших гномов и увечных крысюков? Неужто сами не справляетесь?

«Гаррет!»

Ребятки побагровели. Картер вскипел раньше, поэтому его физиономия сделалась даже не багровой, а бурой.

– Мистер Гаррет, – процедил Трейс, – мы не нападаем на людей на улицах. Мы состоим в братстве ветеранов, а не в уличной шайке, и наша цель – помогать вернувшимся с войны.

– Ну да, ну да. На днях прямо у нас перед домом чуть не забили до смерти ветерана, который отслужил пять сроков по пять лет, последние три срока в Кантарде. У него восемь наград, среди них Имперская звезда с мечами и дубовыми листьями. В сражении он потерял левую руку, а лицо ему обезобразил колдовской залп. Сейчас он в «Бледсо». Возможно, не выживет. Эти мясники отделали его по полной, просто так. Ступайте-ка помогите ему. Его зовут Брет Верняк.

– Но ведь «Бледсо» – благотворительная...

– Ты что, родился не в Танфере? В нашем городе за благотворительность надо платить.

– Какая низость! – Трейс, похоже, не на шутку расчувствовался, а вот Картеру было явно плевать на всех ветеранов, вместе взятых. – Потому-то мы и пытаемся...

– Прости, Трейс, я не закончил. Видишь ли, Брет – насто-

ящий герой, отличный солдат. К сожалению, он совершил огромную, чудовищную ошибку...

Гости выжидающе уставились на меня.

«Гаррет, прекрати! Замолчи немедленно!» – чуть ли не взмолился Покойник.

– Он изрядно сглупил, выбрав себе в деда великана.

До них дошло не сразу. Я наблюдал, как сужаются глазки, как начинают подергиваться губы. Из двоих Картер был, пожалуй, потупее, но тут он дотумкал первым.

– Вы ошибаетесь, – сказал он мне. – Идем, Трейс, мы зря теряем время.

– Ничего подобного, – возразил я. – Постарайтесь понять: кроме черного и белого, есть множество других цветов. – Я посмотрел на Трейса, тот поспешно отвел взгляд. – Чем вы занимаетесь, парни? Бумажки сочиняете, по поручениям бегаєте? Дядя подыскал тебе местечко потеплее, да, Трейс? Картер, и у тебя наверняка есть покровитель? Так кто из нас, по-вашему, защищает Каренту, императорскую семью, Корону? Вы или мой уродливый приятель?

– Вы понятия не имеете, что происходит на самом деле, – изрек Картер.

Почему-то мое невежество его обрадовало.

Я встал и направился к двери.

– Валите отсюда, ребята. Я тоже уйду. Пойду проведу Брета и других бедняг.

Трейс раскрыл было рот, но Картер не дал ему ничего ска-

зять.

В следующее мгновение эти серьезные молодые люди покинули мой дом. Картер наверняка назавтра и не вспомнит историю про несчастного Брета. Признаться, я сочинил ее не сходя с места. Нет, Брет Верняк существует, на него и впрямь напали, вот только избить не получилось – великана, даже полукровку, поколотить не так-то просто. Однако мои гости ничуть не возражали бы против того, чтоб Брет очутился в «Бледсо». Или на кладбище.

Короче, за Картера можно не волноваться, а вот с Трейсом надо бы повозиться. Он показался мне человеком, у которого иногда наступает просветление.

Я запер дверь, насвистывая в блаженном неведении.

«Гаррет, ты утратил форму. Это представление было далеко не лучшим. Мне ли не знать, что ты способен на большее».

– Чего? Неужто пожалел эту шушеру? Да они полные придурки, блондин в особенности.

«Эти придурки, как ты изволил выразиться, вовсе не закоснели в предрассудках, которые ты им приписываешь. Кроме того, они мало чем отличаются от большинства современных людей. Вы все чувствуете себя уязвленными, вам необходимо выплеснуть обиду и раздражение. Эти двое в основе своей вполне приличные люди. Однако...»

– Ну? Чего замолчал?

«В них не ощущается глубины. А глубина есть у всех, даже у столь поверхностного сознания, как то, каким наделен твой друг мистер Тарп».

– Шутишь? Это парочка белоручек, в жизни палец о палец не ударивших...

«Ты не понял, Гаррет. Их сознание имеет поверхность – и все, дальше ничего нет. Обычно людей переполняют эмоции, темные течения мыслей свиваются в жуткие кольца в нижних слоях сознания, недоступных человеческому разумению. Это происходит у всех, даже у мистера Тарпа и мисс Торнады. Но эти двое лишены какой бы то ни было глуби-

ны; на поверхности фанатизм, дальше – пустота. Кстати сказать, их фанатизм вовсе не такой слепой, как у большинства. Они уловили суть твоего велеречивого выступления, постигли смысл притчи о Брете. Непонимание – не более чем притворство; они повели себя так, потому что того требовали их маски».

Признаться, я совсем запутался. Ухватил только то, что Покойник говорил насчет поверхности.

– Это меня не удивляет. Знаю я таких типов, навидался по самое не могу. Они предпочитают, чтобы за них думали другие. Так же гораздо проще?

«Может быть. Но меня не покидает ощущение, что в наших общих интересах было задержать гостей подольше, чтобы я успел как следует изучить их сознание – или, выражаясь твоим языком, выдоить их до дна».

– Выдоить? Разве хоть один из них мычал?

«Прибереги свои колкости для очередной красавицы, которую вздумаешь обольстить. Тебе следовало извлечь из них максимум сведений, занять их беседой, пока я проникаю под поверхность».

Судя по накалу мысленной речи, я таки ухитрился слегка рассердить своего партнера.

«Данное вольное сообщество может добывать средства, вымогая деньги именем „Зова“. И подобной возможностью отнюдь нельзя пренебрегать. Согласен?»

Терпеть не могу, когда Покойник оказывается прав в на-

ших спорах. А сейчас он был прав. Я поддался эмоциям. Со-
всем не подумал о том, что эти два шута могут иметь отно-
шение к наездам на Вейдера. А ведь с них вполне станется.
Между прочим, кто-нибудь из их подельников мог заметить
трех девиц, заглянувших к приятелю-сыщику...

«Когда ты повзрослеешь, Гаррет?»

– Чего?

«Ты не размышляешь. Ты действуешь под влиянием
чувств. И твои действия часто идут в ущерб здравому смыс-
лу. Впрочем, наши недавние гости как будто не связаны с
делом Вейдера. Из чего, правда, вовсе не следует, что то же
самое можно сказать о тех, кто их прислал».

– Ага! Так они знали о тебе?

«Эти двое – нет. И о тебе они тоже ничего не знали, за
исключением того, что им сообщили. По-моему, Гаррет, ты
снова все испортил».

Ну, как сказать... Может, они и вправду хотели нанять
меня... Я вздохнул. Да, как это ни противно, Покойник прав.
Как же мне надоела его вечная правота!

– Думаю, надо прогуляться на пивоварню и...

«Разумеется. Но не сию секунду. Потом. Когда заступит
ночная смена. В ней молодые мужчины, которые еще хоро-
шо помнят Кантард. Если на пивоварне есть борцы за права
людей, почти наверняка их следует искать среди молодых».

Что я мог ответить? Когда Покойник прав, он прав. Но
что-то слишком часто он оказывается правым в последнее

время.

– Ладно. Что ты предлагаешь?

Может, что-нибудь разумное?

«Отправляйся к капитану Тупу. Расспроси его насчет „Зова“. Оброни два-три намека относительно пивоварни».

И впрямь разумный совет. Капитан Уэстмен Туп¹ – командир Гвардии, как именуют в Танфере олухов из городской полиции. У Гвардии множество недостатков, но достоинств тоже хватает; во всяком случае, последних у нее побольше, чем у Стражи, предшественницы нынешних полицейских. Стража в основном занималась тем, что собирала взятки; недаром стражников определили в пожарные.

Гвардия не то чтобы пылала рвением, но был в ней корытшка по имени Шустер, наполовину гном, на треть помесь других народов и на одну восьмую человек. Урода страшнее я в жизни не встречал. Так вот, Шустер просто бредил дисциплиной и соблюдением законов. Все разговоры, которые он вел, вращались вокруг системы Нового порядка, то бишь вокруг абсолютного, непрерываемого главенства его величества закона. Не так давно мы столкнулись с ним в дождливую ночь. Он «на добровольных началах» помогал криминальной службе Тупа, тогда еще входившей в состав Стражи, проводить расследование. Я сказал ему что-то не слишком

¹ *Уэстмен Туп* – полковник. Покойник и Гаррет знают это, но по старой памяти продолжают называть его капитаном. См. книгу «Смертельная ртутная ложь», гл. 21.

приятное. Он в ответ посоветовал мне придержать язык, поскольку в скором времени рассчитывал стать важной особой.

По всей видимости, он обладал пророческим даром.

Когда принц Руперт учредил Гвардию и назначил возглавить ее Уэстмена Тупа, старина Туп тут же вспомнил о Шустере. И тот в два счета организовал тайную полицию, собрав сторонников, разделявших его взгляды. Теперь частенько случалось, что люди, коих угораздило привлечь к себе внимание Шустера, исчезали без следа...

Не больше тысячи человек знали о существовании тайной полиции. Шустер, разумеется, не распинаясь о своей деятельности на каждом углу. И спору – найдется от силы дюжина тех, кто знает самого Шустера в лицо.

Один из таких людей – я. Иногда при мысли об этом пробрает дрожь.

Стоит кому-нибудь при мне упомянуть Тупа, я сразу же вспоминаю Шустера. Иными словами, со мной Шустер добился своего: он как-то обмолвился, что всяк должен ощущать на себе незримое и недреманное око закона...

Старина Вейдер – один из видных горожан. Он не аристократ, но богат и влиятелен. У него немало друзей наверху, и друзей настоящих, привязанных к нему по-человечески, а не из-за его богатства. Туп не задумываясь ринется на его защиту.

А уж Шустер и подавно – тем паче если ему сообщить, что тут замешан «Зов».

– Пожалуй, я с тобой соглашусь. Надо напустить на них Гвардию. В конце концов, у Тупа возможностей куда больше нашего.

«К сожалению, не все так просто».

– И почему меня это не удивляет?

«Потому что ты наконец-то научился распознавать людей – хотя до сих пор не отдаешь себе в том отчета. В глубине души и мисс Вейдер, и мисс Николас опасаются, что Тай Вейдер – не мишень, а источник угрозы».

– Я этого парня недолюбливаю, но это еще ничего не означает. Выходит, Никс не зря откладывает свадьбу?

«Бедная девочка буквально разрывается на части. Я ей сочувствую. Она бы с радостью расторгла помолвку, когда бы не помнила того Тая Вейдера, которого знала в детстве и который ничуть не похож на нынешнего, вернувшегося из Кантарда без ноги. Перекуси, а затем отправляйся к капитану Тупу».

– Как скажешь, мамочка.

Естественно, выпад пришелся мимо цели.

Покойник вытащил мысленный кляп из клюва Попки-Дурака. Мерзкая пичуга все это время, должно быть, копила ругательства, подбирая самые гнусные. И не преминула громогласно их выдать.

Контора Тупа размещалась в городской тюрьме Аль-Хар. Очень удобно, особенно если учесть, сколько в наши дни развелось преступников. Сама тюрьма просторная, холодная, уродливая и заждавшаяся ремонта. Просто удивительно, что заключенные пока не догадались сбежать, сломав, к примеру, стену или выдернув ржавые прутья на окнах. Столетия назад некая семейка с Холма изрядно обогатилась на строительстве Аль-Хара: воровали и мухлевали где только могли. Скажем, вместо отличного карентийского известняка, который добывают в одном дне пути по реке от города, поставили мягкий желто-зеленый камень, впитывавший влагу из воздуха и быстро начавший крошиться. Пройтись по улицам вблизи тюрьмы – все они в этом каменном крошеве.

А раствор оказался даже хуже камней, которые предполагалось им скрепить. По счастью, хоть толщину стен выдержали.

Я свернул за угол – и обомлел, ибо моему взгляду предстала совершенно новая тюрьма.

Вся в строительных лесах, на которых кишмя кишели работяги, усердно драившие камень, возвращая ему молодость.

Впрочем, даже отчищенный, этот камень оставался таким же невзрачным.

Интересно, откуда денежки взялись? До недавних пор танферская тюрьма, можно сказать, пустовала, поэтому денег на ее содержание из казны не выделяли.

Мало того: когда Туп решил обосноваться в тюрьме, от туда пришлось изгнать честных танферцев, устроивших себе там уютное обиталище.

Как выяснилось, капитан Туп был на месте. Вдобавок он пожелал меня принять. Причем немедленно.

– Туп, ты же у нас теперь бюрократ. Тебе полагается отвечать, что ты слишком занят, чтобы принимать тех, кому не назначено. Прецедент – вещь опасная. Ну ладно, скажи лучше, ты и вправду живешь здесь? В тюрьме?

– Я холостяк, а холостякам много места не нужно.

Выглядел Туп немного печальным и сильно усталым. Еще бы – попробуй-ка изо дня в день по-настоящему разыскивать и ловить тех, кто злоумышляет против закона. Дело, конечно, важное, с этим не поспоришь, но тут необходим некий внутренний стержень, а оно у Тупа, по-моему, не наблюдалось.

– Паршиво выглядишь, приятель, – посочувствовал я.

Обстановка конторы никак не соответствовала положению Тупа в обществе. Да и одежонку мог бы сменить. Я бы вырядился что твой адмирал в день парада. Но ему, похоже, на подобные условности было наплевать.

– Принц проникся ко мне после дела о заклинании-киллере, воспроизводившем себя, – вздохнул Туп. – Теперь я

почти неприкасаемый. Наверное, потому, что никто другой за такую работенку не возьмется. Хотя... работа достойная, а что благодарности не дождешься – так я привык. Стоит изловить одного злодея, тут же появляются новые. Как зубы дракона в той старой байке. Знаешь, поверить не могу, что все они исхитрились пережить войну.

Я пожал плечами. Понятия не имею, о какой старой байке он толкует.

Передо мной сидел все тот же Туп – невысокий, худощавый, с коротко стриженными темными волосами, в которых заметно пробивалась седина. Тот – и не тот. Как обычно, ему не помешало бы побриться. Из него получился бы отличный шпион – в нем не было ровным счетом ничего выдающегося. Такого не заметишь, пока он не завопит тебе в ухо. При нашей первой встрече, еще в те времена, когда под законом разумели мзду блюстителям закона, Туп ругался не хуже Попки-Дурака, повадками же напоминал оголодавшую змею.

Не могу сказать, что мне был по нраву новый Туп – пообтесавшийся, научившийся хорошим манерам и, главное, целеустремленный.

– В прежние времена ты был поспокойнее, – сказал я. – Требовали – делал, не требовали – не делал...

Туп помрачнел:

– Я обрел веру, Гаррет.

– Чего?

– Я позволил Шустеру уболтать себя и взял его на службу.

Это была большая ошибка. Своим рвением он заражает всех вокруг.

– Угу.

Да, Шустер, с его-то головой и с его жизненными принципами, к концу года заставит нас забыть само слово «преступление». Этот тип вершит святое дело. От таких лучше держаться подальше – во избежание.

– Зачем пожаловал? Послушать, какой ты пройдоха?

– Ну, не совсем. Хотел расспросить насчет «Зова» – и потолковать про Макса Вейдера. Кто-то к нему подъезжал на днях. – Нарушив традицию, я изложил Тупу все подробно.

Естественно, он заподозрил неладное. Я бы на его месте тоже насторожился, ведь в прошлом мы друг перед другом карт не раскрывали.

– А зачем ты мне все это рассказываешь?

– Напарник велел. И потом, я в долгу перед Вейдером. Будет лучше, если за ним присмотрит кто-нибудь при исполнении...

– Присмотрит? А что может случиться?

– С нашими бравыми ребятами? Да что угодно!

– Тут ты прав. Слыхал, на днях сожгли народ на северной стороне?

– Слыхать-то слыхал, но и только. Дел было по горло, не до слухов.

– Пьяницы, мелкие воришки... У таких врагов не бывает.

Сгорели дотла.

– Шутишь.

– Если бы! Шесть случаев. Чую, не обошлось без колдовства. Шустер настаивает на связи с сообществами, но я хоть убей не вижу, какая тут может быть связь. Правда, представить чародейку, заживо сжигающую пьяниц, у меня тоже не получается.

– Почему чародейку, а не чародея?

– Какому мужику взбредет в голову расправляться с пьяницами?

– Одного я знаю. – (Живет в моем доме.) – Ну, так что? «Зов» занялся вымогательством?

– Я о таком не слышал. Джирек!

Дверь отворилась, и в комнату ввалилось некое существо, отдаленно напоминавшее человека. В нем было понамешано всего понемножку, больше всего от великана, тролля и уроды обыкновенного. И не забудьте прибавить родовую травму. Двигалось это существо бочком и сильно сутулилось, будто у него болела спина.

– Джирек был ранен в стычке у Каунсил-Уэллс.

Ага, ветеран. И не человек. Сразу вспомнилась история, которой я пытался вразумить Картера с Трейсом. Некоторые из наших величайших героев – вовсе не люди.

– Каунсил-Уэллс, – повторил я. – Великая победа...

– Мне показалось или я услышал издевку?

В местечке Каунсил-Уэллс хотели устроить переговоры о

перемирии. А мы, то бишь карентийцы, разместили в близлежащей пустыне отряд командос. И в ночь накануне переговоров они вырезали всю делегацию венагетов во сне.

В общем, один из тех маленьких триумфов, что привели к победе Каренты.

– Издевку? Упаси меня все боги, вместе взятые!

Джирек состроил жуткую гримасу, которую при большом желании можно было принять за ухмылку, а потом негромко заухал. Ну и воняет у него изо рта! Червяк и тот сдохнет. Но чувством юмора он явно не обделен.

– Шустер должен быть в своей каморке, – сказал Туп. – Позови его.

– Хорошая шутка, – заметил мне Джирек, хмыкнул и уковылял прочь.

– Что это было? – спросил я.

– Просто Джирек. Уник. – (На жаргоне «униками» называли полукровок с чрезвычайно запутанной родословной.) – В Кантарде он пару раз спасал мою задницу. Отличный солдат. Дрался на загляденье. Слишком глупый, чтобы оспаривать приказы. Велели – исполнил, и никаких гвоздей.

– Что-то я тебя не узнаю, капитан.

– Я всегда такой был, ты просто не приглядывался. О твоём легкомыслии уже столько баек сложили!

– Да ну! Обижаешь...

Тут появился Шустер – без стука. Неслышно, как тень, проскользнул в комнату и замер у порога.

Он тоже уник, да такой, что Джирек рядом с ним – образец человеческой породы. И мыслит совершенно не по-людски. Вечно ищет повода поцапаться, и аппетит волчий: палец протянешь – можно с рукой попрощаться. Настолько заботится о соблюдении законов, что сам себя вознес над любыми законами, мешающими карать преступников. Его помощники, доносчики и ночные стервятники, теперь повсюду. Скоро именем Шустера детей пугать начнут, если уже не начали.

Что он собой представляет как человек (в смысле «разумное существо, ходящее на задних лапах»), никому не ведомо. Я с ним познакомился совершенно случайно – так сказать, очутился в нужное время в нужном месте.

– А, Гаррет, – кивнул Шустер. – Как делишки?

Голос у него был хриплый, какой-то даже потусторонний.

– Отлично. Ты что, простыл?

– Погода чудит. Я слышал, кстати, ты можешь об этом что-то знать.

– Я? Таких, как я, в тайны погоды не посвящают.

Не стану же я, в самом деле, рассказывать о своих заморочках с ополоумевшими богами!

Он окинул меня взглядом типичного блюстителя закона. Этот взгляд говорил: «Мы оба знаем, что ни словечку из твоего поганого рта верить нельзя». И такие вот молодцы охраняют наш покой? Впрочем, надо отдать ему должное: бандюков он пошерстил изрядно.

– А что это у тебя на плече, Гаррет?

У Тупа хватило вежливости как бы не заметить злобного филина в клоунском наряде.

– Мой обед. Готов поделиться. Разводи огонь.

Попка-Дурак – или Покойник, вещавший через птичку, – разумеется, не смолчал:

– Аргх! Тупица!

– Как это у тебя получается? – любопытствовал Шустер. – Губы вроде не шевелятся...

– В морской пехоте научили.

Шустер повернулся к Тупу:

– Что стряслось, Уэс?

Ого! Какая фамильярность!

– Да так, Дил, мелочь. Ты ведь занимаешься правозащитными шайками?

– В общем, да. В них трудновато внедриться. Как правило, туда сбиваются те, кто знал друг друга еще в Кантарде.

Ничего удивительного, я тоже поддерживаю знакомство со своими братьями по оружию. Мы частенько собираемся попить пивка, но нам и в голову не приходит устраивать разборки на улицах.

– Наиболее уязвимы большие группы наподобие «Зова», – продолжал Шустер. – Слишком много народу, всех в лицо не запомнишь. Сам «Зов» организован по армейскому принципу. Маренго Северная Англия пытается создать собственную армию. Они называют себя «Вольными стрелками» Те-

верли.

– Полковник Тверли тоже с ними? – удивился я.

Мне довелось служить под его началом. Один из немногих офицеров, не чуравшихся простого солдата. Не скажу, чтоб мы были близко знакомы; во всяком случае, как он относится к нелюдям, я понятия не имел. Там, в Кантарде, он ко всем относился одинаково.

– Человек убеждений, – хмыкнул Шустер, и в его глазах промелькнула тень. – Ты что, знаешь его?

– Воевали вместе, на островах. Он был ранен, и его отправили в тыл как раз перед тем, как венагеты на нас навалились. Если правильно помню, в госпитале ему отрезали ногу. Хороший был командир.

– Ты здесь из-за него?

– Нет. Я и не знал, что он в городе.

– Дил, – подал голос Туп, – мог ли «Зов» удариться в рэкет, чтобы пополнить свою казну?

Шустер нахмурился:

– Неужто поймал с поличным, Гаррет?

– Если бы... У меня есть клиент. Макс Вейдер. Пивной король.

Шустер кивнул. Похоже, мои отношения с Вейдером не были секретом ни для кого в Танфере.

– Его дочь Аликс утверждает, что кто-то из «Зова» наехал на ее брата Тая. Требовал долю прибыли. Вообще-то, на «Зов» не очень похоже. Но если им срочно понадобились

деньги, они вполне могли бы придумать что-нибудь этакое.

– Могли бы, – согласился Шустер. – Сам я ни о чем подобном не знаю. Зато слышал, что у них были далеко идущие планы – касательно нелюдей.

– Двух зайцев одним махом?

– Вот именно. Их внутренний совет сформулировал это так: «Мы считаем, что болезнь оправдывает методы лечения».

Любопытно. Он что, лично присутствовал на заседании этого совета?

– Странные дела творятся. Какие-то молокососы залезли на территорию Чодо, и у них до сих пор здоровье в порядке?

Не могу себе представить, чтобы самый фанатичный член «Зова» отважился бросить вызов Чодо Контагью. В Танфере Чодо – некоронованный король, если хотите, пахан из паханов. С ним шутить – себе дороже, проще сразу повеситься. Таких врагов люди здравомыслящие стараются не заводить.

Вдобавок я знал то, о чем, по всей видимости, Шустер пока не догадывался. Чодо почти отошел от дел, всем заправляла его дочка Белинда. А с нею связываться – хуже, чем с папашей: девка молодая, горячая, ни чужих не щадит, ни своих...

– Пока в порядке. – Шустер криво усмехнулся. – Но долго это не продлится. Не тебе рассказывать, что у Контагью за семейка.

– Угу.

– На твой вопрос, Гаррет, я отвечу так: до сего дня «Зов» не выказывал интереса к рэкету. Возможно, они решили попробовать, что да как. Если Вейдер не сдюжит и пивоварня окажется под «крышей», другие богатеи последуют его примеру.

– Я знаю Макса. Он не отдаст ни гроша, сколько бы ему ни угрожали. И большинство толстосумов его поддержит, пускай даже они в душе сочувствуют «Зову». Кому нужен прецедент? К тому же все они не робкого десятка, иначе никогда бы не разбогатели.

Быть может, вдруг подумалось мне, вовсе не случайно вместе с Аликс в мой дом заглянули Никс и Тинни. Тейты владели обувной фабрикой, а семейство Николас запустило свои щупальца в виноделие, добычу угля и торговлю.

По правде сказать, обратиться ко мне даже сам Макс Вейдер, я бы, скорее всего, отказался от этого дела. Но пошлите к Гаррету смазливую мордашку – и он весь ваш.

Слишком я предсказуем. И слишком много вокруг смазливых мордашек.

Шустер устремил на меня пристальный взгляд и, лукаво усмехнувшись, предложил:

– Договоримся, Гаррет?

– В смысле?

– Мне известно, что ты не одобряешь мои методы. Ты же у нас мистер Праведник, святее распоследнего святоши. Я не в претензии; дело, сам понимаешь, хозяйское.

Он ухмыльнулся, а я поежился. Страх да и только – Шустер с чувством юмора. Может, это подменыш?

– Но ничто не мешает нам помочь друг другу, – заключил он.

Наконец-то! Нет, не зря я наведалься к Тупу.

– Я слушаю.

– Что-то воодушевления не чувствуется.

– Разве? Я просто кипятком от восторга писаю.

– Не заметно. Идея вот в чем: ты запросто сойдешься с этими ребятами. Им такие парни нужны.

Наверное. Иначе те два оболтуса, Стоквелл с Уэндовером, не постучали бы в мою дверь.

– Сомнительный комплимент.

Шустер оскалил в ухмылке зубы – совсем не человеческие.

– Ты служил с этими людьми. Ты знаешь, как они думают. Ты слышал все их бредни. Неужто сложно будет собезьянничать? – Он поглядел на Попку-Дурака, и его ухмылка стала шире. – Или спопугайничать? Повторяй чужие слова, и никаких проблем.

Я фыркнул. Надеюсь, Шустер с Тупом не слишком заинтересовались попугаем. Не хватало еще, чтоб они догадались, что птичка – не простая, что ею на расстоянии управляет Покойник.

– Может быть. Но зачем?

– Мои люди не могут внедриться. Эти параноики не под-

пускают к себе никого подозрительного – с их точки зрения, разумеется. Если в тебе есть хотя бы капля чужой крови, значит ты полукровка и говорить с тобой не о чем, хоть ты трижды герой войны. Пауки плетут сеть ненависти... Человечество спасется лишь через истребление всех остальных. Поэтому даже капля чужой крови – уже повод к решительным действиям. Иначе повсюду расплодятся уники.

По-моему, у меня отвисла челюсть. К счастью, под потолком не летало ни мух, ни ворон, так что в рот ко мне залететь никто не мог.

– Бред какой-то! Дурость...

– Вера остается верой, Гаррет, какой бы смехотворной она ни была. И эти люди ходят по нашим улицам.

Я хотел было возразить насчет веры, но припомнил свое последнее дело: несколько религий, одна смехотворнее и нелепее другой... Людям нужно во что-то верить, и они готовы поверить во что угодно. Желательно во что-то превосходящее разумение большинства, будь то божество или какая-либо первопричина. Была бы вера, а уж во что верить всегда найдется.

– Понятно.

– Никто от тебя не требует чудес героизма. Просто зайди в расследовании чуть дальше, чем собирался, и сообщи мне то, что сумеешь выяснить.

– А мне какая польза?

– Я поделюсь с тобой тем, что известно мне. И буду охра-

нять Вейдера – если до того дойдет.

Старине Вейдеру, конечно, я обязан многим, но и Тейтам кое-что задолжал.

– Может, тогда и за Тейтами приглядишь?

– Хорошо, – вздохнул Шустер и улыбнулся, вновь показав жуткие зубы. – Ты помирился со своей подружкой?

Должно быть, частная жизнь некоего Гаррета известна Танферу во всех подробностях. Стоит Тинни подмигнуть мне – и весь город уже знает.

– Просто я перед ними в долгу.

– Договорились. Уэс, я пойду поброжу по улицам. Может, чего узнаю.

Узнает, узнает, не извольте сомневаться. Хуже того – никто и не заподозрит в нем пресловутого Шустера.

– погоди, – остановил его я. – Еще пара вопросов. Ты слышал о «Черных драконах» Вальсунга?

Шустер пожал плечами и для вящей убедительности даже развел руками.

– Что это?

– Новое вольное сообщество. Командует ими полковник Нортон Вальсунг, служивший в бригаде «черных драконов».

Шустер покачал головой.

– Никогда о таком не слышал, – заметил Туп.

– Я тоже. Оно и удивительно.

– Почему? – справился Шустер.

– Ко мне сегодня днем заявились два обормота. По ви-

ду клерки. Картер Стоквелл и Трейс Уэндовер. Приглашали влиться в ряды.

Туп переглянулся с Шустером.

– Новые шайки возникают каждый день, – сказал Шустер. – Поспрашиваю.

Туп махнул рукой, и Шустер скользнул к двери. Я тоже было хотел уйти, но Туп произнес:

– Постой, Гаррет.

– Ну?

– Поосторожнее там, ладно? Эти ребята не церемонятся.

– Да уж не первый день на свете живу. Все ошибки остались в прошлом.

– Все равно мой тебе совет – гляди в оба. И не таких, как ты, пройдох убивали.

– Понял, учту. Спасибо за заботу.

– Вот еще что. Шустер порой слишком увлекается. Забывает обо всем, кроме того, что его в данный момент интересует...

– Куда ты клонишь?

– Его люди видели вчера Краска с Садлером. Помнишь их? Они вернулись в город и по глупости своей тут же засветились.

– Да уж, гиганты мысли... – поежился я.

Не то чтобы я сильно испугался, просто оба – и Краск, и Садлер – наемные убийцы наихудшего сорта. Того самого сорта, какому вынь да положь голову единственного сына

миссис Гаррет. Того самого, какому выпала редкая удача – заниматься любимым делом.

Надо сказать, у них большой зуб на любимого сыночка ма-маши Гаррет. Я приложил руку к тому, чтоб их вытурили из города, да и в паре-тройке других делишек замешан...

– Ладно, поберегусь.

– Уж пожалуйста. Эй, обучи свое пернатое чучело – пусть по сторонам глазееет и предупреждает, если что.

– Слыхала, пичуга?

Попка-Дурак гордо промолчал. Зашить ему, что ли, клюв – чтоб уж наверняка?..

Краск и Садлер... Проклятие! А я-то надеялся, что мы с этой сладкой парочкой распрощались навсегда.

Они повели себя не слишком красиво, когда Чодо хватил удар. По правде сказать, мало кто об этом знает. Большинство уверено, что старина Чодо по-прежнему на коне. Когда бы не Белинда, одурачившая Краска с Садлером, этой уверенности не было бы и в помине. Уж эти двое, смертельные враги Контагью, вмиг прознали о недуге Чодо, отсюда и стремление Белинды как можно скорее вытурить их в соседнюю плоскость бытия.

Ныне Чодо Контагью – не более чем гора плоти в инвалидном кресле. И толк от него один-единственный: Белинда делает вид, что приказы, которые она отдает, исходят от папочки.

– Ты поосторожнее, – повторил Туп.

– Ты тоже. – Я помолчал. – Пожалуй, новый Уэстмен Туп будет посимпатичней старого.

Он криво усмехнулся.

– На твоём месте я бы сюда больше не приходил. В наши дни никому доверять нельзя, кругом доносчики, не одни, так другие.

Выйдя на улицу, я осмотрелся. Полезная, надо сказать,

привычка – по жизни полезная. В нашем милом городке всегда хватало желающих средь бела дня стырить золотой зуб у тебя изо рта.

Похоже, на меня никто не обращал внимания. И неудивительно: не то чтоб я выглядел чересчур грозно, но на легкую добычу вовсе не смахивал.

Вот и славненько. Что ж, закон на свою сторону я привлек, и особого труда это не составило – ведь Макс Вейдер принадлежал к числу тех, кого наш закон и оберегал... Общественное достояние.

Денек выдался замечательный, чуть жарковатый, но ветреный; по небу, такому голубому, словно это был прообраз небесной голубизны на веки вечные, бежали редкие облачка. В такие деньки мы, поклонники светлого времени суток, готовы плясать от радости. В такие дни люди хохочут на улицах, навещают давно забытых друзей, заводят детишек. В такие дни обходится почти без кровопролитий, и даже отъявленные злодеи наслаждаются прелестью мироздания. В такие дни можно ожидать неприятностей от Шустера и компании, потому что у них появляется избыток свободного времени.

Я направился на северо-восток. Пора и мне навестить давно забытого друга.

Народа на улицах было изрядно, но доморощенные борцы за права людей не проявляли особой активности. Если этакая погода продержится еще пару дней, придется закрывать

похоронные конторы – у них просто не станет клиентов.

Мимо проскакал кентавр в потрепанной армейской попо-
не. Значок полка я разглядеть не успел. Н-да... Если кентавр
эту попону спер, а не получил в награду за верную службу,
его запросто могли пристукнуть – чтоб не покушался на свя-
тыни.

Впрочем, кентавру было все равно. Он был слишком пьян,
чтобы задумываться о всякой чепухе.

Воздух над головой кишел бесчисленными пикси, силь-
фами и прочей шатией. Молодняк бесцеремонно изводил го-
лубей. И пускай – никто и словечка против не скажет, разве
что голуби.

Если приглядеться, в вышине можно было различить
двух-трех ястребов и соколов. Малому народцу не мешало
бы поостеречься... Вот-вот! Какой-то сокол-недоумок спи-
кировал на симпатичную пикси – и немедленно ретировался
под градом отравленных дротиков. Малышня успешно рас-
стила новое поколение хищников.

Жаль, что люди бестолковее птиц. Иначе мы могли бы на-
учить пернатых простому правилу: на сородичей, сколь угод-
но дальних, не нападают.

В такие деньки на улицу высыпают все подряд. Неверо-
ятно, сколько в Танфере народу! Вообще-то, Танфер – это
несколько городов на одном и том же месте. В нем есть ве-
черние жители, есть ночные и утренние. Как правило, друг
с другом они не пересекаются, потому что у каждого свой

образ жизни. Во всяком случае, так было до сих пор.

Попка-Дурак взмахнул крыльями, заодно взъерошив мне волосы, и спорхнул с моего плеча – должно быть, решил пообщаться с другими птицами.

– Лети, лети, птичка, – мрачно пробормотал я ему вслед. – А то знаю я одно местечко, где обожают готовить голубей. И никто не следит, взаправдашний голубь в супе или какой-нибудь попугай...

– Аргх! – отозвался Попка-Дурак. – Я буду парить с орлами и...

– Давай позовем вон того ястреба. Думаю, он не откажется составить тебе компанию.

– Спасите!

– Дяденька, ваша птичка и правда умеет говорить?

– Не приставай к дяде, Берти. Это чревовещатель. – Мамаша Берти метнула на меня суровый взгляд: мол, как не стыдно морочить людям голову и мучить невинную крылатую тварь.

– Возможно, вы правы, мэм. Хотите забрать его? Уверен, у вас ему будет гораздо лучше.

Утащив за собой сына, женщина умчалась прочь с такой скоростью, что слышался свист рассекаемого воздуха.

Вот так всегда. Бедный несчастный попугай никому не нужен.

Заведение было с потугами на шик. Потуги потугами, но конкурентам оно проигрывало изрядно – потому, что среди фирменных блюд здесь было не найти ничего тверже баклажана или тыквы. Название забегаловки менялось под стать настроению ее владельца Морли Дотса. В последнее время он предпочитал именовать свою харчевню «Пальмами». Что касается клиентуры, в ней числились и мелкие преступные сошки, приходившие сюда потолковать, забить «стрелку» и даже заключить временное перемирие, и светские львы, которые вели разговоры, забивали «стрелки» и заключали перемирие.

Единственное, что в «Пальмах» не менялось, – это обслуга.

Когда я заглянул к Морли, наплыва посетителей не наблюдалось. Я бы даже сказал, что бросалось в глаза их отсутствие. Обслуга готовилась к тому моменту, когда места за столиками начнут заполняться.

Последний бзик Морли – респектабельность. От позолоты на стенах и прочей дребедени просто рябило в глазах.

– Блин! А я-то думал, этот длиннохвостый мешок с навозом давно концы отдал.

– Ты бы выбирал слова попроще, Сарж, а то, не ровен час, язык сломаешь.

Интересно, где он подцепил это словечко? Обычно его лексикон состоял из слов длиной не более трех слогов.

– Снова эта паскуда приперлась? – прорычал кто-то из полутьмы за стойкой. – Сарж, я ж тебе говорил...

– Это не он, Рохля. Это Гаррет.

– Без разницы.

– А то.

– Парни, займитесь лучше делом, – посоветовал я.

Что Сарж, что Рохля вышли словно из одной формы: оба здоровые, жирные, неряшливые, с головы до ног в татуировках. Типичные плохие ребята – но не настолько плохие, как они сами о себе думают.

– Не лезь, Гаррет. Наше дело – по улицам шлаться, к девушкам приставать. А девки горячие бывают... Эх-ма, старею я, приятель...

– Тебе чего, Гаррет? – справился Рохля. – Милостыню мы на этой неделе не подаем.

– Оставь себе. Хочу порадовать Морли дурными новостями.

Неразличимый в полутьме, Рохля забормотал в переговорную трубку, соединявшую зал с кабинетом Дотса. Затем с лестницы донесся голос Морли:

– Что за новости, Гаррет?

– Садлер и Краск вернулись.

Ответом было продолжительное молчание.

– Откуда ты узнал? – спросил наконец Морли.

– Не скажу.

Это ему все объяснило.

– Бли-ин! – протянул Сарж. – Босс, я бы послал его, ой как послал бы. Он не просто так приперся, ему чего-то надо.

– А то, – согласился Рохля. – Ему всегда что-нибудь надо. Меня кондрашка хватит, если он когда-нибудь так зайдет, на огонек.

Я состроил свирепую гримасу. Сарж дружелюбно ухмыльнулся, несколько не уstraшенный.

– Шикарный погон, Гаррет. Мы знали, ты к птичке при-выкнешь.

И этих людей считают моими друзьями?!

Я повернулся к Морли:

– Не знаешь, баклажаны бывают ядовитыми?

– Угу. Я специально держу парочку таких на кухне – для тех, кто не соглашается одеваться, как принято у нас. – Он повел меня вверх. – Тут никто не подслушает. Кто сказал тебе про Краска с Садлером? Туп?

– Он самый. А ему сообщил Шустер.

– Хм...

Морли шмыгнул в комнату, которая служила ему кабинетом, плюхнулся в кресло за большим столом, взял зубочистку и задумчиво провел ею по ряду острых клыков у себя во рту.

– Краск и Садлер... Любопытно.

Морли Дотс – из тех парней, которые снятся вам в кошмарных снах, если у вас есть хотя бы одна дочь. Он до омерзения смазлив на эльфийский манер – смуглый, ладный, статный. Что бы он на себя ни напялил, вид у него всегда такой, словно он неделю не вылезал от портного. Ему ничего не стоит облачиться в белое и отправиться на угольный двор, и выйдет он оттуда чистенький, без единого пятнышка на костюме. Никогда не видел его вспотевшим. Едва он появляется в обществе, дамы всех пород и возрастов временно теряют разум.

При всем при том он – надежный друг. Точнее, приятель – ведь настоящий друг не подарит вам говорящего попугая и не станет опутывать вас разнообразными обязательствами, лишая возможности от упомянутого попугая избавиться. Этаким подарок – все равно что проклятие старой ведьмы: от него можно отделаться, только если найдется другой глупец, согласный по доброй воле взвалить на себя эту обузу.

Наверняка Морли каждый вечер перед сном давится от смеха, вспоминая, как ловко облапошил этого недотепу Гаррета.

– Похоже, у тебя перемены к лучшему, – заметил я.

– Все надо делать вовремя, Гаррет. Соседи сперва артачились, но я их убедил.

Не сомневаюсь. Район, в котором находилось заведение Морли, был известен как Нейтральная Зона. Своего рода безопасная территория, на которой работнички ножа и топора, а также иных инструментов и принадлежностей могли не дрожать за собственные шкуры при встрече с конкурентами. Центром Зоны был «Домик радости» Морли. Она существовала во многом благодаря Дотсу и его стараниями приносила прибыль. Любые перемены в этом заведении не могли не насторожить соседей.

– У богатых те же требования, что и у бедных, и порокам они подвержены тем же самым, – продолжил Морли, и его ослепительно, неестественно белые зубы сверкнули в свете лампы. – Зато денег у них гораздо больше. Это был решающий довод.

Ну разумеется. А если этот довод подкрепить мрачными физиономиями Саржа, Рохли и прочей братвы...

– Ты отвлекся. Мы говорили о Краске и Садлере.

– Туп знает, кто их привел?

– Нет. Может знать Белинда, но я с ней еще не виделся.

– Если она до сих пор ни о чем не слышала, то ее приятно удивят, – усмехнулся Морли.

– Угу, только давай договоримся. Я предпочел бы сообщить ей обо всем сам.

Дотс поглядел на меня, приподняв бровь:

– Ты уверен, что это разумно?

– Я на нее зла не держу. В конце концов, она смылась, а

не я.

– Ты-то, может, и не держишь, а она... Белинда Контагью – не обычная женщина, Гаррет. Лично я держался бы от нее подальше.

– Хорошо, уговорил. Потолкуешь с ней за меня?

– Еще чего! Не в том я возрасте, чтобы относить любовные записочки. Поищи кого другого.

Вот так всегда. Впрочем, я не стал настаивать. Пусть себе думает, что он меня отбрл. Потом сочтемся.

– Как делишки-то? – справился Дотс. – Все у нас как-то не складывается посидеть, за жизнь поговорить, мировые проблемы обсудить... – Под мировыми проблемами он разумел либо поголовное обращение мясоедов в вегетарианцев, либо кровавую баню для своих врагов. Либо то и другое одновременно.

Я поведал ему о том, чем завершились мои разборки с богами. А также с богинями.

– Пожалуй, стоило свести тебя с Магодор. Тебе такие нравятся, я знаю.

– Чего? – Морли, похоже, думал о чем-то своем.

– У нее четыре руки, змеи в волосах, губы зеленые, зубы как у крокодила. А в остальном – глаз не отвести.

– Да-да, всю жизнь мечтал. Спал и видел.

– Эльфы же не спят.

Он пожал плечами:

– А теперь что?

– Теперь?

– Ты же к Тупу зашел не просто пивка попить да старые дела повспоминать?

– Именно за этим.

– Брось, Гаррет. Не пудри мне мозги.

– Да я и не пудрю. На пивоварне что-то странное творится. Кто-то угрожал старику. Или не угрожал... – Я кратко обрисовал ситуацию.

– Умеешь ты влипать в неприятности, Гаррет, – сообщил Морли, дослушав до конца.

– Не знаю, как быть. Угроз Вейдер не потерпит. А если «Зов» занялся вымогательством...

– «Зов» в целом вряд ли. Скорее, чья-то личная инициатива. Кому-то вдруг стало не хватать денег. И это еще цветочки, Гаррет, ягодки впереди. Я слышал, Белинда точит ножи. Ты внутрь собираешься?

– Внутрь?

– Ну да. Внутрь «Зова». Разузнаешь, что да как. Проблем у тебя не будет. Ты не кентавр какой-нибудь, а чистокровный человек, да еще герой войны.

Морли тоже герой войны; во всяком случае, он искренне себя таковым считает. На деле же он всю войну просидел в тылу и помогал отчизне тем, что утешал перепуганных солдатских жен.

– Ты, Гаррет, достаточно здоров, чтобы стоять на ногах. Нигде не работаешь. Словом, идеальный рекрут.

– Вот только мыслю иначе, – пробормотал я.

Морли вновь оскалил в ухмылке белоснежные зубы.

– Если они тебя примут, здесь тебе лучше не показываться. И с Покойником придется расстаться.

– Ха!

Я, между прочим, Шустеру ничего не обещал. Никаких там клятв на крови и прочей дребедени. Но признаюсь как на духу: мне до сих пор и в голову не приходило, что попытка проникнуть в ряды борцов за права человека будет означать полный отказ от моего привычного жизненного уклада.

Сменить личину – назваться чужим именем – попросту не получится. Слишком многие меня знают, ветераны в особенности. Когда живешь один, так сказать, вхолостую, и нигде не работаешь, поневоле начнешь искать общения с себе подобными. Я, конечно, предпочитаю женскую компанию, но изредка – почти ежедневно – случается так, что женщины меня избегают. Вы не поверите, но это чистая правда.

– Так далеко я заходить не собираюсь. – (По крайней мере, надеюсь, что не зайду.) – Поброжу по пивоварне, погляжу, послушаю. Если за всем стоит Тай, решивший заграбастать куш до смерти папаши, я его расколю. Если же он ни при чем, будем искать дальше. Мне просто не верится, что у кого-то из этих недоумков хватило наглости наехать на Вейдера.

– Гаррет, тут вопрос веры. Когда человек верит, остальное не имеет значения. Они убеждены в своей правоте, понимаешь? Им этого вполне достаточно. – Морли выпрямился, да-

вая понять, что разговор подходит к концу. – Будь осторожен.

– Я всегда осторожен.

– Чушь. Тебе просто везет. Не ищущай удачу, Гаррет; удача – женщина, а женщины переменчивы. Учись осторожно, тем более что тебе есть у кого учиться – у меня.

Я хмыкнул. Морли никогда не отличался скромностью.

– Скажи Рохле, чтобы зашел ко мне. Надо кое-куда сбегать.

– Непохоже, чтоб он умел бегать. Ладно, скажу.

Морли ни словом не обмолвился о попугае у меня на плече. Ничего не спрашивал, даже ни разу не покосился на птицу. Что-то невероятное!

Должно быть, снова со мной играет.

Придумал: разрублю-ка я эту разномастную тушку, нашинкую в полоски и подсуну загадочному другу Морли как приправу к его пряным травкам.

Я проводил взглядом Рохлю, тяжело взбиравшегося по лестнице, и повернулся к Саржу, протиравшему кружку. По настоянию Морли его ребята в стенах заведения усердно корчили из себя официантов и поваров.

– Твоему дружку надо есть побольше того, чем он потчует клиентов.

– На себя глянь, Гаррет, – посоветовал громила. – У всех с годами брюхо растет. Пока голодный, думаешь: «Эх, как бы пожрать?» А когда заходишь в кабак, где пивка наливают и харчей от пуза, так опомниться не успеешь, как слопаешь полкоровы.

– Согласен.

Уж мне ли не знать, с моим-то Дином и его кулинарными способностями! И пиво тут ни при чем. Разве что в самой малой степени.

– Слушай, Гаррет, мне работать надо.

– Ну да. Будь здоров.

– Почаще оглядывайся, Гаррет. Все кругом свихнулись.

Я не поверил своим ушам: Саржу взбрело в голову проявить заботу о Гаррете! Интересно, с какой стати?

Попка-Дурак снова задел меня крылом, воспарив в поднебесье.

Да, птичка не ведала покоя. Ладно хоть помалкивает. Спа-

сибо Покойнику; когда бы не он, попугай давным-давно сообщил бы всей округе, что Гаррет любит маленьких детишек. В том самом смысле. А так... По правде сказать, связка «попугай – логхир» не могла не вызвать изумления: ведь Покойник способен был мысленно управлять птичкой на расстоянии в несколько миль. Наш же с ним контакт разрывался, стоило мне выйти из дома и свернуть за угол.

Мало того, что Покойник бдит за мной дома. Стоило ему обнаружить, что он может управлять пернатым негодяем, как мне совсем не стало житья.

– Я иду в пивоварню, – сообщил я попугаю.

Там, кстати, скоро пересменок.

Идет по улице человек, разговаривает с птицей... Казалось бы, что в этом особенного? Но вокруг меня мгновенно образовалось пустое пространство: никто не желал даже пройти рядом.

Вообще-то, на улицах Танфера полным-полно типов, которые беседуют с призраками. Для них в Кантарде открылись двери в измерения, недоступные простым смертным.

Сама по себе война – далеко не худшее из зол, но она, безусловно, разрушает барьер между человеческим миром и преисподней.

Попугай помахал мне крыльями и полетел вдоль улицы. Видимо, Покойник ослабил хватку: бедолагам-прохожим пришлось выслушать о себе много интересного. Люди принялись кидать в птаху палками и камнями. В ответ Поп-

ка-Дурак развопился громче прежнего, всячески выказывая двуногим свое презрение. Двуногих он не боялся.

Другое дело – ястребы...

С неба неожиданно свалился пернатый хищник не поддающейся определению породы. Мистер Большая Шишка спохватился в самый последний миг и сумел-таки увернуться. Страдая от уязвленной гордости, он разразился новым потоком брани.

Я ухмыльнулся:

– Поделом тебе, выкормыш эльфийский! В следующий раз он уже не промахнется.

Попугай уселся ко мне на плечо и сложил крылья. Хищник покружил над нами и решил поискать другую добычу. Чего-чего, а голубей в Танфере хватало...

– Аргх! – прохрипел я. – Через глаз повязка, через череп шрам! – И проковылял несколько шагов, привлекая левую ногу.

Моих усилий по достоинству не оценили; наоборот, я заслужил пару-тройку косых взглядов. И то сказать: сегодня едва ли не в каждой карентийской семье был вернувшийся с войны инвалид...

Когда я подошел к пивоварне Вейдера, навстречу мне высыпала небольшая толпа: рабочие дневной смены. Окрестности пивоварни пропитались запахом закваски; впрочем, этот запах изводил только непривычных: ни рабочие, ни обитатели соседних домов его не замечали.

Здание пивоварни – кирпичная громадина с десятками башенок и башен, среди которых в сумерках вились нетопыри, – смахивало скорее на приют для оборотней и вампиров, чем на столицу обширной деловой империи. Ни дать ни взять древний замок.

Что я могу сказать? Вот вам образчик художественного вкуса папаши Вейдера. Мало одного – на Делор-стрит другой, точно такой же, только поменьше. Малый замок построили первым; когда выяснилось, что в нем пивоварню не разместить, Вейдер принялся строить ту самую громадину, а в малый замок перевез семью. С тех пор он так и жил в этом замке, а большой за годы успел обрасти множеством полезных пристроек.

В Танфере любят пиво.

Охраны как таковой на пивоварне не было. Старшие рабочие по очереди обходили территорию, присматривая за порядком. До сих пор этого было вполне достаточно: рабочие патрули защищали завод не хуже, чем рабочие пчелы – свой

улей.

У главного входа нес дозор знакомый дедок по имени Джерал Диар.

– Привет, Джерри! – окликнул я. – Пропустишь?

– Гаррет? – Старик подслеповато сощурился.

Похоже, мое появление застало его врасплох. Это хорошо. Если меня никто не ждет, мне, может быть, повезет застучать плохишей с поличным.

– Тебе чего? – спросил он.

– Пришел поглядеть, как вы тут пробавляетесь. Сколько бочонков за сегодня уперли?

– Веселись, пока молодой, Гаррет. Потом поздно будет.

– То есть тебе уже поздно?

Диар был из тех людей, кому только дай повод, чтобы распустить язык.

– Мне веселиться не с чего.

– Почему это?

– Так до чего страну-то довели?! Разор, раздрай... Каждый на своем стоит, а других и слушать не желает.

Ну-ка, ну-ка. Подкину-ка я Джерри наводящий вопросик:

– Неужто и у вас за политику морды бьют?

– Да нет, здесь пока не бьют. Мистер Вейдер такого не терпит. А вот снаружи ужас что творится. Мы ж не слепые, Гаррет, и не глухие. Куда ни сунься, то в демонстрацию воткнешься, а то и в самый настоящий бунт. И кто, спрашивается, виноват? Вестимо, эти чужаки из Кантарда. Сами на

неприятности нарываються.

– Понятно.

Гаррет – хамелеон: с кем болтает, под того и подстраивается. Так проще всего развязать собеседнику язык. Между тем слова Диара подтверждали подозрения Покойника: судя по всему, за беспорядками в Танфере и вправду стоит Слави Дуралейник.

– Кого как, Гаррет, а меня это достало, честно скажу. То ли дело в наше время... Мы боялись только воров да ночных грабителей.

– Уверен, король скоро что-нибудь сделает.

Например, как это у него в обычае, повернется спиной к проблеме, предоставив подданным разбираться самим. Особы королевской крови не слишком жалуют Танфер и редко осчастливливают горожан своим появлением; и уж до такой мелочи, как назревающее кровопролитие, они точно не снизойдут.

– Ладно, Гаррет, бывай. Удачи тебе.

– Тебе тоже, Джерри. Тебе тоже.

Как известно, на пивоварне варят пиво. Не спешите обливаться в предвкушении. Вам доводилось бывать на пивоварне? Первое, что замечаешь – не можешь не заметить, – это запах. В нос шибает так, что того и гляди на ногах не устоишь. Как ни печально, эта вонь – неотъемлемая принадлежность производственного процесса. А сам процесс состоит в следующем: зерно смешивают с водой и всякими добав-

ками вроде хмеля и оставляют гнить под бдительным при-
смотром умудренных опытом пивоваров, у которых все рас-
считано по минутам.

Молодых среди пивоваров не встретишь. У Вейдера мо-
лодняк, даже продолжатели семейных династий, трудится на
подсобных работах, где нужна грубая сила, а умения почти
не требуется. Сам Вейдер, еще перед войной, начинал с по-
гонщика; он был уверен, что именно физический труд сделал
его тем, кто он ныне есть. Впрочем, во времена его молодос-
ти работать начинали с девяти лет – и рабочих мест было
навалом.

Короче, папаша Вейдер мог подменить любого из своих
работников – и порой так и поступал, чтобы «не отрываться
от земли». От своих ближайших помощников он ожидал
схожего отношения к делу.

Далеко не все они оправдывали его ожидания. Взять хотя
бы Манвила Гилби. Как он пыжился, пытаясь ворочать бо-
чонки! Эта эпическая картина разворачивалась на моих гла-
зах, и я, естественно, не преминул сообщить боссу, что Гил-
би чуть не лег под бочонками. Возможно, поэтому Манвил
косо на меня поглядывает.

Я поздоровался с пивоварами на дежурстве. Скиббер Кес-
сел что-то угрюмо проворчал в ответ. Мистер же Клиз был
слишком занят, чтобы обращать внимание на назойливых
мух вроде некоего Гаррета. Что ж, люди на работе; насколь-
ко я помню, они и в часы досуга не склонны были трепать

языками. Должно быть, их все устраивает в жизни. Я крутился на пивоварне достаточно долго, чтобы усвоить: если пивовару что-то не по душе, он не задумается поднять хай на весь белый свет. У лучших из них голосины все равно что у оперных певцов.

Когда прихожу к Вейдеру, я стараюсь вести себя непредсказуемо. В нашем деле рутина чревата неприятностями: будешь действовать по заведенному порядку – мигом окажешься на крючке у плохишей. Иногда я заглядываю на пивоварню всего на полчасика, а иногда практически не вылезаю оттуда, становлюсь таким любознательным кузенком из провинции, который шляется где ни попадая, изредка помогая разгружать – или грузить – бочонки. И не только: мне доводилось и прибирать двор в компании подмастерьев, и махать лопатой на элеваторе, и засыпать в чаны хмель. Кроме того, я проверял счета на овес, рис и пшеницу, сопоставлял приход с зафиксированной выработкой. Иными словами, всячески пытался стать занозой в заднице для предполагаемых злодеев.

Воруют на любой пивоварне. Скажу не хвастаясь: у Вейдера с моим появлением воровства стало меньше, но извести его под корень все же не удалось – виной чему пресловутая слабость человеческой натуры.

Я достаточно близко знал погонщиков и грузчиков – пивали вместе, так что вполне естественно было начать расспросы с них. Уж они-то выложат мне все, было бы что выкладывать.

До погрузочной можно было добраться тремя способами. Во-первых, пройти через транспортные ворота. Во-вторых, по обширному подвалу, где хранились бочонки с пивом. И в-третьих, через конюшни, огромные, если не сказать – чудовищно огромные. Где-где, а на пивоварне лошадиные силы требовались в умопомрачительном количестве.

Между прочим, когда папаша Вейдер выбирал место для своего заводика, он соблазнился природными пещерами, в которых затем устроил подвал, и близостью реки – по ней на пивоварню доставляли сырье.

Я предпочел путь через подвал. При моем отношении к лошадям соваться в конюшни было несколько рискованно. И потом, пробираясь среди бочонков и бочек, бесконечными рядами уходивших в полумрак, я всякий раз испытывал восторг сродни блаженству верующего в храме.

В подвале работа кипела сутки напролет. Разумеется, я наткнулся на мистера Беркела, сверявшего, как обычно, с длиннющим списком в руках.

– Мистер Беркел, вы что, вообще не спите?

– А, Гаррет! Почему же – сплю, и достаточно регулярно. А вам везет: как ни придете, мы непременно с вами встречаемся.

– Да уж... Что там с цифрами? Сходятся?

– Еще как! Замечательно сходятся.

То есть воровство по-прежнему наличествует, но в допустимых размерах. Когда убытки разумны, папаша Вейдер готов закрыть глаза на слабости своих работников.

Беркел протянул мне большую кружку. Как ни удивительно, кружка оказалась до краев наполненной пивом.

– Попробуйте. Новый сорт, только-только выпустили.

Я пригубил – и сам не заметил, как осушил полпинты.

– Отличное пиво, мистер Беркел. Крепче светлого, но легче моего любимого темного.

Я настроился было на продолжительную беседу о достоинствах и недостатках разных сортов пива, однако Беркел не проявил интереса, и я сказал:

– Вот что мне нравится в Вейдере: вечно он что-нибудь придумает. Спасибо. Пожалуй, загляну к вам на обратном пути.

– Милости просим. Да, Гаррет, послушайте, с чего вам вздумалось усадить на плечо это чучело? Смотрится отвратительно.

– Это не чучело. Он живой. Можно считать его опознавательным знаком. Надо же мне чем-то отличаться от остальных.

– А... – Беркел скривился так, словно я долго и нудно рассказывал ему, какие у меня в доме обои. – Ладно, мне пора. Вы там осторожнее, Гаррет.

– Вы тоже, мистер Беркел.

Складские помещения на пивоварне – ни дать ни взять воплощенный хаос, но из этого хаоса, как ни удивительно, вытекает бурный поток живительной влаги. Пиво – кровь нашего города, оно питает его сердце и проникает в самые потаенные места.

Погонщики и грузчики встретили меня кто дружелюбными улыбками, а кто – кривыми усмешечками. Как обычно. Возможно, те, кто скривился, имели некое отношение к кражам, которые я расследовал. Скорее всего, рассуждали они так: этот парень здорово нас подставил, ведь красть у хозяина – святое право каждого работника.

Сгущались сумерки. Конюхи разбирали лошадей и выводили их в стойла. С наступлением темноты будут грузить только чужие повозки. Близилось любимое времечко работы, когда можно расслабиться.

В такое время проще простого стырить пару-тройку бочонков.

Поразмыслив, я взобрался на пустую повозку, которая стояла в сторонке – поломалась, а починить еще не успели. Лег на дно и замер, прислушиваясь. Попка-Дурак глухо заворчал, но, по счастью, этим все и ограничилось. Покойник по-прежнему управлял им, не давая развернуться.

Итак, я прислушался. Разговоров было достаточно, одна-

ко почти никаких рассуждений о политической ситуации и ни слова об очередном появлении на пивоварне любимого сынка матушки Гаррет. Ну и ладно. Конечно, тупость танферских воришек вошла в поговорку, но все же я не ждал, что они примутся обтяпывать свои грязные делишки прямо у меня под носом.

Короче, я лежал, слушал и наблюдал.

Заподозрить было некого.

– Гаррет!

Я открыл глаза, сообразив, что задремал. Время-то позднее, давно пора в кроватку...

– Гилби?

Манвил Гилби строит из себя денщика папаши Вейдера, однако он не слуга, а друг. Их дружба, которой не страшны никакие невзгоды, началась еще в армии. Гилби живет один, его жена умерла. Вейдер – единственное, что осталось у него в жизни. Так что если Макс – мозг пивной империи, то Манвил Гилби – ее душа и совесть.

– Макс просит тебя оказать ему честь и заглянуть в его дом, как только представится возможность.

Гилби не мешало бы пропустить кружечку-другую. После третьей он становится нормальным человеком.

– Передай, что приду, когда совсем стемнеет.

– Хорошо. – Гилби развернулся и, чеканя шаг, двинулся прочь.

Возница по имени Спарки пробормотал ему вслед:

– Эх, служивый, в казарму бы тебя.

– Да, ходит, как на плацу, – согласился я.

– Он только с виду такой деревянный...

– Угу.

– На сердце кошки скребут, вот и мается...

– Не он один. Нынче в городе таких полным-полно.

– А то, – фыркнул Спарки. – Оposля дембеля я вкалывал с утра до вечера, бочонки эти клятые ворочал. С ног валился, домой приходил и падал замертво. Мало того – что ни вечер мне встречалась толпа придурков, которые хотели мир спасти. И всем им не терпелось завербовать меня в спасители. Говоришь, мол, отвалите-ка вы, ребята, а они знай свое талдычат.

– А я вот вообще думаю пересидеть, пока суматоха не уляжется, – вставил другой возница. – Достало меня всякий раз закоулками пробираться, чтоб в драку не вляпаться.

– Может, ты не те дороги выбираешь? – предположил я. – Лично я сюда добрался без помех. Ни одна зараза не пристала.

– Ну да, пристанешь к тебе! В руке палка, на плече птичка... Двадцать раз подумаешь.

– Точно, Гаррет. Они небось от страха в штаны нагадили, когда этого дохлого орла у тебя на плече увидали.

– Спасибо на добром слове, Зардо.

Я погладил дубинку, без которой в последнее время не

выходил из дома. Ну и времена настали: проявляя осторожность, уже не чувствуешь себя идиотом.

– Кстати, никому птичка не нужна? Нет? Уступлю по сходной цене. Повязка на глаз прилагается.

– Гаррет, я не ты, меня сразу кирпичом по башке огреют, чтоб не выпендривался.

– Ты уж извиняй, Гаррет, – поддержал коллегу Спарки, – и без того бардак.

Мы со Спарки были не так близко знакомы, чтобы я стал его умолять, поэтому я просто пожал плечами.

– Жизнь – штука жестокая. Был у меня приятель, он вечно цитировал стишок о том, что хорошие люди погибают, а дурные процветают. Сам был парень что надо. Ну вот, его сожрал крокодил; а то, что осталось, мы схоронили на болоте – там, на островах.

– Слыхал я этот стишок.

– Ладно, пойду я, пожалуй, к боссу.

– Вали. Эй, погоди, совсем спросить забыл.

– Что?

– Птичка твоя, она ведь не живая?

– Живее не бывает. Просто дрыхнет. – (Задрыхнешь тут, когда тобой управляет Покойник.) – А проснется, начнет костерить всех подряд похлеще старины Мэтта Берри. Обычно поносит тех, кто меня одной левой в бараний рог скрутить может.

– Ясно, – разочарованно протянул Спарки.

Похоже, он проиграл пари.

Я вырулил со склада и двинул к конюшням. Как ни крути, а если я хочу попасть в основное здание, пути короче просто нет.

Ступая на цыпочках, я преодолел половину дороги – и вдруг очутился в окружении трех типов, вид которых внушал определенные опасения.

Похоже, совет Морли имел под собой основания. То ли у меня было плохое настроение, то ли я очень торопился – так или иначе, я даже не стал спрашивать, что им нужно.

Гаррет в действии – это надо видеть. Моя дубинка угодила точно в висок тому парню, который зашел сзади. Свинец, залитый в дубинку, добавил весомости моим аргументам. Глаза парня помутнели, и он рухнул наземь, не успев вымолвить и слова.

Я развернулся, размахнулся и врезал дубинкой второму – прямо по коленной чашечке. Ноги у него словно подломились, и этот здоровенный детина, уже занесший было кулак, распростерся на земле. Я для верности саданул его по макушке – и повернулся к третьему.

– Чего тебе надобно, хмырь болотный?

Вместо ответа он бросился на меня. С голыми-то руками! И откуда такая самоуверенность? Я сперва хватил его по локтю, а потом ткнул дубинкой в грудь. Меня обдало зло-

вонным дыханием. Я жажнул его по башке – а в следующий миг выяснилось, почему он и не думал убегать.

Откуда ни возьмись явилась другая троица. Понятия не имею, кто такие эти ребята, но, судя по их виду, им было не привыкать к грубому физическому труду. Хорошо хоть никто из них не сообразил зайти мне за спину...

Пока они решали, как поступить, раз план номер один благополучно провалился, я прошелся дубинкой по головам поверженных противников. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь очухался в самый неподходящий момент.

Один из троицы схватился за вилы. Второй взял в руки лопату. Шуточки закончились...

Попка-Дурак сорвался с моего плеча, взмыл под потолок и радостно сообщил со стропила:

– Аргх! Гаррет по уши в дерьме!

И третий из новой троицы – похоже, он был за главаря, потому и держался позади, – так вот, и он, и его подельники вскинули головы и уставились на попугая. Должно быть, в жизни не видали говорящих птиц.

Зато я навидался их предостаточно.

Короче говоря, пока они разевали рты, я напал.

Конечно, и вилы, и лопату можно с успехом использовать как оружие, но истинное предназначение у них все-таки иное. А вот моя дубинка появилась на свет именно для того, чтоб калечить моих врагов. Я сделал выпад, извернулся – и вlepил дубинкой по пальцам руки, сжимавшей вилы. Па-

рень завопил; тот, который держал лопату, на мгновение замер – остолебенел, верно. Этого мгновения мне вполне хватило: я что было сил шандарахнул его по черепу.

Клянусь, он замерцал! Мне показалось, еще чуть-чуть – и он растворится в воздухе. Неужто опять какие-нибудь боги? Что за свинство!

Краем глаза я уловил движение: тип с вилами, похоже, слегка опомнился. Бац! – и он вырубился надолго, а я повернулся к третьему.

Тот заскочил в стойло, облокотился на загородку и скривил губы в улыбочке:

– Впечатляет.

– Угу. Ты тоже не стоять должен, а в навозе отдыхать. Кто ты такой? И что вам от меня нужно?

– Аргх! – возопил со стропила Попка-Дурак.

– Можно сказать, я никто. Просто посланец.

Я закатил глаза.

– Расплодилось вас, нахлебников. Да будь ты хоть трижды посланец, ноги я тебе все равно переломаяю.

– Придержи язык.

– Чья бы мычала! – Я пнул того охламона, который мечтал взять меня на вилы. На долю секунды он тоже замерцал.

– Мое дело передать, остальное меня не касается.

– Неужели? – Я задумчиво взвесил в руке дубинку. – Давай поглядим, ты замерцаешь или нет.

– А передать мне велели вот что. Держись подальше от

пивоварни Вейдера. Мы знаем, где ты живешь.

– Шутить изволите? – осведомился я, указывая на груды тел на полу. – Между прочим, и мне известно, где я живу. Заходите в гости, милости просим.

На какой-то миг он утратил самообладание.

– Ты меня слышал. Отвали. Не вмешивайся.

– И кто это говорит? Слушай меня внимательно и запоминай. Это вы поберегите свои задницы и не суйтесь к папаше Вейдеру. Еще раз встречу – все кости переломаяю.

Тип ухмыльнулся. Тогда я уронил дубинку ему на пальцы правой руки, которой он держался за загородку. Он отшатнулся, и я пинком распахнул калитку. Его отбросило к дальней стене, да и сам я, к несчастью, не удержался на ногах и плюхнулся на пол, выстеленный соломой. Надо признать, эта солома изрядно пованивала.

Попка-Дурак утробно заухал, а потом изрек:

– Настал твой день!

Тип резво вскочил, ухватился за стоявшие у стенки грабли, сделал угрожающее движение. Он больше не улыбался.

– Ну держись, паскуда, – прорычал он. – Теперь я рассердился. И никто меня не просил оставить тебя целым и невредимым.

Встречаются на свете люди, которым не хватает ума сообразить, что на всякий лом рано или поздно найдется другой. А среди них попадают тупицы, которых даже тумачи ничему не учат. Похоже, этот тип был как раз из таковых.

Попка-Дурак захлопал крыльями.

Я метнулся к дубинке, которую выронил, когда упал. Зацепился ногой за поверженное тело, снова рухнул на солому – и, сам того не желая, заехал локтем в живот парню, угодившему мне под ноги. Он застонал...

– Что здесь происходит? – прогремел начальственный голос.

Я схватил дубинку и лишь после этого рискнул обернуться. У соседнего стойла стояла инвалидная коляска, в которой восседал Тай Вейдер собственной персоной, а за спиной Тая выстроились плечом к плечу его помощник Ланселин Мак и двое конюхов.

Мой противник тоже отвлекся, и его замешательство подарило мне шанс, упускать который не следовало ни в коем случае. Не вставая, я замахнулся и врезал ему дубинкой по колену. Он завопил, запрыгал на одной ноге. Я поспешно откатился в сторону.

– Ланс, Айк, проверьте, что там такое, – велел Тай.

– Это я, Гаррет, – сообщил я, вставая. – Я шел со склада в управление, когда на меня напали.

Тип, скакавший по стойлу, оказался в непосредственной близости, и я врезал ему кулаком по физиономии, а потом пинком отправил в навозную кучу в углу.

Тут подбежали Ланс и Айк.

– Узнаете кого-нибудь? – спросил я, обводя рукой тела на полу.

Вместо ответа мои спасители уставились на Вейдера, тоже подкатившего к стойлу. Тот поморщился.

– Посадите их, чтобы лица были видны.

Мы с Айком выполнили распоряжение, а Ланс только наблюдал, как мы пыжимся. Ему явно не хотелось марать руки.

Я всегда подозревал, что он из породы бездельников. Высокий, светловолосый, преисполненный самомнения – глупые женщины от таких просто млеют. Мы с ним никогда не ладили; впрочем, от нас этого и не требовалось, даже по долгу службы. Я подчинялся одному папаше Вейдеру, и больше никому.

– Лихо ты с ними разделался, – заметил Тай.

– Врасплох застал, – скромно признался я.

– Это уж точно, – согласился Вейдер-младший.

И то сказать: когда бы этих ребят просветили насчет того, кто такой Гаррет и с чем его едят, они бы наверняка подготовились к встрече.

– Ланс, вон те рожи мне знакомы, – проговорил Тай, указывая пальцем. – Гаррет, а ты что делаешь?

– Карманы проверяю, – честно ответил я, стукнув дубинкой по голове парня, который решил пошевелиться. – Вдруг найду что интересное.

– Может, тут личные счета? Ты ничью сестру не обесчестил?

– Вроде как нет. И потом, они претензий не предъявляли. Вон тот, – ткнул я пальцем, – сказал, им велено мне передать,

чтобы я держался подальше от пивоварни. Он единственный говорил, все остальные помалкивали.

– Ты его знаешь?

– Нет.

– И я не знаю. Ланс? Айк? Очень интересно...

– Я вон того знаю, – сообщил Айк. – Вотил Ханбе его зовут. Он стойла чистит. А этот, – указал он на второго парня, – на складе вкалывает. Забыл, как его...

– Кессел, – подсказал Ланс, – Мило Кессел. Племянник Скиббера Кессела. Его взял на работу мистер Клиз – Скиббер просил. Как раз при мне разговор был.

– С ними мы еще потолкуем, – сказал Тай. – Не трогай их, Гаррет. А как с остальными поступить?

– Как обычно поступаете со всякими воришками, – отозвался я.

– Повесить! – гаркнул Попка-Дурак.

– Отдубасить как следует, – продолжал я, – и бросить в канал. Погоди-ка...

– Что?

– У всех у них, оказывается, повязки. – Я показал одну, черно-красно-синей расцветки, типичной для всех человеколюбцев; на повязке был изображен двуглавый дракон. – Впервые такое вижу.

Все присутствующие согласно закивали. Потом Тай сказал:

– Ланс, убери их отсюда по-быстрому. Айк, Мейс, помо-

гите Лансу.

– Интересно, кому из этих чокнутых помешал Гаррет? – спросил я сам себя. – Кому не хочется, чтобы он болтался по пивоварне?

– Кто-нибудь знал, что ты идешь сюда? – Старина Тай всегда предпочитал конкретные вопросы риторическим.

– Никто.

Разумеется, я лукавил. Вполне возможно, Тай еще не беседовал со своей суженой. Вряд ли Никс стала скрывать от своего жениха, что они с Аликс затеяли, даже если бы Аликс на том настаивала. Или стала бы?

– Но я пробыл тут достаточно долго, и некто мог запросто вызвать подмогу. Вопрос в том, чего испугались эти придурки. Что такое я могу здесь отыскать?

– Гаррет, эти придурки, как ты изволил выразиться, – в большинстве своем нищие ветераны. А чтобы сколотить политическую группу, нужны деньги. Может, опять воровать начали?

– Не похоже. Я бы заметил.

– Ладно, я проверю счета и дам тебе знать, если найду какую-нибудь странность. Говоришь, отец хотел тебя видеть?

– На складе я встретил Гилби, и он велел, как только закончу, идти в большой дом.

– Скорее всего, отец злится, что ты настолько задержался. Я извещу тебя, что сказали эти двое. А они заговорят, не сомневайся, иначе пойдут искать себе другую работу.

Тем временем кого-то из нападавших на меня вывели, а кого-то и вынесли на улицу. Что ж, поутру их ждет не слишком приятное пробуждение – синяков я наставил изрядно.

А отважный Гаррет не получил, можно сказать, ни царапины. И все потому, что двигался шустро и бил первым. В общем, свято выполнял заветы Морли Дотса. Пожалуй, скоро я начну резать глотки за косой взгляд в мою сторону.

– Снова я опаздываю, – пробормотал Тай, разворачивая коляску так, чтобы оказаться лицом к лицу с двумя рабочими, уже пришедшими в сознание. – Ланс, начнем с Ханбе. Скиббера Кессела без повода лучше не сердить.

Попка-Дурак, убедившись, что опасность миновала, следов со стропила и пристроился у меня на плече.

Тай даже вздрогнул от неожиданности, потом ухмыльнулся.

– Посади второго на другое плечо, – посоветовал он. – Еще треуголку добавить, повязку на глаз, шрамы на физиономию, походку хромающую – и запросто сойдешь за капитана Скарлета.

Этот треклятый попугай всем жутко нравится. Всем, кроме бедного Гаррета.

– Пойду я к твоему отцу, если не возражаешь.

– Попутного ветра, капитан.

Манвил Гилби и вправду заждался. Едва я прикоснулся к дверному молотку, как из двери высунулась его блеклая физиономия. Признаться, я удивился – обычно посетителям открывал лизоблюд по имени Джеррис Дженорд.

Гилби наморщил нос:

– Какого?.. Гаррет, ты ведь в приличный дом пришел, а не в кабак какой-нибудь!

– Да знаю я. На меня напали по дороге, в конюшне. Надо бы с боссом потолковать. Но сначала я, пожалуй, зайду с черного хода, смою с себя всю эту пахучую мерзость, а ты пришлешь кого-нибудь с полотенцем и чистой одежкой. Лады?

– Разумно. Что ж, ступай, только смотри не сверни ненароком к свиньям или коровам.

– Осмотрительность – мое второе имя.

Попка-Дурак расхохотался – решил, видно, что я отпустил шуточку. Его хохот сильно напоминал ослиный рев.

Я обошел дом и остановился перед задними воротами, через которые в вотчину Вейдера пропускали мастеровых. Ждать пришлось минут десять. Я даже то ли заговорил сам с собой, то ли стал думать вслух, радуя мистера Большую Шишку. Наконец Гилби собственной персоной приотворил одну створку и впустил меня на просторный мощный двор.

Вот бы где складировать бочонки с пивом перед отправкой!

– Что, заплутал в переходах? – спросил я. – Или ты единственный, кто рискнул выйти на...

– Я встретил Аликс. Она рвалась полюбоваться на тебя, но я сумел ее отговорить.

– Каким, однако, успехом я пользуюсь.

– На твоём месте я бы на Аликс не засматривался.

– Скажешь тоже! Кто я, а кто она! С Максом мне ссориться – себе дороже.

С другой стороны, чем дольше я думал о том, в какую красотку Аликс выросла, тем...

– К тому же, насколько мне известно, тебя уже заняли.

– Аргх! – В переводе с попугайского это, наверное, означало: «Ну-ну».

– Ты про пташку? Да, мы с ней неразлучны. Жить друг без друга не можем.

– Вообще-то, я имел в виду мисс Тейт.

Бедняга Манвил! Он всегда отличался тем, что все на свете воспринимал чересчур серьезно.

– Расслабься, Гилби, – посоветовал я. – Возьми выходной, в конце концов. Сходи туда, где тебя никто не знает, и отопись на всю катушку.

Глаза Гилби расширились от силы вот настолечко.

– Совет знатока, вне сомнения. Я поразмыслю над твоим предложением.

– Вспомни молодость, Манвил, иногда помогает.

– В молодости я служил в суде.

– Ох, вот это новость!

Не завидую тем, кто был у него в подчинении: должно быть, он отправлял их в камеру за одну попытку улыбнуться.

– И потом, мистер Гаррет, что-то не припомню, чтобы я позволял себе критиковать ваш образ жизни.

– Уф! – (Ишь как его перекосило!) – Вас понял, мистер Гилби. Вы – редчайшее сокровище. Все прочие критикуют меня почему зря – и мой партнер, и мажордом, и моя подружка, и мой лучший друг, и даже этот пернатый мешок с костями.

Попка-Дурак приподнял веко и изрек: «Аргх!» – тоном, от которого заледенел бы даже хладный труп.

На мгновение мне почудилось, что Гилби улыбнется.

Он не улыбнулся, но я понял, как его достать. Брякнуть что-нибудь невпопад. Что-нибудь этакое, что в здравом уме и трезвой памяти и придумать-то невозможно.

– Значит, так. Троль, гоблин и варвар заходят в таверну. За стойкой стоит слон. Он говорит: «Мы не обслуживаем...»

– Мыши – это не смешно.

– Ты слышал этот анекдот? – огорчился я.

– Я слышал их все. От Киттиджо. И чем бестолковее анекдот, тем для нее почему-то интереснее. А я вынужден слушать. Но оставим это. Я велел принести несколько ведер горячей воды. Они в твоём распоряжении.

– Гилби, могу я тебя кое о чем спросить?

Он остановился и выжидательно посмотрел на меня: мол, что еще?

– Ты приятель Макса. Его помощник, которому он полностью доверяет. Правая рука. Но зачастую ведешь себя так, словно ты – какой-нибудь привратник. Почему?

– Мы то, что мы есть, Гаррет. Мыло, полотенце и чистая одежда внутри. Не забудь сполоснуть после себя, чтобы другие за тобой не мыли. Когда будешь готов, приходи к Максу в кабинет.

– Спасибо. В смысле, за заботу и за все остальное.

Я протиснулся в каморку, предназначенную, по всей видимости, для мытья обслуги. Пол железный, стены тоже. Скорее всего, тут и лошади мылись, не только люди.

На скамье у стены стояли три ведра с водой; там же лежало мыло, мочалка, полотенце и стопка одежды. В дальней стене имелся дверной проем, за которым находилась «купальня» – вся в железе, однако достаточно просторная. Пол наклонный, посередине сливное отверстие. Под потолком – диковинное сооружение: бочка с торчащими из нее свинцовыми трубами. Судя по всему, чтобы налить в бочку воду, нужно вскарабкаться по лесенке, которую я видел в раздевалке.

Похожую конструкцию мы соорудили на островах: бочек у нас было в достатке, а трубы сделали из бамбука.

Я наполнил бочку и принялся плескаться. Клянусь, так хорошо мне не было давным-давно.

Одежду мне приготовили вовсе не того сорта, какой пред-

почитают сыновья матушки Гаррет. По правде сказать, такая одежда им не по карману. И потом, лично я никогда в жизни не выбрал бы себе такой наряд: слишком уж все чопорно, скучно, темно – впору на похороны. Да еще жилет. Да еще брыжи. Не то чтоб пышные, не то чтоб вроде дотсовских. Но все равно...

Рюши – это не для меня.

Стоило одеться, Попка-Дурак уселся мне на плечо и гнусно захихикал. На себя бы поглядел, тварь разноцветная!

От одежды пахло нафталином. Вероятно, она принадлежала кому-нибудь из сыновей Макса. Только не Таю: он будет пониже. Может, тому, кто не вернулся с войны, – не помню, как его звали.

Я нашел помазок и бритву, так что грех было не воспользоваться. Сам не знаю, почему я не перерезал заодно глотку попугаю. Момент был лучше не придумаешь: все под рукой и никто не смотрит...

Старина Макс Вейдер ростом на волосок повыше пяти с половиной футов, но впечатление производит куда более внушительное. Лицо у него круглое, румяное, волосы светлые, коротко остриженные и в большинстве своем скопившиеся на висках и на затылке – наверно, от дождя и ветра спасались. Вот усы – дело другое: не усы, а усищи, густая копна седины с редкими упрямыми вкраплениями прежнего русого.

Улыбается Вейдер часто, но глаза у него при этом остаются холодными. Он из тех, кто на словах всегда рад тебя видеть, но стоит и в самом деле заявиться, как он тут же начинает просчитывать последствия.

Макс схватил меня, крепко пожал руку. Пальцы у него как сардельки: маленькие и пухлые.

– Наслышан о твоих подвигах, – ухмыльнулся он; зубы у Макса замечательные для его возраста. – Тай прислал Айка Хейма. Пока ты мылся, он нам все рассказал.

– Да какие там подвиги, – заскромничал я. – Мне просто повезло, что Тай с Лансом заглянули на конюшню.

– Почему?

– Что «почему»?

– Ничего. Извини. Присаживайся, Гаррет. А костюмчик тебе к лицу. Это Тэдовы вещи. Ты, наверно, и сам сообразил.

Оставь их себе. Кстати, Манвил, распорядись, чтобы Джорд доставил на дом Гаррету всю одежду Тэда. Ты ведь не возражаешь, правда?

Макс Вейдер привык, чтобы ему подчинялись, поэтому я не стал спорить. Дружба дружбой, а с хозяином не пререкаются.

– Да ты садись, садись. Выпить хочешь? У нас есть пиво. То бишь пивко. То бишь пивушко. – Он повторял эту шутку всякий раз, когда мы встречались. А встречи наши были редки: могу предположить, мы оба верили, что в разлуке любовь крепчает. Я, во всяком случае, уж наверняка. – Кому же вздумалось на тебя напасть и с какой стати?

– Хороший вопрос. Не знаю. Двое – из твоих рабочих, Макс. Тай обещал выбить из них всю подноготную. У всех были нарукавные повязки. Борцы за права человека, язви их в душу! Эмблема странная, я такой раньше не видел.

Манвил тем временем принес бочонок с пивом. «Вейдеровское темное», с характерным привкусом. Должно быть, в раю козы дают именно это пиво вместо молока.

– Непривычно ты выглядишь, Гаррет, – заметил Гилби. – Словно в Тэда перевоплотился.

– Угу, – согласился Вейдер. – Вот позовем хирурга, срежет он ему эту живность с плеча, и будет вылитый Тэд.

Во взгляде Вейдера мелькнула застарелая боль. Мы все знаем, что это такое, потому что нет в Танфере человека, не потерявшего на войне кого-то из близких. Я приложился к

кружке и постарался отогнать невеселые мысли о брате. С отцом было легче – я его почти не помнил.

Вейдер этим себя утешить не мог. И пивом тоже – он не пил ничего, кроме воды, а все потому, что слишком любил пиво и боялся однажды сорваться.

Гилби взял свою кружку (он целый вечер будет тянуть одну-единственную, уж я-то знаю) и уселся в кресло, стоявшее неподалеку от Максова; в этом кресле он обычно дремал вечерами, выпадая из полузабытья, когда боссу приспичивало сгонять в домино.

– Гаррет, я никому не скажу, – проговорил он с таинственным видом. – Признайся, это что, новая мода – таскаться по улицам с чучелом на плече? Наверно, я отстал от жизни...

– Подарок друга. – Я многозначительно дернул плечом. Надеюсь, Покойник дрыхнет и не подслушивает.

Вейдер поглядел на меня, помолчал, затем сказал:

– Значит, Аликс ходила к тебе.

Я кивнул.

– Я ее не посылал.

– Она так и сказала. Но намекнула, что ты меня не выгоишь, если я наведаюсь как-нибудь на досуге.

– Хорошо, что ты пришел. И то, что на тебя напали, тоже хорошо. Лишнее подтверждение, что дело нечисто. Теперь мы знаем наверняка: та зараза, которую именуют борьбой за права людей, проникла и к нам.

– Аликс говорила, кто-то пытался вымогать у тебя деньги

на нужды «Зова».

Похоже, Вейдер сильно удивился.

– Манвил? – спросил он, повернувшись к своему помощнику.

– Это для меня новость. – Гилби выпрямился в кресле.

– Ей сказал Тай. Тинни и Никс подтверждают. Якобы двое мастеров видели этих... вымогателей.

– Вот как? А кто это Никс?

– Мисс Николас, невеста Тая. По правде говоря, на «Зов» не очень-то похоже. Не их стиль.

– Совершенно с тобой согласен. У Маренго Северная Англия денег гораздо больше, чем человек заслуживает.

Я поставил мысленную зарубку. Выходит, тот богаче Вейдера?

– Сдается мне, он вполне бы мог поделиться со страждущими. Скажем, с неким Гарретом...

Вейдер хмыкнул.

– Страждущий Гаррет? Не смейся меня. Деньги Маренго – основа всего; без них «Зов» – пшик.

– Деньги и связи, – вставил Гилби. – Многие наверху разделяют предубеждения Маренго.

– Я их не разделяю, – твердо сказал Макс. – Мы с ним приятели, но и только. Тем не менее я уверен, что он не предпринял бы ничего подобного. Если бы ему что-то понадобилось, он бы просто обратился ко мне.

– Может, кто-нибудь из этих отмороzków решил проявить

инициативу?

Мне довелось не так давно пообщаться с публикой из «Зова», и особо теплых чувств я к ним не испытывал.

– Маловероятно. – Гилби наполнил мою кружку по новой (так сказать, щедро одарил счастьем). – Между прочим, те парни, с конюшни, – они не из «Зова».

– Да ну?

– Айк уверяет, что Тай в этом удостоверился, – пояснил Вейдер.

– Ясно...

– Завтра вечером я устраиваю прием в честь помолвки Тая и Джорджи. Будут все, кто хоть что-нибудь из себя представляет, включая Маренго и Бондуранта Алтуну. А также Гаррета. Надеюсь, ты присоединишься к нам?

– Я? Манеры у меня не те, и светских бесед я вести не умею...

Для меня куда привычнее встречаться с нашими «верхами» в укромных уголках, в подворотнях, в тавернах, где никто их не узнает и не попрекнет потворством своим слабостям.

– Ты справишься, Гаррет. Я в тебя верю. Представь, что все гости – хорошенькие женщины, которых ты должен очаровать. Дай ему приглашение, Манвил. Охранники тебя не знают, так что для них ты будешь всего-навсего одним из гостей – по крайней мере, поначалу.

Должно быть, моя физиономия на миг утратила присущее

ей с моего первого дня на этом свете бесстрастное выражение. Утрачиваю сноровку. Пожалуй, надо сходить в игорный квартал, посидеть в притонах, поднабраться невозмутимости.

– Да, на вечере будет охрана, – подтвердил Вейдер. – Ты для меня слишком ценен, Гаррет, пусть столбами у дверей другие постоят.

Ладно, сделаем вид, что поверили. Я взял разноцветный клочок бумажки, который протянул мне Гилби, и спросил:

– Зачем ты посылал за мной Манвила?

– Что-то подсказало мне, что без тебя на приеме не обойтись. Что – не знаю; хочешь, назови это здравым смыслом. Я вдруг понял, что, отсекая тебя, вверяю свою жизнь кучке наемных любителей. А ведь в доме будет полным-полно посторонних, и далеко не все они – мои друзья. Еще я хотел узнать, чем объясняется твой неожиданный интерес к моей пивоварне. В общем, все так сложилось, что я решил позвать тебя. Скажу честно, у меня дурное предчувствие. Можно, конечно, все списать на стариковскую паранойю, но лучше подстраховаться.

Я покосился на Гилби, отношения с которым, как уже говорилось, у нас были... гм... натянутые.

– Ты одобряешь?

– Вполне. – Он произнес это слово с таким видом, словно у него живот пучило.

– Как насчет того, чтобы просветить меня относительно

предчувствий?

– Завтра, – сказал Макс. – Думаю, как раз завтра вечером мы многое узнаем. Змеи должны выползти из нор.

Что ж, насколько я понимаю, среди тех, кто пожалует на прием к Максу Вейдеру, и впрямь должны оказаться несколько гадюк, крупных во всех отношениях. Аспиды размерами с тех крокодилов, которых мы на островах ловили, резали на кусочки и скармливали саблезубым кошкам...

– Аликс тоже хотела, чтобы тебя пригласили, – прервал мои размышления Гилби.

У-ти, моя лапочка.

– Почему?

– В пару к мисс Тейт. Вдобавок она боится змей.

Куда ни ткнись, всюду Тинни: где Гаррет, там и она – и наоборот. По правде говоря, ничего не имею против.

– Если не приду, значит не смог подобрать подходящий костюм.

– Манвил проследит, чтобы Дженорд доставил тебе вещи Тэда вовремя. И пожалуйста, не суйся на конюшню, пока прием не закончится.

– Меня туда так и тянет, но я с собой справлюсь.

– Если придешь рано, – с ухмылкой заметил Гилби, – сможешь раскритиковать наши усилия и понаблюдать за прибытием злодеев... то есть гостей.

– Прекрасный план, господа, – сообщил я деловито.

– Аргх! Мы придем!

– Мы? Да я скормлю тебя первой же уличной псине, ты, чудо в перьях!

– Вы там между собой разберитесь, – усмехнулся Вейдер, – а потом извольте явиться, как назначено. Вдвоем не обязательно, достаточно кого-то одного.

– Один и будет. Это я. У меня хоть мозги имеются.

Я встал – наверное, слишком быстро, потому что пол под ногами внезапно покачнулся, будто палуба в шторм.

Да вы что, какое пиво?! Я только горло промочил.

– Да хватит по мне топтаться!

Попка-Дурак никак не мог угнездиться: ерзал у меня на плече, хлопал крыльями. Оставалось только надеяться, что это не прелюдия к... сами понимаете к чему; еще не хватало, чтоб Гаррета украсили тем самым способом, каким обычно пернатые украшают статуи позабытых полководцев. На сегодня испражнений уже достаточно.

Гостиная Макса находилась в укромном уголке на втором этаже; впрочем, по высоте этот второй этаж был всего лишь чуточку повыше уровня мостовой. Дело в том, что дом Вейдера стоял на склоне холма, и, чтобы добраться до парадного входа, надо было сначала подняться на пятнадцать ступенек, а затем спуститься еще на полдюжины. Таким образом, первый этаж располагался ниже уровня земли, общепринятого для танферских зданий.

Ежедневно пользовались кухней, семейной столовой и черной лестницей. Остальная часть дома становилась обитаемой только в праздники. Даже второй этаж, – конечно, если не считать кабинета главы дома, откуда Вейдер управлял своей империей. Домочадцы занимали третий и четвертый этажи. Слуги же ютились в закутках и каморках, которыми изобиловали все этажи – в том числе подвал.

Я им не завидовал.

Стоило мне поставить ногу на верхнюю ступень парадной лестницы, как откуда-то сверху донесся приглушенный крик. Я обернулся. Гилби, стоявший в дверях вейдеровского кабинета, пожал плечами и ткнул пальцем в потолок.

Я тоже пожал плечами и стал спускаться, бормоча себе под нос: «Старина Том по-прежнему с нами». Двинулся через выложенный розовым мрамором холл, несколько раз глубоко вдохнул, готовясь взбежать по ступенькам к парадной двери с прытью трепетной лани. Попка-Дурак, несмотря на все мои увещевания, продолжал возиться у меня на плече.

У Вейдера было три сына: Тэд, Том и Тай. Из Кантарда вернулись двое – Том и Тай, но Том оставил на войне свой разум.

Богатые мы или бедные, у всех у нас есть нечто общее. Все мы, так или иначе, были в Кантарде. И все кого-то потеряли. И никто из тех, кто уцелел, не остался прежним.

Но ведь война закончилась. Карента победила. Пресловутые рудники Кантарда теперь принадлежат чародеям, нашим истинным правителям. Карента – могущественнейшая в мире держава. Нам следует гордиться собой.

В этом месяце, впервые за годы жизни трех поколений, не было рекрутского набора.

Мы победили. И потому наш мир распадается на глазах.

Какое счастье, что мы не потерпели поражение!

Казалось, до двери не меньше мили. Стук моих каблуков эхом отражался от стен. В доме, судя по всему, уже нача-

лись приготовления к празднеству: во всяком случае, холл лишился всего того, что его обычно загромождало, — ковров, мебели, портретов воображаемых праотцев, старинных доспехов, мечей и пик, а также прочего добра, которое в ненастный день с такой легкостью превращается в оружие...

У двери никого не было: если Макс и страдал паранойей, она явно не успела зайти далеко. Надо бы намекнуть, что неплохо исправить это упущение. Я взобрался по ступеням и остановился перевести дух.

Потом вышел на крыльцо и обозрел окрестности. Безлюдно, как в пустыне. От солнца остался крохотный краешек на западе.

— Если и впрямь решил обгадиться, давай не тяни, ты, бурдюк с крыльями.

Попугай издал негодующее «Архх!», затем вдруг заявил:

— Я вызывал тебя наружу. Надо поговорить.

Покойник! Ну конечно! Я знал, что рано или поздно до этого дойдет: недаром он настаивал, чтобы я повсюду таскался с этим доморощенным стервятником. Теперь я и шагу не могу ступить тайком от него. Ни дать ни взять бдительная мамаша.

— Птичка, тебе кранты, — прорычал я. — Слыхала? Кранты!

— Что?

— Это я сам с собой беседую. О чем говорить будем?

— Немедленно возвращайся домой. У нас гости, с которыми справиться можешь только ты.

– Порадовал...

Интересно, что сие означает? Уточнять я не стал – Покойник все равно бы не ответил. Сослался бы на то, что объяснять слишком долго и что нежное попугайское горлышко, мол, разорвется с натуги. Разорвется оно, как же! У этой птички глотка луженая, в ней ни словечка не застрянет.

– ...Имена назовешь?

– Нет. Поторопись.

Когда-нибудь я задушу их обоих. Одного – за повадки, другого – за вредность.

Ладно, поторопимся. Я выбрал прямой путь. Как не замедлило выясниться, выбор был опрометчивым.

Гранд-авеню от самого порта до Квартала Грез была забита демонстрантами, ратовавшими, естественно, за права человека. В большинстве своем улицу заполняли личности моложе меня. Казалось невероятным, что они собрались здесь в таком количестве, вместо того чтобы рассеяться по сотням мелких городишек, хуторов и ферм. С другой стороны, ненависть к нелюди – болезнь застарелая. Славное прошлое Каренты пестрит кровопролитными войнами. И сегодня многим людям постарше вашего покорного слуги, обремененным семьями и доходными местами, нетерпимость свойственна ничуть не меньше, чем безусым юнцам, не имеющим в этой жизни никаких перспектив.

Короче говоря, я вляпался по самые уши. Шесть сотен парней из «Зова» маршировали по Гранд-авеню, практику-

ясь на ходу в умении обращаться с оружием; правда, им достало ума вооружиться не настоящими мечами и пиками, а деревянными. Все были в форме, у всех щиты, почти у всех на головах легкие кожаные шлемы. Они истово верили в свое предназначение, и раж, воспламененный недавней войной, в них не остыл до сих пор. Да, ночка будет еще та – особенно если какого-нибудь гения с Холма посетит светлая мысль послать на разгон демонстрантов войска.

Солдаты против солдат, пускай бывших. И кто знает, чья возьмет?

Я стоял, выжидая удобного момента, чтобы перебежать улицу и не подвернуться при этом под ноги какому-нибудь кретину. Если только ты не полный осел, то не станешь связываться с тем, у кого под рукой сотня лучших друзей.

А вот и проходик открылся! Заодно с десятком-другим столь же аполитичных типов я рванул через улицу.

– Эй, Гаррет! погоди!

Я узнал этот голос. Вот незадача! Может, успею удрать?

– Гаррет! – вновь гаркнула что было мочи моя подружка Торнада – чистопородная деревенская девица ростом не ниже моего, вполне симпатичная, но бросившая мужа и детей ради того, чтобы попытать судьбу в городе. – Остановись! Кому говорят, стоять!

– Стой! – крикнул мне в ухо Попка-Дурак.

Привыкший подчиняться приказам, я замер. Застыли как вкопанные и несколько человек поблизости – должно быть, от изумления: не всякий день встретишь говорящую птицу.

– Мистер, а ваша птичка и вправду говорит? – спросила меня девчушка лет пяти, с золотистыми локонами и громадными невинно-голубыми глазищами. Будь она постарше лет на пятнадцать, я бы не раздумывая назначил ей свидание, а так... Вдобавок у ее отца был вид, внушавший известные опасения.

– Угу. Но только когда сама захочет.

– Аргх! Привет, красотка! Славная малютка!

– Похоже, ты ему понравилась.

И тут попугай углядел Торнаду.

– Аргх! Держите меня, держите! Какие буфера у этой телки!

Природа и впрямь не поскупилась на Торнаду, но это еще не повод орать на всю улицу. Я стиснул попугая горло, пока

он не ляпнул что-нибудь этакое, из-за чего меня четвертуют на месте.

– Я тоже люблю тебя, пташка, – проворковала Торнада.

На отца с дочерью она не обратила ни малейшего внимания. Папаша смерил мою подружку взглядом – и поволок дочку прочь, подальше «от этих нехороших людей».

– Ты куда это чапаешь, Гаррет?

– Да вот собирался улицу перейти, пока ее снова не перекрыли эти обормоты. А что?

– Он просто уносил ноги, – сообщил кто-то за моей спиной. – Хотел от тебя удрать.

– Плоскомордый! – воскликнул я, оборачиваясь.

Мой давний приятель Плоскомордый Тарп – человек-гора, с лицом которого слишком часто проделывали косметические операции. Он радостно ухмыльнулся. Зубов у него осталось немного, да и те выглядели преотвратно.

Между собой Торнада и Плоскомордый, можно сказать, вполне ладили – что отнюдь не мешало им периодически вступать в перепалки и осыпать друг друга оскорблениями. Это были мои друзья, на которых я всегда мог положиться. По крайней мере на Плоскомордого; с Торнадой сложнее – учуяв запах денег, она запросто могла вильнуть хвостом.

– О! Торнада, любовь моя! Привет, Плоскомордый! Как поживаете? Со мной все в порядке, спасибо. Приятно было повидаться. Извините, мне пора бежать.

– Мы побежим с тобой, – заявила Торнада.

– Зачем?

– Потому что нас нанял твой напарник. Попросил, чтоб мы поменяли тебе пеленки, – у самого-то силенок не хватает.

– Точно, – поддержал Торнаду Плоскомордый. – Он решил, что на тебя кто-то всерьез рассердился.

– Интересно, с какой стати?

– Вот уж действительно, – пробурчала Торнада. – С твоим умением обходиться с людьми...

– Притормози, Торнада. Кто бы говорил насчет обхождения. Вспомни, как ты чуть не зарезала бедную повитуху, требуя с нее ответ – это ты беременна или тебя просто пучит.

Торнада усмехнулась.

Папаша с дочкой успел благополучно перейти на другую сторону улицы и теперь поспешно удалялся, игнорируя просьбы малютки послушать еще, как говорит птичка.

Молодцы из «Зова» затянули песню, перемежая ее громогласными здравицами, потом принялись маршировать на месте. Мостовая сотрясалась от топота. Хуже того, у них, оказывается, был и оркестр.

Терпеть не могу военные оркестры. И патриотические марши, если уж на то пошло.

В армии меня научили подмечать все хоть сколько-нибудь важное. Со временем я так в этом насобачился, что стал одним из лучших наблюдателей в элитном подразделении, где каждый первый был гением. Это умение помогло мне уцелеть. И никогда в жизни, ни прежде, ни теперь, у меня не

возникало ни малейшего желания стать безымянной частичкой безмозглой толпы, за которую думает некто (кому и водяных лошадок-то пасти не доверишь).

В рядах демонстрантов образовался новый проход. Я решительно двинулся через улицу. Торнада и Плоскомордый не отставали ни на шаг. Охраннички! И что это взбрело Покойнику на один из его умов?

Может, он во сне окончательно спятил? Может, крыша у него съехала так, что ее уже не поправишь?

– Достали меня эти придурки, – процедил я, обращаясь к Тарпу.

Плоскомордый у нас – вовсе не мыслитель. Однако, прежде чем ответить, он явно задумался.

– Меня тоже, Гаррет. Уж чересчур они усердствуют. Ну словно им неважно, что в Танфере живет хоть кто-то, кроме них самих.

Ого! Что-то я раньше не замечал за Тарпом склонности к предубеждениям. Нет, конечно, если ему хорошо заплатить, предубеждения у него мигом появятся, но... У таких, как он, добывающих себе пропитание переламыванием костей, самостоятельных предубеждений не бывает. Для них это непозволительная роскошь.

– Помнится, ты на днях говорил мне, что настают золотые времена.

– Говорил, – согласился он. – Золотые времена для меня, Гаррет, вот в чем штука. Люди с ума сходят. Будто какой-ни-

будь чокнутый чародей наложил на город заклятье ненависти, и потому-то все ведут себя вдвое глупей обычного.

Мы продолжали путь. Торнада и Плоскомордый не пропускали ни единой тени, да и сам я не забывал коситься на темные подворотни и укромные уголки. И кто посмеет меня в том упрекнуть? Осмотрительность – залог здоровья, тем более сейчас. Если соберусь писать автобиографию, надо будет, пожалуй, озаглавить ее «Беда ходила по пятам». Или «Опасность – мое призвание».

По дороге, к счастью, ничего не случилось, разве что нам пришлось обойти улочку, на которой бушевала драка. Человеколюбцы столкнулись с ночной публикой, не разделявшей их взглядов; в большинстве своем это были нелюди, не приученные во имя общественного порядка сносить оскорбления, потому в ответ на зубоскальство они принялись проламывать головы.

Понятия не имею, почему так происходит: стоит собраться вместе трем пьянчужкам, как они решают, что смогут покорить мир. Я бы всем таким рекомендовал для начала справиться с одним-единственным троллем. Скажу по секрету: сколько ни пей, тролля не одолеть; с ним способна совладать только лишайная инфекция.

Что бы там ни болтали всякие сосунки, радетели чистоты нравов, пиво никак нельзя назвать основной причиной общественных беспорядков. Напротив, старина Макс Вейдер производит лекарство от язв на теле общества. Ну представь-

те себе: вот надрался человек и пошел искать неприятностей. Он их найдет – и мало ему не покажется. И все, говорить больше не о чем.

Никто меня не убедит, что я по долгу службы обязан спасать людей от них самих. Если вам не терпится на тот свет и потому вы курите травку или опиум, пьете как лошадь, поносите случайно встреченного гоблина, – валяйте, дело ваше. Я мешать не собираюсь. Счастливого пути.

Но и подмоги от меня не ждите. Не надейтесь, что я придам вам ускорение. Нет уж, сами дорожку выбрали – сами по ней и топайте.

– И что дальше? – поинтересовался я, когда мы вышли на Макунадо-стрит, к востоку от моего обиталища.

Обращался я к Попке-Дураку, ожидая, что Покойник через него сообщит мне о своих далекоидущих планах. А Плоскомордый с Торнадой решили, естественно, что я спрашиваю у них. Они ведь и понятия не имели о близком духовном родстве двух существ – совершенно безмозглого и того, у которого от переизбытка мозгов частенько ум за разум заходит.

– Мы проводим тебя до двери, – сообщила Торнада. – А когда ты окажешься дома, целый и невредимый, нам заплатят.

– Заплатят? Это Покойник придумал? Пусть он и расплачивается. Мне няньки не нужны.

Его Высокомудрие и не подумал заглотить наживку. Должно быть, не хотел раскрывать свое попугайское инкогнито.

– Глянь на ребятню, Гаррет, – сказал вдруг Тарп. – Жуть!

На углу улицы юнцы допризывного возраста приставали к стайке юных эльфийнок, невесть каким ветром занесенных в этот район города, да еще задержавшихся в нем до наступления темноты. Проведай об этом их эльфийские папаши, красоткам не избежать суровой порки. В кавалерах не было

ровным счетом ничего привлекательного, дам они обольщали выражениями, отнюдь не ласкавшими слух и откровенно расистскими, однако их наряды были пошиты по эльфийской моде. Девчонки хихикали и отвечали так бойко, что парни постепенно теряли голову. Впрочем, если они войдут в раж и примутся распускать руки, их оставят в дураках; знаем мы эти фокусы.

– Хочешь, чтоб я поучил молодежь хорошим манерам?

– Чего? – озадаченно переспросил Тарп. – Каким еще манерам? Ты о чем, Гаррет?

– А ты о чем, друг мой? Разве тебя возмутило не их поведение?

– Да ты на волосы посмотри! – Тарп поглядел на меня, словно проверяя, не ослеп ли я. – Неужто не видишь?

– Ба! Подумаешь!

Ну лохматые, ну завитые, ну стоят у некоторых волосы дыбом – и что с того? Эка невидаль! Ясно же, что эти парни привыкли выставлять себя на посмешище.

Плоскомордый, до сих пор предпочитавший армейскую стрижку, никак не мог успокоиться.

– Это ж какие родители, коли детишек в таком виде на улицу выпускают? – проворчал он. – Знаешь, из-за чего Карента катится в тартарары?

У меня были кое-какие мысли на сей счет, но воззрений Тарпа я не разделял.

Прически парней не имели ни малейшего отношения к то-

му, как эти парни себя вели, – притом что прическа и поведение зачастую вытекают друг из друга. Так сказать, два симптома одной болезни. Парней явно провоцировали девчонки. Едва ли кто будет спорить, что из всех женщин, будь то люди или нелюдь, эльфийки самые красивые и самые, мягко выражаясь, чувственные; а эти милашки вдобавок находились в расцвете юности. И использовали весь арсенал подручных средств, чтобы унижить самозванных ухажеров.

А те были слишком наивны и потому не врубались в тайный смысл происходящего. С высоты моих лет могу сказать с уверенностью: этот жестокий урок жизнь преподает каждому мужчине. Я сам уже вышел из того возраста, когда стоишь на углу и выкрикиваешь всякие гнусности, тщаьсь достичь недостижимого, но на собственном богатом опыте могу предположить – нет такой женщины, которая не попыталась бы, ловко или неловко, принизить мужчину, посмеявшегося найти ее привлекательной.

Все это я изложил Плоскомордому, стараясь его вразумить (мозги у бедняги скрипели так, что было слышно, наверно, на другом конце города). И тут в нашу беседу встряла Торнада:

- Хватит чушь пороть, Гаррет. Достало!
- Лапочка ты моя замученная! Хорошо, я умолкаю, а ты расскажи про тех женщин, с которыми общаешься.
- Чего? С кем это я общаюсь?
- Вот именно! Ты обиделась за женщин и явно собиралась

сказать, что они вовсе не такие. Но тебе-то откуда знать? Ты водишь компанию со мной – и с Плоскомордым, когда он не занят очередной подружкой. Ты шляешься по грязным кабакам, ищешь драки с парнями, которые напоминают тебе твоего мужа. Ты якшаешься с ворами, громилами и прочей почтенной публикой, среди которой женщин не сыскать. Так что уж извини – ты, конечно, присаживаешься на корточки, когда зовет мать-природа, но отсюда никак не следует, что тебя можно считать экспертом по части женской психологии, тем более – в нашем милом городе.

– Гаррет! Мог бы из вежливости и не напоминать, что я родилась в деревне.

Эта перепалка могла продолжаться часами. Торнада обожала оставлять за собой последнее слово, потому на всякую фразу у нее находился ответ, подчас бессмысленный, но ответ. По счастью, мы приближались к моему дому, и дружеская беседа увяла сама собой. В квартале было тихо – ночь все-таки, – но будь я проклят, если миссис Кардонлос не торчала на своем крыльце, поглядывая на мой дом с таким видом, словно из его окон вываливались участники безобразной оргии.

Я остановился и огляделся, стараясь ничего не пропустить. Сперва вооруженная охрана, теперь домашняя фурия на боевом посту...

– Что стряслось, старый хрыч? С каких пор эта ведьма патрулирует Макунадо по ночам?

Плоскомордый вытаращился на меня так, будто я вытворил что-то уж совсем из ряда вон.

– Думаю вслух, – пояснил я. – Репетирую разговор.

– Неужели? – хмыкнула Торнада. – Порепетируй заодно, как вы нам платите. Каждому, между прочим, по две марки причитается.

– По две марки? Не смейся меня.

«Гаррет, она настроена весьма серьезно. У этой женщины случился очередной приступ алчности. Кроме того, она испытывает нашу возможность общаться на расстоянии, пытается определить ее границы. Две серебряных марки – та цена, о которой мы улаживались. Разумеется, плата щедрая, но их услуги того стоят. Кстати, у меня возникла идея: попробуй убедить их в том, что брать лучше не серебром, а медью. Серебро дешевеет – пока; его стоимость возрастет, как только свежий ветер реальности унесет победную эйфорию...»

О чем он толкует?

– Эйфорию? Шутить изволите? Ты хоть знаешь, что вокруг творится?

Торнада и Тарп разинули рты.

«Естественно, знаю. К тому, что происходит в городе, имеют непосредственное отношение люди, привыкшие обращаться с крупными партиями благородных металлов».

– Ладно, ладно.

Эх, лопухнулся я, затеял этот разговор при посторонних;

теперь Торнаде точно будет над чем поразмыслить.

«Пожалуйста, спровадь поскорее своих друзей. У нас гости, с которыми необходимо разобраться».

О-хо-хо! Вот так всегда.

От меди Торнада отказалась наотрез. Простушка простушкой, но житейской смекалки, присущей всем деревенским, у нее не отнять. Рассуждала она приблизительно так: раз мы не хотим расплачиваться серебром, значит нам известно что-нибудь этакое.

К Покойнику и его мозгам она относилась с большим уважением.

Плоскомордый поддержал приятельницу – хотя вряд ли отдавал себе отчет почему. Когда я попытался всучить ему медь, он одарил меня мрачным взглядом.

– Не трать все сразу, – жизнерадостно посоветовал я.

– Уже потратил, Гаррет, – отозвался он. – Я задолжал Морли.

Вот как, оказывается? Нет, то, что Тарп прислуживает в заведении Морли, – я прекрасно знал. Но чтобы Морли дал в долг своему работнику?..

– Гаррет, ты бы обратился к врачу, – неожиданно вмешалась Торнада.

– К какому еще врачу?

– Который всяких психов лечит. Ты уже до ручки дошел – вон, с птицами разговариваешь.

– Это хворь излечимая. Окажи мне услугу – и я мгновенно поправлюсь. Забери попугая с собой. Он тебя обожает. И

здорового смысла у него поболее, чем у некоторых двуногих.

В ответ я получил витиеватое перечисление всех своих родственников до десятого колена, после чего Торнада гордо удалилась. Тарп поспешил следом, убеждая на ходу свою подружку, что она отвергла лучшее предложение из всех, какие только ей доводилось получать. Но Торнада не была бы Торнадой, если бы признала ошибку.

– Заткни пасть, не то голодным останешься, – прорычала она.

– Не останусь, – огрызнулся Тарп. – Пошли сожрем чего-нибудь.

Я захлопнул дверь. Итак, охрану спровадили, причем – прошу отметить – без особого труда: Торнада даже не попыталась завлечь меня в какую-нибудь безумную аферу, вроде похищения драгоценностей императорской семьи. Как там говорится? Родных не выбирают, но друзей каждый заводит сам? Что ж, если пословица верна, странные у меня позывы и предпочтения...

«Гаррет, время не ждет».

Я вздохнул и направился в апартаменты Покойника. У самой двери остановился и позвал: «Дин! Давай сюда, будешь свидетелем».

Все признаки были налицо. Мне предстояло выслушать очередное выступление великого магистра тактики и гения сыска. И ведь если ему заявить, что все его речи только зевоту нагоняют, он не поверит; переубедить логхира способен

лишь другой логхир. И то не всякий: мой напарник, даром что был мертв несколько столетий, пользовался репутацией до омерзения самоуверенного существа.

«Дин, пожалуйста, приведи нашего гостя. И будь настолько любезен, прихвати тарелку с едой для Гаррета. Он явно проголодался и потому неадекватно воспринимает мои слова».

Еще бы я их воспринимал! По отдельным фразам и словечкам Покойника я определил, что в гостях у нас дама и ей никак не больше сорока. Дин умел обращаться с женщинами, годившимися ему в дочери. Их так и тянуло к нему на кухню: во-первых, он был слишком стар, чтобы посягать на трепетное женское достоинство, а во-вторых, для заходящих дам у него всегда находилось что-нибудь вкусненькое (меня же, своего хозяина, он держал в черном теле).

– Неужели снова Тинни?

«Нет. Расскажи мне, что ты узнал».

– Рассказать? Чего же я тогда весь день таскался с этим долбаным попугаем?

«К сожалению, способности этой птицы весьма ограничены. Она слышит только то, о чем говорят рядом с ней. А ее зрение и обоняние оставляют желать много лучшего».

– Найди себе человека, – неосторожно посоветовал я, тут же спохватился и прибавил: – Гаррет исключается.

«Замечательная идея. Увы, человеческий мозг недоступен для удаленного доступа. И не только человеческий. В

мире нет такого разумного существа, которое полностью отвечало бы моим требованиям. Надо будет как-нибудь обдумать, что с этим можно поделаться».

– Обдумай, – бодро согласился я.

Сколько бы он там ни думал, мне явно не грозит превратиться в зомби на мысленном поводке у логхира.

Дверь распахнулась. Вошел Дин с тарелкой в руках, а за ним...

– Ты? – Сказать, что я изумился, значило не сказать ничего.

– Я, – признала Белинда Контагью. – Как ты рад меня видеть, Гаррет! Прямо сердце от восторга разрывается.

У этой женщины, по моему глубокому убеждению, сердца не было и в помине, но я не стал говорить этого вслух.

Она предпочитает черное. Нет, не так. Она обожает черный цвет. Потому ее наряд был выдержан в одном тоне: черный плащ поверх дорогого кожаного, мужского покроя костюма; черные сапоги на высоких каблуках; черные шелковые перчатки за поясом из черной кожи. А на полочке в нашей передней наверняка лежат черная шляпка и черная же вуаль. Даже ногти Белинда красила черным, губы подводила помадой, притемнявшей их и придававшей блеск; а лицо густо пудрила, из-за чего оно казалось неестественно бледным.

В общем, вампиры и то здоровее выглядят – доводилось мне встречать пару-тройку румяных кровопийц...

Несмотря на свой наряд и макияж – а может, как раз бла-

годаря тому и другому, – она была невероятно красива. Мало того – от нее словно исходил некий дурманящий аромат, лишавший мужчин головы и заставлявший начисто забыть о чувстве самосохранения. Короче, этот вампирский прикид выглядел весьма эротично.

Ростом Белинда под шесть футов. Выглядит она лет на двадцать пять, но утверждает, что ей двадцать. До недавних пор она вела такую жизнь, будто вознамерилась во что бы то ни стало умертвить сама себя. Но это уже в прошлом; нынче она в отличной форме – достаточно взглянуть на эту точеную фигурку, от которой, пройди Белинда кладбищем, и мертвые вскочат. Глаза темные, того баснословного сорта, какой принято именовать «зеркалами души». Правда, жалости в них искать напрасно; у кобры во взоре и то больше добра и сочувствия.

– Ты прислал сообщение. Я была в это время в городе. Других дел не сыскалось. Вот я и пришла. Ты где-то шляется, но добрый Дин меня впустил.

Я попытался испепелить Покойника взглядом. Предупредить же надо!

Он будто снова впал в спячку.

Надо признать, Белинда – женщина отважная. Она знала про Покойника – и все равно пришла, тогда как всякий хотя бы с одной-единственной черной крапинкой на совести норовил держаться подальше от моего напарника.

В те стародавние времена, когда Организация пребывала в

переходном состоянии – то бишь постепенно переходила во владение Белинды, мы с ней затеяли скоротечную интрижку. Понятия не имею, что она во мне нашла. И пожалуй, я могу считать себя счастливчиком: мне удалось остаться в живых. Повадки у Белинды еще те; когда она принимает решительные меры, ее папаша рядом с ней кажется агнцем.

– Извини, – пробормотал я. – Ты застала меня врасплох. Тебя я ожидал увидеть в последнюю очередь.

Хотя всегда думал, что она будет преследовать меня в мыслях.

– Я вовсе не такая плохая, Гаррет, какой тебе кажусь.

Помнится, папаша Белинды говаривал то же самое.

– Чего?

– Ты ведь подружился с моим отцом, разве нет? – В ее голосе проскользнула нотка зависти.

Я неопределенно хмыкнул. У нас с Чодо Контагью отношения были тоже странные. Однажды я по чистой случайности оказал ему важную услугу, и с той поры он считал себя обязанным и всячески обо мне заботился, хотя я о том не просил. Он прикрывал мою задницу и усердно пытался завлечь меня в свои сети, то есть завербовать на службу Организации. А я в конечном счете оплатил за доброту тем, что приложил руку к его свержению.

– Краск и Садлер вернулись. – Самый удачный ход, чтоб отвлечь Белинду.

– Ты видел их? – Она будто побледнела сильнее прежнего,

если такое возможно.

– Нет. Шустер рассказал. А он узнал от капитана Тупа. Я поделился новостями с ним, он – со мной.

За любой товар надо платить; это Белинда прекрасно понимала.

– А у тебя что за новости? – спросила она.

– К тебе они не имеют отношения.

– Неужели мы не интересны Шустеру?

– Еще как интересны. Ему интересно все на свете, но он реалист. Он знает: вы предлагаете услуги, которых жаждет общество, и законов по большей части не нарушаете, что бы там ни болтали всякие жрецы и реформаторы. Шустера куда больше занимают те, кто обижает ближнего своего или покушается на общественные устои. В то же время он – раб самого себя и одержим стремлением знать все обо всех.

«Гаррет, я читаю твои мысли и потому могу в них разобраться, но даже так то, что ты только что сказал, имеет весьма расплывчатый смысл».

Ну и ладно. Главное, что я себя понимаю.

И Белинда поняла – хоть и продолжала сверлить во мне дырки ледяным буравом, который у нее вместо взгляда. Никто на свете не понимает замысловатого Гаррета лучше Белинды Контагью.

– Дорогуша, почему ты не можешь стать другой? – спросил я в лоб.

– Я и сама порой этого хочу, – ответила она. – Но меняться

слишком поздно.

– Нам обязательно быть врагами?

– А мы враги?

Осторожнее, Гаррет.

– Нет. Но постоянно загоняем себя в угол, по собственной дурости.

– Уж такая у нас судьба, угловатая.

Я заломил бровь. Проверено – на женщин действует неотразимо.

– И не старайся меня очаровать, Гаррет, ты и так в моем сердце. Может, сойдемся на уговоре, который у тебя был с моим отцом?

– Твой отец думал, что он чем-то мне обязан.

В конце концов, правда, в долгу оказался я.

– Я тоже тебе обязана. Ты единственный из всех, кого я знаю, обращаешься со мной по-человечески. Даже когда я принимаюсь куролесить, ты меня не отталкиваешь.

– Суров, но справедлив.

Я покосился на Покойника: не ровен час, решит высказаться.

– Заткнись. Я в подружки к тебе не набиваюсь и этой рыжей Тейт поперек дороги не встаю...

Н-да, шпионов у нее побольше, чем у Шустера.

– ...но кое в чем я на тебя претендую.

«Дыши ровнее, Гаррет».

Когда я был моложе, меня убеждали, что с годами дыха-

ние выровняется само собой. Наверное, так оно и будет – после смерти. А пока вокруг Тинни да Белинды, бедняга Гаррет о таком счастье может лишь мечтать.

– И все-таки – чего от тебя хотел Шустер?

Настойчива, как всегда.

– Он жаждет проникнуть в движение человеколюбцев. А я оказался замешан потому, что кто-то из них пытается вымогать деньги у Вейдера.

Белинда в долю секунды превратилась из взбалмошной красавицы в хладнокровного убийцу, единственный недостаток которого – его пол.

– У меня с ними свои счета, – проговорила она. – Они никого не уважают. Думают, они могут делать что хотят, потому как борются за правое дело.

Я кивнул. Именно так они и думают.

– Но влезать на свою территорию я не позволю.

Пошло-поехало. Сейчас и она примется меня вербовать...

«Гаррет, я немного вздремну. Судя по всему, ваша беседа затянется на всю ночь».

Что? И тут я сообразил, почему у крыльца не было экипажа Белинды. Она никуда не собиралась уезжать! А Его Высокомудрие вдруг согласился терпеть ее присутствие, хотя полчаса назад явно был не прочь выставить нашу гостью вон. Любопытно, какую интригующую мыслишку он выудил из этого паучьего логова, в котором скрывается сознание Белинды Контагью?

Свинья ты, Гаррет, твердил себе я поутру. Зажравшаяся свинья. Ни одной юбки не пропустишь.

Моя любовь к женскому полу порой оборачивалась неприятностями. В случае с Белиндой неприятностей было не избежать, это уж точно. В ее головке роились самые невероятные мысли... И надо же ей было появиться, как раз когда Тинни вроде бы сменила гнев на милость!

За завтраком мне пришлось выслушать Динову нотацию. Неодобрение мною сквозило в каждом его движении.

– Спасибо, – поблагодарил я, принимая кружку с чаем. – Когда Белинда встанет, прибери, пожалуйста, в комнате для гостей.

Ошарашенный моей наглостью, Дин на мгновение утратил дар речи.

– Будешь злиться, у тебя желчь разольется, – продолжал я вслух, а мысленно взмолился: «Помоги! Скажи ему, что у меня с нею ничего не было».

«Гаррет, я спал. Впрочем, если это настолько необходимо...»

Дин фыркнул. Судя по всему, он отказывался верить даже Покойнику.

И тут со второго этажа спустилась Белинда. Она была явно не в духе – не привыкла, чтоб ее желания не осуществ-

лялись. Дин удостоился взора, какой заморозил бы и реку лавы. Надо отдать Дину должное – он встретил этот взгляд с равнодушием старика, который настолько стар, что ему уже нечего бояться.

Белинда пожала плечами. Ей было наплевать на чье-либо мнение (достойная позиция, но не всегда себя оправдывает); она жила в мире, где никого не прощали, где наказанием за несоблюдение правил была смерть; ее ничуть не беспокоили враги даже среди приближенных. С Краском и Садлером она непременно разберется, как пить дать.

Одним словом, Белинда – дочь Чодо Контагю, его порождение и его судьба.

Должно быть, иметь такого папашу – удовольствие ниже среднего. Белинда не распространялась о своем детстве, но легко можно догадаться, что счастьем в этом детстве и не пахло.

Между прочим, по городу ходили разные слухи: мол, ма-тушка Белинды столь рано отправилась на небеса по той простой причине, что Чодо усомнился в ее верности.

Эти слухи дошли до меня еще до нашей с Белиндой первой встречи. Возможно, они имели некоторое отношение к нынешнему состоянию Чодо.

Признаться, я опасался, что одержимость Белинды рано или поздно вынудит клан отвергнуть ее. С другой стороны, она девушка решительная; с нее станется в ответ покончить с Организацией...

– Может, объяснить? – спросила Белинда, кивая на Дина.

– Уж пожалуйста.

– Твоя подружка такая бестолковая?

– Когда женщина во что-то верит, все доводы рассудка ей нипочем. Гм... Ладно, оставим это. Скажи, Белинда, чего ты добивалась?

– Не добилась, и пес с ним. Поговорим лучше о деле. – (Насколько я мог судить, это означало: «Живи пока».) – Не переживай, любовничек. С этими двумя охламонами мы разберемся. Они мне мешают. Однако...

– Эй, погоди! Как по-твоему, зачем они вернулись? Потому, что кому-то понадобилось подобрать ключик к тебе?

Белинда улыбнулась улыбкой кошки, глядящей на загнанную в угол мышь.

– Возможно. Есть у меня кое-какие мысли на сей счет. Может, составить тебе компанию вечером? Когда еще я смогу увидеть столько важных особ...

– Издеваешься?

«Замечательная идея, Гаррет. Стоит согласиться».

Ага, держи карман шире. Только этого мне и не хватало для полноты впечатлений.

– Не лезь, Умник. Тебе с Тинни Тейт не объясняться.

«Как верно заметила мисс Контагью, мисс Тейт способна рассуждать здраво».

– Тогда мы толкуем о разных мисс Тейт.

Впрочем, с Тинни он общался поболее моего, так что, мо-

жет стать, и впрямь знает о ней что-нибудь этакое. Раньше Тинни запросто превращалась в разъяренную львицу. Может, теперь, если что не по ней, она оборачивается саблезубой кошкой?

– Мне надо пободаться с моим напарником, – сказал я Белинде. – Он тебя поддерживает.

– Передай, что я беру назад все гадости, которые про него говорила.

– Не буду. Уж скорее подбавлю от себя – он того заслужил.

Я ворвался в апартаменты Покойника.

– Что все это значит? – раздраженно осведомился я с порога. – Ты что, хочешь, чтобы меня линчевали?

«Повторяю, мисс Тейт способна рассуждать здраво. Хватит об этом, Гаррет. Есть куда более важные дела».

– Важные для кого?

«Для десятков тысяч живых существ. Назови мне хотя бы пятерых убитых за сегодняшний день нелюдей, для которых гипотетическая ссора с мисс Тейт была страшнее того, что случилось с ними на самом деле».

– Нечестный ход, старина.

Так всегда: думаешь, что припер его к стенке, а он раз – и улизнул.

– Никто из них не знал Тинни, как знаю ее я...

«Гаррет!»

– Хорошо, хорошо. Так на что нам сдалась Белинда?

«Учитывая ситуацию, необходимо закрепить за тобой положение посредника между всеми заинтересованными сторонами. Тем самым ты окажешься в точке, куда будут стекаться все новости, и это позволит тебе получить определенные преимущества перед всяким, кто попытается выйти на Организацию. Речь прежде всего о тех, кто сторонится „Зова“ и прочей шатии».

Шатии? Вкусное словечко.

– Ты о Шустере?

«И о нем тоже. Другой пример – Макс Вейдер и его приятели, все как один умеренные радикалы. При надлежащем руководстве ты вполне можешь очутиться между экстремистами и сторонниками Слави Дуралейника».

Догадайтесь сами, кто будет руководить и направлять.

Ох уж этот мне Покойник с его самомнением! Того и гляди лопнет от собственной гениальности!

– Погоди, Старые Кости. С какой стати им всем меня принимать? Или что, мы загримирuem Гаррета под героя из пророчеств?

«С мистером Вейдером и мистером Шустером ты уже обо всем договорился. С мисс Контагью недоразумений тоже не будет, поскольку она сама предлагает сотрудничество. Останутся только мятежники и борцы за права людей, причем последние проявили к тебе интерес».

В гробу я видал их интересы. А не влиться ли мне заодно в нестройные ряды самозваных революционеров, которые попрятались, едва Танфер захлестнула волна человеколюбия? Пожалуй, не стоит: эти ребята на отшибе, их никто в расчет не принимает.

– Не выгорит, Умник. Они просто дверью ошиблись. Я им это доходчиво разъяснил.

«Гаррет, прибегнув к твоей манере изъясняться, отвечу так: не дуй на воду, не обжегшись на молоке. Для них ты

прежде всего – ветеран войны».

– Ну да, хорош ветеран! Живет с логхиром и попугаем-психопатом, и лучший друг у него – наполовину эльф!

«У всех у нас есть свои слабости. Вы, люди, часто прозреваете истину уже в зрелом возрасте. Иными словами, ты их обманешь – потому что они хотят обманываться. Но меня беспокоят не столько они, сколько Слави Дуралейник».

– Ради него я стараться не стану. Хватит с меня того, что ты им бредишь.

«По правде сказать, Гаррет, им бредило мое молодое „я“, с которым мы регулярно конфликтуем. Когда Дуралейник был далеко и таскал за бороды наших аристократов, мы охотно его поддерживали, потому что сами недолюбливаем властей предрежащих. Но теперь он здесь, среди нас, и цель его представляется мне все более отчетливой – и все более зловещей. Пожалуй, тот Дуралейник, перед гением которого я преклонялся, сгинул вместе со своей мечтой о независимости Кантарда. Или же его назначили главным врагом Каренты, поскольку иных врагов у нас не осталось, хотя мы их, безусловно, заслуживаем».

– Опять это гнусное словечко!

«Какое именно?»

– «Мы».

Почему-то нелюди при всяком удобном случае не преминут напомнить, что Карента создана людьми. И вообще, их хлебом не корми, только дай понасмехаться над челове-

скими законами и установлениями...

«Замечательно! Продолжай в том же духе, и „Зов“ примет тебя с распростертыми объятиями. Мало того, с такой логикой ты наверняка окажешься в их внутреннем совете».

– Ну не хочу я этим заниматься!

«Придется, Гаррет. Нам выпало жить в эпоху перемен. Всяк должен сделать свой выбор. Того, кто откажется выбирать, сожрут с потрохами, ибо он останется один. Но тем, кто подобно нам видит знаки и угадывает предзнаменования, – тем предоставлена возможность одолеть подступающую тьму».

– Не сотрясай попусту воздух, Весельчак. Не надо меня убеждать, что вода мокрая. При всех своих благородных порывах я лучше буду защищать справедливость и божественное право правителей Каренты из своего кабинета. Позащищаю, пивка попью, с Элеонорой поболтаю – и снова защищать.

«А ты утверждаешь, что я ленив».

– Только потому, что амбиций у тебя не больше, чем у кости, пролежавшей в земле лет двадцать. Коли уж на то пошло, ты-то на улицу не суешься и под дождем не бегаешь.

«Этот вопрос также требует осмысления и обсуждения».

– Как нельзя кстати, – пробормотал я, когда кто-то ближе к полудню принялся колотить во входную дверь.

– Мои люди в точности исполняют поручения, – заметила Белинда, – и делают все вовремя. У нас такой порядок.

– Расслабься, Белинда, стань обыкновенной женщиной, хотя бы на чуть-чуть...

– Я пытаюсь, Гаррет. Но у меня в голове точно демон какой-то сидит. И зудит, зудит... В конце концов он сведет меня с ума.

Я кивнул. Вот оно, тяжелое папашино наследие.

Посмотрев в глазок, я увидел на крыльце нетерпеливо переминавшегося с ноги на ногу детину неопределенного происхождения.

– Этот тип тебе знаком?

Белинда на миг припала к глазку – и почти обняла меня, чтобы не потерять равновесие. Ну как тут ровно дышать?!

– Да. Его зовут Харкер Двупалый. Это мой возница.

– Возница? Да ему не лошадьми править, а троллей в подворотнях колошматить.

– Просто у него такой вид.

Двупалый постучал снова. Несмотря на то что с потолка посыпалась побелка, Дин и не подумал высунуть носа из кухни. Должно быть, злился на весь белый свет. И в кои-то веки

винил во всех бедах не меня, а нашего мудрого до отвращения домочадца.

– Погоди минутку, ладно? Я только возьму свой живой эполет.

– Зачем тебе эта гнусная птица?

Ну наконец-то! Хоть кто-то разделил мои чувства.

Покойник в этот самый миг ослабил мысленный контроль, и попугай завопил во все свое попугайское горло:

– Держите меня, держите! Какой типаж! Какая попка!

– Заткнись, пугало огородное! Как ты себя ведешь в присутствии дамы?

– Здорово у тебя получается, Гаррет, – сказала Белинда. – Хоть бы разочек губами шевельнул.

Аргх! Ну вот...

Не согласиться с попугаем было трудно: именно типаж, и какой типаж! Мечта поэта с легкой склонностью к вампиризму. Вечером она наверняка окажется в центре внимания, в таком-то прикиде (а ей, похоже, того и надо). Может, закутать ее в одеяло, чтоб за нами толпа зевак по улицам не бегала?

Ну и вечерок мне предстоит... Аликс непременно попытается переплюнуть Белинду. И Никс тоже. А Тинни – если она удосужится заняться собой, с нею рядом вообще поставить некого. Словом, Белинда будет черной розой в саду, где до сих пор не было иных цветов, кроме белых, желтых и алых.

– Когда б говорил я, птичка эта меня бы расхваливала напропалую, а не задиралась ко всем подряд.

Белинда засмеялась.

– Чего уставился? – вдруг спросила она.

– Странно как-то. Ты – и смеешься. А тебе идет. Смейся почаще.

– Не могу. Но хотела бы.

Внезапно мне почудилось, будто я перенесся на несколько лет назад и услышал голос Чодо Контагью: дескать, он все не желает быть плохим парнем, но обстоятельства складываются так, что либо он будет отъявленным злодеем, с которым никто не рискнет связываться, либо ему придется лизать чью-то задницу. У тех, кто не в ладах с законом, все просто: выживают сильнейшие.

Семейке Контагью до сих пор удавалось выживать.

Я распахнул дверь. Белинда проскользнула мимо меня и шепнула что-то своему верзиле.

Тут и Дин соизволил наконец высунуться из кухни.

– Свой ключ не забыли, мистер Гаррет?

– Нет. И не вздумай запереть дверь на цепочку, понял?

Он уговорил меня поставить дорогуший дверной замок – под тем предлогом, что тогда ему не придется дожидаться моего возвращения среди ночи. Впрочем, дожидаться он по-прежнему дожидался, так что покупка замка явно преследовала одну-единственную цель – разорить Гаррета.

– Конечно, мистер Гаррет, не беспокойтесь.

Я бросил на него косой взгляд. Честно говоря, мне не понравился его тон.

— Спасибо за заботу, Дин. — Я захлопнул дверь и прибавил, нарочно не понижая голоса: — Нет, жить с ним — все равно что быть женатым без доступа к телу.

Ладно, пора. Я помахал миссис Кардонлос, торчавшей на своем крыльце. Интересно, сама-то она знает, кого — или что — высматривает? И где прячется мистер Кардонлос? Должно быть, сбежал много лет назад и теперь живет счастливой жизнью вдали от своей благоверной...

Миссис Кардонлос воззрилась на Белинду. Ее глаза чуть не выскочили из орбит, а рот разинулся так, что подбородок едва не рухнул на крыльцо.

Ну, теперь-то у нее будет о чем посудачить. И что они все находят в этом типе?

Экипаж Белинды, как сообщил Двупалый, стоял за углом. Мы двинулись следом за возницей. Поглядывая на него, я догадался, откуда взялось прозвище: он шагал, сильно припадая на одну ногу, и кренился набок, словно ему не хватало точек опоры.

Повернувшись к Белинде, я заломил бровь. Она поняла, о чем я хотел спросить.

— Харкер достался мне от отца. — Белинда издала некий звук; была бы на ее месте какая-нибудь другая девица, я бы сказал, что она прыснула. — Знаешь, у него есть брат-близнец. Харкер Безносый. Обоим не слишком повезло на войне.

У меня с языка сорвались слова, которые всегда наготове у тех, кто сумел вернуться домой:

– Еще как повезло! Они ведь остались в живых.

Если приглядеться к мужчинам на улице, особенно к тем, кто марширует в рядах человеколюбцев, практически у каждого лицо и тело в шрамах от ранений. А есть и другие раны – душевные, их исцелить куда сложнее. И душевных ран не избежал никто – ни крестьянин из захолустья, ни наши правители...

Разумеется, всякие там герцоги или повелители бурь в грязных окопах не корчились, не глушили самогонку, чтоб хоть немного согреться, и не курили травку, чтоб хоть немного отвлечься. Но и за дверями роскошных особняков и пышных дворцов скрывалось обыкновенное человеческое горе, ибо война не щадила никого... В семьях танферских богатеев хватало своих Томов Вейдеров.

Об этом предпочитают молчать. Рассказывают о подвигах, о славных победах, а о боли и ужасах и не вспоминают. Послушать Покойника, так все исторические труды и все предания имеют лишь косвенное отношение к тому, что произошло на самом деле, – иными словами, история такова, какой ее велели считать те, кто нами управляет.

– Гаррет, ты ж у нас всегда весельчак был, – проговорила Белинда. – Циник, конечно, но в наше время все кругом циники. Где же твои шуточки?

– Дорогуша, я как-то спросил одного умника, отчего вокруг столько мрачных старых пердунов. Он ответил, что у каждого из нас свой запас шуток – и этот запас рано или поздно иссякает, и жизнь останавливается. Я испугался: а вдруг у меня осталась последняя шутка, и, если я ее вышучу, что тогда? Совсем не хочется становиться мрачным старым пердуном.

Белинда то ли не поняла, о чем я толкую, то ли не оценила моего остроумия.

– Ты надо мной смеешься?

– Разве я посмею? Просто вспоминаю, чему меня учили в детстве. Тот умник, он был настолько стар, что помнил времена, когда Карента не воевала с венагетами.

– Человек?

– Угу. Ветхий днями.

Гномы, эльфы и некоторые другие нелюди живут на свете едва ли не дольше логхиров и весьма хорошо при этом сохраняются. Эльфы даже утверждают, что они бессмертны, но мой всезнайка-партнер сомневается в достоверности сих утверждений. Среди его знакомых не было эльфов, которых

не прикончили бы в сравнительно молодом возрасте.

Байки насчет эльфийского бессмертия – из того же свода мифов, что и рассказы про гномов и троллей: мол, если выманить гнома из шахты средь бела дня или заболтать тролля так, чтоб он не заметил наступления рассвета, то и тот и другой обратятся в камень. Мой вам совет: не торопитесь этому верить. Жизнь – штука драгоценная, не стоит рисковать ею попусту. Не то на собственной шкуре узнаете, что это за красная жижа у тролля на лапах.

Ну да, днем на улицах Танфера троллей не встретишь, но только потому, что тролли избегают городов. Для них в городе слишком много суматохи. А коли все-таки отправитесь на поиски троллей – поглядывайте по сторонам, не то столкнетесь нос к носу с шайкой гномов, решивших поживиться вашими денежками; и это может произойти и ночью, и утром, и днем.

– Этот старик, – продолжил я, – замечательно рассказывал всякие истории. Жаль, что некому было их записать. Он говаривал, что последнюю шутку с человеком играет смерть, а лично он этой шутки еще не слышал, потому и жив.

– Мой отец тоже так говорит.

– Чодо?

– У меня один отец, Гаррет. Наверно, он был знаком с твоим стариком.

Белинда на глазах превращалась в льдышку, которую мне вроде бы только-только удалось растопить.

– Когда-нибудь ты расскажешь мне, каково быть дочкой Чодо?

– Что?

– Стоит даже мельком упомянуть о твоём отце, как ты сразу становишься хмурой и... отстраненной, что ли.

Экипаж остановился. Я отодвинул занавесь на окне:

– Приехали, между прочим. Целые и невредимые.

Двупалый распахнул дверцу и протянул руку.

– погоди. – Белинда повернулась ко мне. – Гаррет, порой мне кажется, что я готова в тебя влюбиться, но это быстро проходит. Мне нравится, как ты себя со мной ведешь. Однако я не в силах перебороть другую Белинду, которая тебя смущает. И если ты разъявишь пасть, когда я буду другой...

Не думал, что она сама обо всем догадается. Как всегда, Белинда Контагью полна сюрпризов.

Двупалый помог ей спуститься. Он готов был целовать землю, по которой ходила его хозяйка, а она этого не замечала.

Очередная грустная история.

Двупалый одарил меня взглядом, не сулившим мне ничего хорошего, если с Белиндой что-нибудь случится.

Нас встретил Манвил Гилби, лично надзиравший за тем, кого впускают в дом.

– Наконец-то ты добрался, Гаррет! У нас и наполовину все готово не было, а гости уже стали съезжаться. – Он оглядел Белинду и даже зажмурился от восхищения. – Рад вас

приветствовать, юная дама. И что, скажите на милость, такая красавица нашла в этом ошипанном петухе?

– Гилби, ты ли это? – изумился я.

Он подмигнул мне и забрал мое приглашение. Зная Манвила, могу предположить, что он распорядился вести учет, сколько приглашений раздали, сколько народу пришло.

– Мы предполагали, что ты появишься с мисс Тейт.

– Человек предполагает, судьба располагает.

– Думаю, мисс Тейт с тобой не согласится.

Еще бы она согласилась!

– Я ей все объясню. Может, потом посплетничаем? Я хотел бы осмотреть помещения.

– Разумеется. Просто я хотел предупредить тебя, что возможны неприятности.

Никак не пойму, откуда такая заботливость.

– Послушай, дело вот в чем. Мой партнер настоял на том, чтоб я привел с собой эту даму. Из-за гостей, которые могут вас навестить.

Что Белинда – королева танферского преступного мира, я уточнять не стал.

Гилби выслушал, кивнул и посторонился: мол, проходите. Ха, если его так легко убедить, какой толк оттого, что он надзирает за входом в дом?

Может, я и перестраховываюсь, но у меня немало оснований опасаться за свою шкуру. Я же разворошил осиное гнездо, связался одновременно с тайной полицией, с человеко-

любцами, с Организацией, со Слави Дуралейником, да еще и с компанией крупных фабрикантов в придачу.

– Желаю хорошо повеселиться, Гаррет. Мисс, не сомневаюсь, что Макс Вейдер и члены его семьи будут польщены вашим визитом.

Манвил сопровождал свои слова изящным поклоном. Впрочем, я его понимаю – завидев Белинду, любой аскет забудет об обете безбрачия. Тот же Гилби выглядел так, словно его огрели дубинкой по башке, несильно, но чувствительно. Мы отошли на добрый десяток шагов, я обернулся – и увидел, что он смотрит нам вслед.

В дверях нас встретил мажордом Джеррис Дженорд. Голо-
сина у него был как труба. Разумеется, Дженорд не мог допу-
стить, чтобы я прокрался в залу незамеченным. Он возопил
так, словно объявлял о скором и неминуемом конце света:
«МИСТЕР ГАРРЕТ И МИСС КОНТАГЬЮ!» Я показал ему
кулак, а он в ответ злорадно осклабился: с его точки зрения,
мне здесь было не место.

После этого громового объявления наши с Белиндой шан-
сы проскользнуть тихой сапой стали столь же мизерными,
как вероятность того, что Корона снизит налоги в связи с
окончанием войны.

По счастью, мы прибыли довольно рано, так что объявле-
ние слышала лишь горстка собравшихся.

Вот Попку-Дурака не заметили. Он тихонько пробрался
в залу и взмыл под потолок (мы с ним расстались, едва я
вышел из экипажа; явиться на прием в честь помолвки да с
попугаем на плече – это уже перебор).

Мы спустились по ступенькам, но не успели отойти от
лестницы, как меня буквально пригвоздило к полу: я по-
пал под перекрестный огонь ледяных взглядов Тинни Тейт и
Аликс Вейдер. Тинни была ближе, поэтому я стряхнул с себя
оцепенение и двинулся напрямик к ней. Уж лучше получить
выволочку сейчас и потом спокойно заниматься делом.

– Вот, принес тебе письмо от старого... гм... знакомого, с которым у вас очень близкие отношения, – сообщил я, старательно не замечая выражения лица Тинни.

Попка-Дурак плюхнулся мне на плечо и, прежде чем я успел опомниться, вякнул:

– Читай письмо, краля. Успеешь еще башку ему проломить.

Тинни так и застыла с разинутым ртом. А я подумал, что надо было, наверное, прочитать письмецо, прежде чем отдавать...

Это письмо написал Дин под диктовку Покойника, который взял с меня клятву не заглядывать в содержание.

Между тем взгляды всех, кто находился в зале, приковала к себе Белинда. Она ничуть не смутилась, наоборот, вызываяще подбоченилась. О бедном-несчастном Гаррете мгновенно позабыли (признаться, в одежке Тэда я выглядел не таким уж и несчастным, но чувствовал себя паршиво – в жизни этак не выражался).

С другой стороны, я же хотел остаться незамеченным. Радуйся, Гаррет, сбылась мечта идиота...

Тинни прочла письмо. Искоса глянула в мою сторону. Холодно оглядела Белинду с головы до ног. Потом вновь повернулась ко мне. Попка-Дурак прочистил горло, но я был начеку – схватил его за шею прежде, чем он выкрикнул хотя бы слово. Он забился, захлопал крыльями, но быстро понял, что я его скорее придушу, чем отпущу, и успокоился.

Тинни, судя по всему, решила, что ей срочно нужен свежий воздух, и направилась к дверям, чеканя шаг, как солдат на параде. Рыжие волосы разлетались в такт шагам. У самой лестницы ее перехватила Аликс, и они о чем-то горячо заспорили.

Я двинулся вглубь зала; Белинда держалась рядом. Народу было не то чтобы много, но больше, чем я ожидал увидеть, – прием-то начинался позже. Тех, кого знал, я вполголоса называл по именам, а Белинда повторяла.

Ее имя тоже гуляло по зале, – видно, кто-то сообразил, из каких она Контагью.

– А вот и влюбленные голубки, – указал я. – Надо подойти, почтение засвидетельствовать.

– Вид у них не слишком счастливый.

Возразить было нечего: Тай выглядел так, словно с ним минуту назад случился припадок, а Никс явно была не прочь оказаться где-нибудь далеко-далеко отсюда.

Впрочем, заметив краем глаза Белинду, Тай оживился. Покажите мне того, кто остался бы безучастным!

– Гаррет, как зовут красавицу, которую ты сопровождаешь? – осведомился он, собрав все запасы своей вежливости.

Красавица рядом с ним одарила своего суженого взглядом, весившим, должно быть, не меньше тонны. Конечно, ей Тай Вейдер был ни к чему, но пусть он только попробует засмотреться на кого-то еще! А Гаррет – самая настоящая свинья, раз осмелился привести эту смазливую девку в черном.

– Белинда Контагю. Белинда, познакомься, это Тай Вейдер, принц пивной империи Вейдеров.

Тай не признал в Белинде принцессу организованной преступности. Но в том не было ничего удивительного: даже имя Чодо было известно в Танфере далеко не всем.

– Рад встрече, мисс Контагю. Давно вы знаете этого мошенника?

Они что, все сговорились и теперь весь вечер будут меня обзывать? Ну, кто следующий?

– Целую вечность, Тай. Он оказывал услуги моему отцу.

Я подмигнул Никс. Та, в отличие от жениха, обо всем догадалась. Может, они с Белиндой встречались раньше? По лицу Белинды понять что-либо было крайне сложно.

– Бьюсь об заклад, ваш отец не знает, что этот шельмец Гаррет набился к вам в кавалеры.

Долго ждать не пришлось. Нет, они точно сговорились. Ну и ладно. Эй, кому там еще не терпится унижить доблестного Гаррета?

Белинда усмехнулась – и я уверился в том, что эти красотки знакомы друг с другом.

– С папой случился бы сердечный приступ, узнай он, что мы держимся за руки. – Она подхватила меня под локоть. – Для него я по-прежнему маленькая девочка.

Да, если папаша Контагю однажды узнает подлинную историю Гаррета и Белинды, он из меня кролика сделает. Фаршированного.

Белинда потянула меня прочь. Я подчинился, но не утерпел и оглянулся. Никс наклонилась и шептала что-то на ушко Таю.

Заметив мой взгляд, она снова подмигнула.

От этих женщин неприятностей больше, чем от «Зова», Организации и Шустера с его командой, вместе взятых. Но как жить на свете, когда рядом с тобой нет никакой длинноногой, рыжеволосой, аппетитной...

Тай побледнел и откинулся на спинку коляски.

У Чодо и вправду мрачная репутация.

– Мистер Маренго Северная Англия и мисс Тама Монтецума! – проорал Дженорд.

– Вау! – воскликнул я. – Это уже интересно!

– Что именно?

– Маренго всюду представляет Монтецуму как свою племянницу. Я ее никогда не видел, но говорят, что...

Белинда нахмурилась. Опять я что-то не то сказал.

– Слухи заставляют предположить, что Маренго Северная Англия регулярно нарушает закон о кровном родстве, не говоря уж о том, что он наверняка обманывает жену.

– Не всякому слуху можно верить.

– Дыма без огня не бывает. Пойдем посмотрим. Я до сих пор видел Маренго только издали.

– На что он тебе сдался? Судя по твоим словам, обыкновенный похотливый самец.

Тем не менее Белинда не отводила глаз от дверного про-

ема. Свести знакомство с Маренго полезно для дела, а уж самец он или не самец – это не важно.

– Дорогуша, цинизм тебе не к лицу. Ты слишком молода и слишком красива.

– Это ты виноват. Развратил меня, животное!

Новоприбывшие остановились на верху лестницы, давая возможность как следует себя разглядеть.

– Подбери слюни, Гаррет, – посоветовала Тинни, возникшая вдруг у меня за спиной. – И рот закрой, а то зубы выпадут.

Я подчинился. Солдат всегда солдат, что на войне, что в мирное время: ему говорят – он выполняет. Но эта Тама Монтецума!.. Доложу вам, это нечто!

Высокая, с меня ростом, бедра узкие, движется как пантера и прямо-таки лучится вожелением. В одних местах плоско, в других – округлости, и все на своем месте. Кожа оттенка лесного ореха и гладкая-гладкая, без единой морщинки или трещинки. Ноги от шеи и бесстыдно выставлены на всеобщее обозрение едва ли не до самых бедер. Зубы почти слишком белые и ровные, чтобы быть настоящими. Глаза томные, мечтательные; во взгляде – некое тайное знание, что-то вроде насмешки над мирской суетою. Наряд – скудный, по эльфийской моде, но явно дорогуший; кто-то – скорее всего, дядюшка Маренго – вбухал в него целое состояние.

В общем, она была из тех женщин, к которым мужиков тянет как магнитом.

– Лежать, песик, – прошептала Аликс, беря меня под руку. Как она подошла, я тоже не слышал. Должно быть, слегка отвлекся.

– Брысь, киски, – огрызнулся я. – Вы же между собой сцепились, вот и продолжайте.

Не умеют они вовремя останавливаться, особенно Тинни. Аликс цокнула языком:

– Тинни, он всегда такой толстокожий?

К счастью, в перепалку вмешалась Белинда:

– Гаррет, возможно, я тороплюсь с выводами, но эта женщина не похожа на его племянницу. И не потому, что она смуглая, а он бледнокожий. – (Рядом с Тамой Монтецумой Маренго Северная Англия выглядел немногим лучше утопленника.) – Больше всего она смахивает на осуществленную мечту старого развратника.

В самом деле. Только я бы заменил «старого развратника» на «невинного юнца». Было в Таме Монтецуме что-то подозрительно чувственное, что-то этакое, чего не скрыть, даже появившись она в монашеском платье и в чепце с оборками. С другой стороны, может, она и впрямь приходится Маренго племянницей. В Танфер частенько заглядывают смуглокожие искатели приключений. У некоторых из них хватает духу задержаться здесь на продолжительный срок.

Впрочем, сам Северная Англия смотрел на свою спутницу не так, как смотрит дядюшка на племянницу, пускай любимую. У него был взгляд парня, сорвавшего куш на рулетке.

Ну, знаете, такой взгляд, который словно говорит: «Я понимаю, что получил по заслугам, но не в силах поверить».

– Гаррет, ты можешь меня им представить? – спросила Белинда.

– Я? Вряд ли. Так высоко я не летаю. Аликс, познакомишь нас?

Уж Вейдеры точно вращались в том же кругу, что и Маренго Северная Англия.

– Он уже давно у нас не бывал – с тех пор, как я была совсем маленькой. Они с папой дружили, а потом поссорились. Из-за политики. Он меня не помнит, Гаррет.

– Я тоже пас, – тряхнула рыжими кудрями Тинни. – Никогда раньше его не встречала.

– Ну и что прикажешь делать? – ядовито поинтересовалась Белинда.

– Он падок до женской красоты. Просто подойди, назовись и скажи, что хочешь поговорить. Он непременно согласится.

Тинни пробормотала что-то неразборчивое. Готов поспорить на что угодно: произнеси она эту фразу громко, мы бы услышали, что женщина не должна прибегать к столь недостойным методам. И это Тинни Тейт, которая не упускает ни единого случая уязвить своею красотой – по крайней мере, парней по имени Гаррет!

– Пожалуй, так я и сделаю.

– Тогда ступай прямо сейчас...

Маренго расхаживал по зале, надутый, как фазан, купаясь в мужской зависти и не замечая, что его исподволь сторонятся.

— ...тем паче, мне все равно придется тебя покинуть. Пора поискать плохих ребят.

Белинда погладила меня по руке — этот жест явно предназначался Аликс и Тинни — и двинулась к гордому собою Маренго.

Кошечки выпускают коготки...

Тинни зашипела.

— Кто эта женщина, Гаррет? — потребовала ответа Аликс. — Зачем ты ее привел?

Тинни не дала мне вымолвить и слова.

— Ее зовут Белинда Контагью. Ее отец — глава танферских уголовников. Она пришла сюда потому, что наш друг Покойник попросил Гаррета привести ее.

Значит, вот что было написано в письме. Но, судя по тону Тинни, письмо не освобождало меня от ответственности.

— Давно ты ее знаешь? — продолжала расспрашивать Аликс. — Почему она держится так, словно ты — ее собственность?

— Несколько месяцев. А с отцом ее мы знакомы гораздо дольше. Как и с твоим, между прочим. Ведет она себя так потому, что ей нравится дразнить Тинни и изводить меня. Как и тебе.

Выстрел попал в цель. Однако одного залпа было мало, а

на второй уже не хватало времени, и я решил отступить.

– Пойду поброжу по дому, с вашего разрешения.

– Ты что, работать пришел? – удивилась Тинни.

– Конечно. Гилби сам признает, что охранник из него никудышный. Вот мне и всучили приглашение.

Я двинулся было прочь, но девушки последовали за мной.

– Э... Дамы...

– Я покажу тебе дом, – радостно сообщила Аликс.

Выражение лица Тинни можно было истолковать одним-единственным образом: она ничуть не сомневается, что на уме у Аликс совсем другое. Я вздохнул. Ну почему мне не пятнадцать лет? В моем нынешнем возрасте две девицы сразу – это уже чересчур.

– Что ж, – сказал я, подавив мысленный стон, – пойдем прогуляемся, посмотрим, легко ли проникнуть в дом без приглашения.

Девушки приклеились ко мне, точно тени. Выждав миг, когда мы с Тинни отстали от Аликс на какой-нибудь шаг, я на долю секунды сжал пальцы своей подружки, а потом спросил у Аликс:

– Сколько помощников вы наняли?

– Что?

– Ваша прислуга явно одна не управилась бы – ни на кухне, ни в зале. Плюс музыканты, плюс еще кто-нибудь.

– Не знаю. Спроси Манвила или Джерриса. А лучше Ланса.

По-моему, она таки заметила наше с Тинни мимолетное рукопожатие.

Прежде всего дело. Итак, если кто-либо вознамерился проникнуть в дом Вейдеров, самый простой способ – наняться в службу на сегодняшний вечер.

В нашем ремесле порой срабатывает интуиция.

Или же ты что-то видишь, но не обращаешь внимания, зато мозг продолжает переваривать и сопоставлять факты – и внезапно возникает мысль, столь отчетливая, словно ты невзначай заглянул в будущее...

– Начнем с кухни, – предложил я.

Больше всего пришло, по определению, там. Такое празднество требует усиленной готовки – варки, жарки, пар-

ки и т. д. и т. п.

– Идите за мной. – Аликс откровенно обрадовалась тому, что я не предпринимаю новых попыток помириться с Тинни. Должно быть, в детстве ей не хватало родительской заботы – отец строил свою империю, а мать уже в те годы начинала тихо угасать.

Следовать за Аликс было совсем не трудно. Куда труднее оказалось притворяться, будто меня совсем не интересует изящная спинка и округлости ниже, шаловливо колыхавшиеся при каждом шаге.

– Гаррет, перестань пялиться! – прошипела Тинни.

Я обернулся. В глазах моей подружки играли бесенята. В таком настроении она мне особенно нравится. К несчастью, Аликс находилась совсем близко и не дала нам поворковать.

Мы вошли в кухню.

Найдется не одна религия, в которой ад и прохладнее, и тише, и пустынное, нежели эта кухня в доме Макса Вейдера. Заправляла всем тетка с громовым голосом, такая громадная, что сперва я принял ее за троллиху или великаншу. Но нет, она оказалась обыкновенной женщиной, просто очень толстой, очень властной и очень шумной. Голос ее не умолкал ни на мгновение и заполнял собою, казалось, всю кухню, проникая в самые укромные уголки. Акцент выдавал эмигрантку. Отряды поваров, пекарей, поварят, мальчишки, поддерживавшие огонь в печах, раздувавшие мехи, таскавшие со двора корзины с углем и вязанки хвороста, – все кру-

тились как угорелые, и всех подгоняли окрики и насмешки, сыпавшиеся непрерывной чередой.

Наше появление не осталось незамеченным. Тетка развернулась, расправила плечи, набрала в грудь воздуха... Но тут она узнала Аликс.

– Мисс Аликс! – прогремела она. – Вам тут делать нечего! Сегодня вечеринка, ну да. А на вас платье нарядное, ну да!

– Мистеру Гаррету потребовался провожатый.

Тетка уронила подбородок на грудь и бросила на меня испепеляющий взгляд из-под густых, как живые изгороди, бровей.

– Гаррет, говорите? Тот, что ли, Гаррет, а?

– Какой? – уточнил я.

Лично я понятия не имел, кто она такая, но вот меня, похоже, здесь знали. А что, если у нее ко мне какой-нибудь давний счет?..

– И потом, мы разве знакомы?

– Может, и не знакомы, ну да. Так я спрашиваю: ты тот Гаррет, что ли? Который хозяину помогает? Который в пехоте морской лямку тянул, а? Тот моего сынка из болота вытащил, ну да. Из пасти крокодилей, точно.

– Да. Да. Не знаю, мы друг друга столько раз отовсюду вытаскивали. Помню, правда, я помог выбраться парню, фамилия которого была Харман, но все его звали Бобби-Утка, уж не знаю почему...

– Энто он, сынок мой, ну да. Он с малолетства такой был,

верно. Не нравилось ему имечко его, ну да. Всегда себя Бобби называл.

В следующий миг меня заключили в объятия, в которых я попросту утонул – ну да, утонул. Перед тем как мое дыхание пресеклось, я успел подумать, что папаша Бобби-Утки был настоящий мужик, ну да, ну да.

Наконец объятия разомкнулись. Некоторое время я жадно хватал ртом воздух, как свежепойманная рыба. А тетка объявила:

– У меня работы полно, ну да! А коль за олухами энtimi, лентяями да бездельниками, ну да, не приглядывать, так они...

– Сколько человек вы наняли на сегодня? – перебил я. – Среди них могут быть злоумышленники.

Будем надеяться, мое воображение не слишком разыгралось.

Она ответила сразу, не задумавшись ни на секунду:

– В кухне четырнадцать, ну да, точно. А на дворе Дженорд энтот, он шестнадцать нанял, ну да.

Джеррис Дженорд... Мы были с ним знакомы ровно настолько, чтобы невзлюбить друг друга. Большого сноба я в жизни не встречал; Тай Вейдер рядом с ним – просто душ-ка. С Дженордом каждый день случалась истерика из-за того, что таких, как я, пускали в приличный дом. Если бы не распоряжение Гилби, он бы с превеликим удовольствием захлопнул дверь перед моим носом.

Может, мне удастся его обойти.

Может, мне повезет и вообще не придется ничего делать.

– Других посторонних нет? – справился я. – Гости, разумеется, не в счет.

Кстати, не забыть про музыкантов.

Тетка кивнула и отвернулась, не в силах более сдерживаться. По кухне прокатились громовые раскаты.

– Кто она такая? – поинтересовался я у Аликс.

До сих пор на кухне в доме Вейдеров мне бывать не доводилось.

– Ее зовут Нейрса. Нейрса Бинтор. Она командовала на кухне еще до моего рождения. Даже папа опасается с ней спорить.

Тетка перестала рычать на подчиненных и вновь повернулась ко мне.

– Эй, Гаррет! Тебе любопытно будет. Кое-кто из наемных себе на уме, ну да. Так и норовят внутрь пробраться, точно. Видно, стырить чего хотят, ну да. Нейрса за ними следит, ну да, да разве за всеми-то углядишь?

– Спасибо, – поблагодарил я; вот и подтверждение моих страхов. – Обязательно учту. – Я огляделся. – Думаю, никто из этих людей в толпе гостей не затеряется.

В большинстве наемных слуг с первого взгляда угадывались оборванцы, привыкшие перебиваться случайными заработками. Их, конечно, приодели, но повадки и вороватые взгляды не скроет никакая одежда.

– Они сейчас все здесь?

Нейрса снизошла до величественного кивка.

– С вашего разрешения я здесь немного поболтаюсь, погляжу, что да как.

– А нам что делать? – спросила Аликс.

Похоже, она решила, будто я ищу повод улизнуть.

– Подождите меня. Я быстро.

Любой нормальный мужчина, тронутый прелестями крошки Аликс, пообещал бы ей что угодно, даже понимая, что не сдержит своих обещаний.

Пожалуй, ей не помешает бдительный родительский надзор.

Я и вправду не задержался. Честно говоря, ароматы готовящихся блюд вкупе с запахом множества немых тел, да еще скученных на крошечном пространстве, были чересчур даже для моего не то чтобы утонченного нюха. Кроме того, наемная обслуга никак не производила впечатления людей, достаточно разумных (или слишком глупых) для того, чтобы злоумышлять против Макса и его пивоварни. И потом, стоит кому-нибудь из этой публики появиться в зале, мой нос мгновенно меня известит.

Будь я злодеем, решившим учинить что-нибудь этакое, я бы затесался в «дворовую команду» Дженорда. Они и выглядят поприличнее, и манеры у них на уровне. Вдобавок их пускают в те помещения, куда кухонной обслуге вход заказан.

Короче говоря, я вернулся к Аликс и Тинни.

– Идем отсюда, чего зря париться.

Мы направились к двери, причем я краем глаза продолжал наблюдать за тем, что творилось на кухне.

Когда мы вышли в залу, я спросил:

– Не видели, за мной никто не следил?

– Я, – немедля откликнулась Тинни.

– Чего? Что «я»?

– Я за тобой следила. Пристально. – Она подмигнула.

Аликс это не пришлось по нраву.

– А ты что скажешь, Аликс?

– Она меня опередила. – Аликс высунула язычок – видимо, в ответ на соответствующую гримаску Тинни. – Не считая нас, никто не смотрел в твою сторону. Да тебя, между прочим, было и не отличить от прочих. Ты словно родился на кухне. И наряд не спас.

А Белинда уверяла, что костюм Тэда Вейдера идеально подходит для подобных вечеринок.

– Чем тебе не нравится мой наряд?

– Гаррет, тебя как ни наряди, ты все равно собой остаешься, – хихикнула Тинни.

– Когда мне захочется оскорблений, я позову своего попугая.

Кстати, а куда подевалась эта треклятая птица? Может, боги наконец смилостивились... Я имею в виду, конечно, толковых богов, способных проследить, чтобы Покойник не выпал в осадок, пока мы – я и попугай – в доме Макса. Страшно даже представить, что может произойти, если птичка окажется на свободе...

– Он где-то там, – махнула рукой Тинни. – Развлекает гостей вместо главного клоуна.

– Куда дальше? – спросила Аликс.

– К официантам, которых нанял... Эй!

– Что?

– Знакомое лицо! Даже два!

Я углядел среди слуг в ливреях физиономии Трейса Уэндовера и Картера Стоквелла, тех самых парней, что приходили ко мне агитировать за права людей. Замечу мельком, что слуги Макса щеголяли в роскошных, сверкавших позолотой ливреях, а наемных обрядили в поношенные и чуть ли не траченные молюю.

Трейс тоже заметил меня и, вместо того чтобы помахать рукой, бочком-бочком двинулся к Стоквеллу. Тот насторожился, принялся озираться, потом подставил ухо, и Трейс нашептал ему новости.

– Я был прав. Что-то и в самом деле намечается.

– Что стряслось?

– Тут находятся двое парней из вольных сообществ. Вопрос: с какой стати?

Ни Уэндовер, ни Стоквелл не произвели на меня впечатления сирот, перебивающихся с хлеба на воду и согласных на любую работу. Эти красавчики, вне сомнения, жили в достатке, и податься в поденщики их заставила отнюдь не нужда.

– Предупредить Манвила? – справилась Аликс.

– Не торопись. Приглядывайте, чтоб никто не подобрался ко мне со спины... Вот зараза!

– Что? Что?

– Стоило отвести взгляд, как они смылись.

Но куда? Поблизости от того места, где они только что стояли, не было ни двери, ни раскрытого окна, да и число

ливрейных слуг как будто не уменьшилось. Однако Уэндо-вер со Стоквеллом словно испарились.

– Пожалуй, придется звать Манвила.

Мне определенно не нравилось то, что затевалось на моих глазах.

Гилби привел с собой Ланселина Мака и полдюжины коренастых грузчиков, чей облик никак не вязался с праздничной атмосферой.

– Ну что? – спросил Манвил, воинственно раздувая ноздри.

– Я заметил двух ребят из вольных сообществ. Одного зовут Трейс Уэндовер, другого – Картер Стоквелл. Вчера они пытались меня завербовать.

– Любопытное совпадение.

– Да уж... Они заявили ко мне домой и требовали, чтоб я вступил в ряды «Черных драконов» Вальсунга.

– Никогда о таких не слышал.

– Я тоже. Здесь мы углядели друг друга почти одновременно. А потом они взяли и исчезли. Я отыскал мистера Грессера. Вон он, с дамами любезничает. Он говорит, что таких имен в его списках нет.

Грессер командовал наемной прислугой.

– Ну они вряд ли записались бы под настоящими именами.

– По-моему, с них бы случилось. – (У нас в Танфере плохие парни особой сообразительностью не отличаются.) – Грессер согласился признать, что в его банде были двое, внешность которых отвечает моему описанию. Но не более того.

Грессер, маленький человечек с бегающими глазками, пребывал в состоянии крайнего возбуждения, вполне объяснимого для мелкого начальника, который опасается, что, если вечер будет испорчен, ему завтра же укажут на дверь. И все из-за того, что в число его подчиненных затесались подозрительные личности.

Гилби смерил его суровым взглядом:

– Грессер, тебе известно хоть что-нибудь о твоих людях?

Я вздохнул. Признаться, я сомневался, что Гилби воспринял мои опасения всерьез. Я и сам не ведал, насколько они обоснованны. С другой стороны, интуиция редко меня подводила. Замечательный дар; жаль, что проклевывается редко.

– Ну как я мог проверить всех до единого? – оправдывался Грессер. – Времени-то в обрез было. Тут ведь как: даешь, значит, объявление о работе, сперва берешь тех, кого знаешь, а из остальных выбираешь народ потрезвее да одетый поприличнее, да тех, кто не станет сморкаться в скатерть или, значит, благородных дам щупать. А уж потом, коли время останется, спрашиваешь, кто чем раньше занимался...

Прислушиваясь вполуха к оправданиям Грессера, я одним глазом следил за Тинни (если ей и было боязно, то виду она не подавала), а вторым присматривал за Аликс, для которой все происходящее было грандиозным приключением. Казалось, еще чуть-чуть – и она от восторга запрыгает, как трехлетний ребенок.

У тебя замечательно получается, детка.

Итак, оба моих глаза и одно ухо были заняты, зато второе оставалось свободным. И благодаря этому я услышал знакомый голос.

Стоило мне обернуться, как все разговоры смолкли.

Этот голос я слышал на конюшне!

Голос голосом, но среди лиц вокруг – ни одного, хотя бы отдаленно похожего.

Рядом со мной внезапно возник Ланселин Мак.

– Слыхал? – Он замер в классической стойке гончей. – Нет, показалось...

– Тебе почудилось, будто ты слышал тот же голос, что вчера в конюшне?

– Угу.

– И мне тоже.

– Я его не вижу.

– А я не вижу не только его, но и тех двоих парней, которые были тут пару минут назад.

– И что это значит?

– Пока не знаю. По-моему, пахнет колдовством. – (Простофиля ты, Гаррет: нет чтобы сразу догадаться.) – И этот запах мне не нравится. Где Тай?

– На небесах от счастья. Все его поздравляют, руку жмут, подарки дарят... А Никс злится. В этой одежде тебя и не узнать. Я со спины поглядел – так вылитый Тэд. И поза у тебя была тэдовская.

– Извини.

– Да брось ты! Лучше скажи, что нам делать.

– Максимум пока не следует выходить к гостям. Те ребята с конюшни раскололись?

– Они ничего не знают. Вступили в сообщества на прошлой неделе. Им велели проучить тебя, если ты начнешь выныхивать. Со своими они связываться не хотели, но ты всегда был занозой в заднице, так что угрызениями совести они особо не мучились – пока Тай не пригрозил их уволить.

– Помогло?

– Естественно. За права человека всегда приятнее бороться, когда у тебя есть работа. Но они не знают даже имен тех, с кем пришли на конюшню. Те не представлялись. А узнавали они друг друга по паролю. Вот и все.

– Бред какой-то, – пробормотал я.

– Времена меняются, и не сказать, чтобы к лучшему. Люди напуганы, Гаррет. Им обязательно надо кого-нибудь обвинить. Когда в городе полным-полно бывших солдат, нелепо надеяться, что ничего не случится.

Как ни поверни, он всюду прав.

Я заметил, что на меня то и дело косится какой-то тип в ливрее. Мне он был незнаком. Надо за ним последить...

– Ты видел Киттиджо? – спросил Ланс.

– Несколько лет назад, – ответил я. – С тех пор мы не встречались.

Киттиджо была старше Аликс на десять лет. Подобно Таю,

она постоянно пребывала в миноре. Поговаривали даже, что она пыталась покончить с собой.

Возможно, какой-нибудь мерзопакостный завистливый божок вознамерился преподать Максу Вейдеру урок смирения. Как всегда: невинные страдают, а злодеи грабят и убивают, и им все сходит с рук – пока не появятся другие, еще более жестокие, и не придушат своих предшественников. Принцип Макса – играть по-честному; он всего добивался собственными мозгами и тяжким трудом. И потому, наверное, одного сына он потерял, второй спятил, третий остался инвалидом, у старшей дочери не в порядке с головой, а любимая жена угасает и чахнет день ото дня. Мало того, теперь к нему в дом норовят заползти ядовитые политические змеюки.

Еще немного, и я тоже рехнусь, как Том Вейдер.

– Она спустилась вниз. Сказала, ей не терпится повидать гостей. Радовалась, как ребенок на дне рождения. Давненько я не видывал ее такой веселой.

– По-моему, ты чересчур наблюдателен.

Ланс криво усмехнулся:

– А ты соображаешь, Гаррет. Не знаю, как это получилось. Я-то нацеливался на Аликс. Изо всех сил старался, но... Здравый смысл подсказывал, что ты если и западешь на кого из Максовых дочек, то выберешь Аликс. Она единственная нормальная в этом доме, не считая старика.

А я-то думал, что его... гм... влечет к Таю! Главное в на-

шем деле – не торопиться с выводами. Внешность, как известно, обманчива.

Я слишком долго глядел на Ланса. Разумеется, того подозрительного типа и след простыл.

– Надо им на спины номера повесить.

Нет, как хотите, а без колдовства точно не обошлось.

К нам подошел взъерошенный Гилби.

– Гаррет, Макс просил передать, чтоб ты отправлялся псу под хвост. Это его слова, не мои. Еще он сказал, что, пусть на крыше сидит отряд венагетов, а в кухне прячутся командос, прием все равно начнется и что тебе пришло время отрабатывать твое содержание.

– Он хозяин, ему виднее. Надеюсь, моя интуиция наконец-то меня подведет. Очень на это надеюсь.

Из залы донесся шум: женский визг попеременно с мужским хохотом. Неужто?.. У меня было дурное предчувствие, но я привык смотреть в лицо опасности...

Так и есть. Сбылись мои наихудшие опасения. Попка-Дурак обрел долгожданную свободу и явно успел что-то учинить. Дамы пытались его изловить. Кавалеры с интересом взирали на их попытки и подавали ценные советы.

Мне вдруг пришло в голову, что, если треклятой пташке вздумается присесть на мое плечо, я окажусь в незавидном положении.

Ну, Морли Дотс, ты мне заплатишь. Ты мне за все заплатишь!

– Сделай что-нибудь! – прошептала Аликс.

– И все поймут, что эта гадина со мной?

– Но...

– Пускай развлекается. Если ему свернут шею, я плакать не буду. Манвил, там хватит людей приглядеть за обслугой?

Гилби застонал – точнее, заскулил, как побитый пес. Еще бы: Вейдеры собирались устроить прием, который стал бы гвоздем сезона. Судя по всему, это и будет гвоздь – в крышку гроба. Так что я Манвила вполне понимал.

– А ты сам не справишься?

– Зала большая, а подозрительных типов у нас аж восем-

надцать.

– Шестнадцать, сэр, – возразил слегка приободрившийся Грессер. – В моем списке шестнадцать человек. Вот, посмотрите!

– Спокойнее, Грессер. Списки списками, а я пересчитывал их по головам, причем дважды. И оба раза у меня получалось восемнадцать. Или ты нанимал пару двуглавых? Пораскинь мозгами, приятель. Среди твоих подчиненных – двое приبلудных. Подумай, как их отличить и изловить.

– О боги! Я этого не вынесу, сэр! Конченный я человек! Выгонят меня...

– Грессер, уймись! Никто тебя не выгонит, если ты соизволишь наконец делом заняться. Давай пошевеливайся!

– Слушаюсь, сэр. – И он умчался собирать свою шайку.

– Экий живчик, – пробормотал Гилби.

– Где ты его нашел?

– Дженорд привел, – пожал плечами Манвил. – Утверждал, что на него можно положиться.

– Мистер Гилби! Мистер Гилби! – Грессер был сам не свой от возбуждения.

За ним следовал угрюмый Ланселин Мак. Заскучавшая было Аликс тоже оживилась и двинулась в нашу сторону.

– Да, мистер Грессер?

– Мистер Гилби, с величайшим прискорбием вынужден признать, что этот господин абсолютно прав. У меня в подчинении не шестнадцать человек, а больше, и все говорят,

что так и было с самого начала. Цифры называют разные – кто восемнадцать, а кто даже двадцать человек. Но по моим спискам их должно быть шестнадцать! Не понимаю, что случилось. Мне крайне перед вами неловко... Но уверяю вас, утром работников было ровно шестнадцать!

Естественно, голова садовая! А потом еще парочка прибилась – ты и не заметил, когда и как.

– Два официанта только что рванули на кухню, – сообщил Ланс. – И пока не выходили.

– Гаррет! – окликнула меня Аликс. – Официант...

– Знаю. Ланс сказал, что они ушли на кухню.

– А вот и нет! Этот схватил поднос с едой и направился в залу.

– Один из тех двух? – уточнил я. – Или третий?

Гилби насупил брови и повернулся к Грессеру.

– Скольких бандитов вы привели в этот дом? – сурово вопрошил он.

Я тоже вперил в Грессера свой всепроникающий взор. Грессер вызывающе выпятил подбородок. Ланс прикинул диспозицию и переместился Грессеру за спину.

– Я их только нанял! – воскликнул коротышка. – Понимаете, просто нанял, и все! Это моя работа! Когда срочный заказ, каждого проверять не будешь, я же объяснял!

– Поверим ему на слово? – спросил я.

– Думаю, да, – отозвался Гилби. – Он и вправду, похоже, не встречал никого из этих парней до сегодняшнего утра. –

Он на секунду задумался. — Ланс, держись поближе к Таю. Я пошлю двоих-троих приглядеть за Максом. Гаррет, а тебя...

— Я пока поброжу по дому. Может, на кого наткнуся.

У заговорщиков наверняка есть план действий. Знать бы какой! Конечно, Стоквелл с Уэндовером на командос никак не тянут, но от них того и не требуется: не окажись на кухне некто Гаррет, их бы ни в чем не заподозрили.

Отсюда вопрос: насколько появление Гаррета соответствует планам наших неведомых врагов? Слишком много совпадений: сперва меня пытаются завербовать, потом норовят запугать... Нет, мне точно отведено какое-то место в их плане...

Чем же старина Макс Вейдер так досадил «Черным драконам» Вальсунга? Надо будет поразмыслить на досуге. А пока — не мешало бы поймать тех, кто проник в дом.

Я оглянулся. Гилби и Ланс уже ушли, Аликс и Грессер ожидали моих распоряжений.

— Мистер Грессер, можете приступать к исполнению своих прямых обязанностей. Покажите, на что вы способны. Я вам больше докучать не стану. Мало того, я вас больше ни в чем не подозреваю.

Коротышка поклонился. Как легко его осчастливить!

— Надеюсь, вы понимаете, что за остальных я ручаться не могу?

Он потупился и кивнул.

— Отлично. Ступайте!

– Я ему не доверяю, Гаррет, – сказала Аликс, провожая Грессера взглядом. – Неприятный тип, вертлявый и смотрит так, будто готов раздеть меня прямо здесь.

– Вау! Еще бы ему на тебя иначе смотреть, лапушка! Смотрел бы он по-другому, я б его к врачу отправил.

Аликс прыснула и лукаво на меня покосилась: мол, а ты не прочь девушку раздеть?

Не сегодня, дорогуша. Как-нибудь потом... может быть...

– Скорее всего, ему понравилось твое платье, – продолжал я. – Последи за ним, хорошо? И подскажи заодно, где найти Тинни?

Моя рыжеволосая подружка испарилась, подобно Стоквеллу с Уэндовером.

– Не знаю. – Аликс обиженно надула губки: только она разохотилась, а я снова куда-то ускользаю. – Минуту назад была здесь.

Ладно, найдется. Ее отсутствие мне даже на пользу – под ногами путаться не будет. Что ж, вперед, Гаррет! Вперед, пока тебе на голову не свалились настоящие неприятности.

По парадной лестнице я поднялся на второй этаж. Постоял у двери в кабинет Вейдера, потом направился к черной лестнице: нетрудно предположить, что плохиши в открытую по дому шастать не станут. Тишина... Ни единого звука, только доносится снизу музыка.

Вот и черная лестница. Я осторожно двинулся вверх. Скорость, с какой подозреваемые прямо-таки растворились в воздухе, наводила на мысль, что они отлично ориентируются в доме. Вывод напрашивался сам собой: у них был лазутчик среди вейдеровской прислуги. Не сказать, чтоб этот вывод меня грел...

Оружия у меня при себе не было, если не считать мозгов, а значит, плохишам не составит особого труда обезоружить меня. К тому же теперь они знают, чего от Гаррета можно ожидать.

Кто-то кого-то одурачил. Очень не хотелось, чтоб этим одураченным оказался ваш покорный слуга.

Честно говоря, я ожидал засаду на третьем этаже. Но мои ожидания не оправдались. Снова никого. Правда, я не стал заглядывать в одну из комнат, но там делать было точно нечего. В этой комнате медленно угасала Ханна... В известной степени они с Покойником схожи, но Покойник проугасает еще невесть сколько, а вот она...

Воздух разорвал истошный вопль. Бедняга Том опять за свое... Впрочем, этот вопль звучал немного иначе, нежели предыдущие. Неужто демоны в его сознании обрели плоть и кровь?

Без привычной дубинки я чувствовал себя совершенно беспомощным, как если б оказался нагишом на людной улице. Жаль, что дубинка никак не подходила к костюму, в который меня обрядили стараниями Макса. Эх, надо было прихватить с собой трость; она бы и к наряду подошла, и для дела пригодилась. А еще лучше – трость-шпагу, как у Морли Дотса...

Я огляделся. В пределах досягаемости ничего полезного не обнаружилось. Выше второго этажа обстановка в доме Вейдеров оскудевала на глазах. Нет чтобы какая-нибудь булавка нашлась или старый заслуженный цеп... Манвил говорил, что все оружие со стен снимали – так, на всякий случай – и свалили грудой в кабинете Макса.

Еще один вопль. В нем явственно слышалась не душевная – физическая боль. Неужели Уэндовер со Стоквеллом мучают несчастного Тома? Да нет, чушь собачья... Даже если у кого-то остались не сведенными старые кантардовские счета, какой резон, какое удовольствие, если хотите, мучить человека, который сам себя не помнит? Том Вейдер обитает в мире, куда нет доступа никому, кроме него...

Чушь. Полная чушь.

Вся проблема в том, что мне не хватает фактов, а без них

картину не выстроить. (Слышал бы меня Покойник, вот бы порадовался: наконец-то я начал усваивать его уроки.) Но где их взять, эти факты, если и расспросить-то некого?

На лестнице внизу слышались шаги. Кто-то поднимался на третий этаж, стараясь идти беззвучно, – но это у него плохо получалось. Попался, голубчик! Присяду-ка я, укроюсь за парапетом, а как ты окажешься наверху, тут я тебя и сцапаю.

Я притаился и стал ждать.

На площадке между этажами показалась... Аликс. Де-вушка не поднимала головы, тщательно выбирая место, куда поставить ногу. Я вздохнул и выпрямился в полный рост. Аликс краем глаза заметила движение и взвизгнула от неожиданности.

– Вот так встреча, – проворчал я. – Ну, дитя мое, каким ветром тебя сюда занесло?

– То есть?

– Что ты здесь делаешь?

– Тебя ищу.

Она состроила невинную гримаску, это у нее здорово получалось. Но меня такими штучками с толку не собьешь, и пытаться нечего. Не подействовал даже запасной вариант, когда Аликс подалась вперед и моему взгляду открылось ее декольте – до самой талии. Что ни говорите, а Гаррет у нас – кремень.

– Я видела, как ты свернул на черную лестницу.

– Аликс, мы тут не в игрушки играем. Ты и себя подставить могла, и меня. Что на тебя нашло? Побоку все прочее, ты представляешь, какую сцену закатит нам Тинни?

Девушка протиснулась между мною и парапетом. Эти лестницы такие узкие. И теплые... просто чудовищно теплые.

– Аликс...

– Не прогоняй меня, Гаррет.

Я заткнулся. Даже Гаррет может хранить молчание, когда это необходимо. А по тону Аликс и последний олух догадался бы, что сейчас лучше всего промолчать.

– Ш-ш-ш! – прошептала Аликс, кладя руку мне на колено.

Я кивнул: мол, понял. Я тоже слышал этот звук – наверху негромко хлопнула дверь, и кто-то вышел на лестницу. За-сада оказалась не напрасной. Я повернулся к Аликс и сделал ей знак не высовываться, а потом медленно выпрямился.

Встал так, чтобы сверху меня можно было заметить лишь в самый последний момент, затем помог подняться Аликс, ткнул пальцем вниз и прошептал одними губами: «Спускайся. Только тихо».

Побледневшая Аликс подчинилась без возражений.

На лестнице показался мой старый знакомый Картер Стоквелл, за ним, естественно, двигался Трейс Уэндовер. На плечах они несли чье-то тело...

Я вышел из укрытия.

– Привет, Картер!

Стоквелл подпрыгнул от неожиданности, Уэндовер замер как вкопанный. Я не стал терять времени: подскочил и от души врезал Стоквеллу по уху. Он обмяк. Для верности я наподдал ему еще пару раз, после чего развернулся к ошарашенному Уэндоверу.

Сверху кто-то гаркнул:

– Что там у вас?

Я переступил через Картера, подошел вплотную к Трейсу,

изнемогавшему под бременем похищенного тела, и крикнул, обращаясь к третьему – тому парню с конюшни:

– Снова я! Покажи-ка свое приглашение.

Парень с конюшни кубарем скатился по лестнице. Мне даже почудилось, что он сметет с дороги своего приятеля Трейса, чтобы добраться до меня.

Размахивался он слишком долго – я успел увернуться, и его кулак врезался в стену с такой силой, что полетела штукатурка. Он заскулил, попятился, стал дуть на ушибленные костяшки. Трейс наконец очухался, бросил свой груз и кинулся бежать. Я прыгнул за ним, схватил за штанину... Дубина ты, Гаррет! Учили тебя учили, что и клерк от испуга озвереть может, а ты не послушал... Короче, старина Трейс засадил мне пяткой по физиономии. Я покатился по ступенькам, успешно зарабатывая новые синяки, будто мало было предыдущих, полученных в той самой конюшне.

Наконец падение прекратилось, и я кое-как встал. На глаза навернулись слезы. Пока я падал, Трейс не преминул улизнуть: как говорят в армии, предпринял стратегическое отступление.

Похоже, нам с этим Трейсом никогда не стать закадычными друзьями.

Я поднялся на площадку, и тут кто-то схватил меня за ногу, подобно тому как я минуту назад хватал Уэндовера. Я рухнул навзничь, прямо на неподвижное тело, и очутился лицом к лицу с похищенным. Должно быть, это Том Крикун:

с лица вылитый Тай Вейдер, только постарше и менее жизнерадостный.

Он дышит или нет?

Может... Нет, Гаррет, не сейчас. Тебя снова колошматят.

По правде сказать, меня не колошматили: просто кто-то лез по мне, как по лестнице. Это был Стоквелл, пришедший в себя и решивший под шумок смыться. Смекалистый малый! Я отпихнул его и сел, притворяясь, будто в состоянии защищаться.

Картер не успел сделать и двух шагов, как Аликс – вот же вредная девчонка! я ведь ее вниз отправил! – как Аликс примерилась и саданула ему по башке своей бальной туфелькой. Не ожидавший такого подвоха Стоквелл вторично погрузился в беспамятство.

– Спасибо, – пробормотал я. – Это же Том? И как ты здесь очутилась? Ты же должна быть внизу.

– Угу. – На второй вопрос она предпочла не отвечать. – Гаррет, что происходит? Кому мог понадобиться мой брат?

– Сам хотел бы знать. Давай свяжем этого клоуна, чтоб он снова никуда не испарился.

И надо искать остальных. И наплевать, что их двое или трое на меня одного. Все равно найду. Вот только не забыть бы, что тут наверняка не обошлось без колдовства...

– И чем мы его свяжем? – раздраженно спросила Аликс.

Она была права. Ох уж эти мне чистюли: прибирайтесь на здоровье, но надо же и о ближних позаботиться – нет чтоб

оставить хотя бы один моток веревки на вбитом в стену крюке!

– Ладно, принесу что-нибудь сверху. Если пошевелится, дай ему как следует.

Почему-то мистер Картер Стоквелл не вызывал у меня ни малейшего сочувствия.

Четвертый этаж встретил меня мертвой тишиной. Я шагал осторожно, почти крался. Шайке клерков не составит труда одолеть одинокого морского пехотинца, если тот позволит застать себя врасплох.

По счастью, ни я не сглупил, ни клерки не проявили энтузиазма. Их и след простыл. Этаж был пуст.

Я поднялся сюда впервые за много лет. Здесь обитали отпрыски папаши Вейдера и старшие слуги: у первых были апартаменты, у вторых – закутки... В коридор выходило множество дверей, одна из которых была распахнута настежь. Я приблизился, остановился, вслушиваясь. Да, с годами поневоле становишься осмотровительным...

Мне отчаянно доставало Морли Дотса. Я привык к тому, что во всяких переделках старина Морли прикрывает мою спину – а то и вперед лезет, когда на него находит. Хотя в последнее время Дотс изменился; если так и дальше пойдет, с него станет вообще порвать с «левыми» делишками и стать законопослушным карентийцем. По-моему, он был чересчур озабочен тем, что стареет...

Никто не прыгнул на меня, когда я метнулся в дверной

проем. Ау, плохиши! Небось сидят себе в укромном уголке, руки потирают да потешаются над бестолковым Гарретом, глотающим пыль на пустом этаже.

Это оказалась комната Тома. Обстановка скудная, на стене у двери висит смиренная рубашка и прочие приспособления на случай, если Том начнет бузить.

Дух в комнате был такой, что я чуть не подавился.

На месте папаши Вейдера я бы поместил Тома в более веселое окружение. Нарисовал бы на голых стенах картинки всякие – пастушков с пастушками, что ли, или зверюшек каких-нибудь. С другой стороны, чего особенно веселиться? Мир, в котором мы живем, – бесконечная череда скорбей и смертей... Я задержал дыхание и, пятась, выбрался в коридор, где воздух был относительно свежим.

В голове постепенно прояснялось. Это же надо, как заразно безумие, если оно пропитало всю комнату! Или наоборот – комната превратила Тома в того, кем он стал? Может, всему виной эта вонь?

В дальнем конце коридора, у парадной лестницы, мелькнул чей-то силуэт. Я успел заметить что-то красное – рукав платья или что-нибудь в том же роде. Хотел было побежать туда, но вдруг на меня навалилась чудовищная апатия: дышать и то приходилось через силу.

Короче, когда я таки добрался до парадной лестницы, на ней, разумеется, никого не было.

Что называется, по долгу службы я проверил остальные

помещения на этаже, но не нашел ничего сколько-нибудь интересного.

Где Аликс? Честно говоря, я был несколько удивлен, что она, с ее-то характером, до сих пор не путается у меня под ногами.

Апатия помаленьку проходила, и моя тревога за Аликс становилась все сильнее. В конце концов я решил сходить и посмотреть, где она.

Того, кто всегда ожидает худшего, редко подстерегает разочарование. Случаются, конечно, и приятные исключения...

Однако на сей раз все сложилось так, как и должно было сложиться.

Аликс без чувств распростерлась на полу. Кто-то тюкнул ее по макушке и удалился в неизвестном направлении. Мистер Картер Стоквелл вновь испарился. Тело Тома Вейдера также исчезло. Мало того, Аликс была полураздета. Нет, я все понимаю; покажите мне того, кто останется равнодушен к ее прелестям, но лестничная площадка все-таки не самое романтическое место в доме. Да и предаваться любовным утехам с девицей, которая ничего не воспринимает... Может, кому-то и нравится, но это не по мне.

– Эй, лапушка! – позвал я. – Просыпайся! Аликс! Хватит дурака валять!

Попробовать, что ли, тот способ, каким приводят в чувство героинь во всяких сказках? Нет, не стоит: на меня и без того слишком многие зуб имеют...

Аликс шевельнулась, застонала, попыталась сесть.

– Что стряслось? – спросил я, помогая ей выпрямиться.

– Разве не видно? Кто-то на меня напал. – Раздражение Аликс было вполне объяснимо. – Поднялся снизу и... Ты что, не слышал, как я кричала?

– Нет. – Я был совершенно искренен: будучи наверху, я не слышал ни единого звука.

– Так вот, я кричала. Громко-громко. А когда попыталась убежать, то споткнулась о Тома и получила по голове прежде, чем успела встать. – Тут она заметила, в каком состоянии ее одежда. – Это еще что такое? Сказал бы, я сама бы все скинула.

– Это не я. Бесчувственные девушки не в моем вкусе.

– Даже не знаю, то ли радоваться, то ли обижаться.

– Я вовсе не хотел тебя обижать. – Вечно женщины понимают меня неправильно. Наверное, они это делают нарочно.

– Так что? Я вполне пришла в себя...

– Звучит заманчиво, вот только времени в обрез. По дому шастают какие-то гнусные типы, и мы понятия не имеем, что им нужно. Что с Томом случилось, не знаешь?

– Нет. Думаю, они продолжили то, чем занимались, когда мы их прервали.

– Может быть. Вставай, поправь одежду. Я хочу потолковать с твоим отцом.

– Не оставляй меня здесь.

– Я и не собираюсь. Поэтому ты должна выглядеть прилично.

– Ах!

На мгновение она стала прежней шаловливой Аликс, но потом в ее взоре вновь мелькнул страх.

– Как по-твоему, что все это означает?

– Самого бы кто просветил. Я надеялся, что Стоквелл нам поможет...

– Стоквелл?

– Ну да, тот парень, которого ты стерегла. Я с ним уже встречался. Его зовут Картер Стоквелл.

– Как я выгляжу? Как будто мы только-только слезли с сеновала?

– Гм... Не совсем.

– Эх! – усмехнулась она. – Жаль... А то все подумали бы, что мне наконец повезло.

– Не забывай, что, когда б тебе и вправду повезло, я бы оказался по уши в дерьме.

– Я никому не скажу, – пообещала она. – Смотри не трепись сам. – И слегка подалась вперед.

Да, за последние годы Аликс сильно повзрослела. Однако на ее слова я бы не особенно полагался: по-моему, она была из тех девиц, которые обожают хвастаться своими победами.

Несмотря на все старания Аликс, вид у нее остался... скажем так... растрепанный, и, когда мы вошли в кабинет Вейдера, Белинда смерила нас суровым взглядом, на миг оторвавшись от дружеской беседы с Маренго Северная Англия. Судя по всему, они уже успели сойтись достаточно близко, тем паче что его племянницы нигде не было видно.

Сразу чувствуется деловая хватка. Улыбаться человеку, который, возможно, умышляет против тебя... Я бы так не смог.

– Гаррет! – пробасил Вейдер. – Очень кстати! Мы как раз о тебе говорили.

– Босс, у нас проблемы, – выпалил я. – Тома пытались похитить.

– Похитили, – поправила Аликс.

– Точно, похитили, – согласился я и быстренько выложил подробности, а потом спросил у Маренго: – Слыхали что-нибудь насчет этих «Черных драконов» или насчет их командира, полковника Нортон Вальсунга?

Маренго снизошел до ответа лишь потому, что был гостем дома, в котором ко мне относились с уважением. Повстречайся мы на улице, он бы меня и не заметил.

– Никогда не слышал ни о «драконах», ни о полковнике Вальсунге, молодой человек. Впрочем, в нашей армии было

много разных отрядов. Вдобавок организация у нас большая, за всеми не уследишь. Вполне возможно, этот полковник – если даже он состоит в рядах нашей организации – действовал без моего разрешения.

Ну и скользкий же ты тип, Маренго!

– Я тоже с ними не сталкивался. Правда, в Кантарде я, можно сказать, и не был – нас быстренько перебросили на острова.

Вейдер, умиленно взиравший на всех, кто был в кабинете, сказал:

– Гаррет, в ближайшие дни ко мне должны заглянуть наши генералы. Я их спрошу.

Что-то мне не нравится его спокойствие.

– Тебе как будто начхать на Тома, – брякнул я.

– Гаррет, посуди сам, в доме толпа гостей. Ну кто сумеет вынести тело и остаться незамеченным?

– Не знаю, не знаю. Смотри – они пробрались внутрь, у них был некий план, значит и пути отступления они должны были просчитать. Все коммандос-самоубийцы остались в Кантарде, Макс.

Вейдер повернулся к крепким ребятам, мямлившимся у дальней стены кабинета:

– Предупредите остальных, ребята. И скажите Гилби, чтоб зашел ко мне.

– И за Киттиджо приглядите, – вклинился я. – Лично я ее так и не нашел. Макс, тут явно не обошлось без колдовства.

Стоит на секунду отвести взгляд, как эти хмыри пропадают без следа.

Если принять мое предположение за истину, из него следовало, что «Черные драконы» Вальсунга неким образом связаны с Холмом. Только этого и не хватало для полного счастья!

– Все страньше и страньше, – проворчал Вейдер. – Но почему я? Кому я мог досадить? Колдунов знакомых у меня раз-два и обчелся, да и те, коль разозлятся, мелочиться не станут: раздавят, как жука, и вся недолга. А деньги вымогать, похищать кого-то – нет, это для них слишком мелко.

Он подошел к камину, в котором потрескивали дрова, и уставился на огонь. Потом поманил меня пальцем. Когда я подошел, он спросил шепотом:

– Мне опять достанется, да?

На мгновение Макс Вейдер, глава пивной империи, стал обыкновенным человеком, растерянным и напуганным.

– Постараюсь этого не допустить, босс, – пообещал я и сердито поглядел на Маренго.

Тот и бровью не повел. Эдакие взгляды были для него не в диковинку. Успел привыкнуть.

Аликс порывисто обняла отца:

– Не волнуйся, папочка, Гаррет все уладит.

Это она о ком? Лично мне тот Гаррет, который стоит перед папашей Вейдером, особого доверия не внушает.

Вейдер опустил в кресло и прикрыл рукой глаза. Нико-

гда не видел его таким... опустошенным, что ли. Впрочем, окажись я на его месте, еще неизвестно, как бы я себя повел...

– Насколько могу судить, – изрек Северная Англия, – вы не симпатизируете вольным сообществам, мистер Гаррет?

С ума сойти – великий Маренго изволил заговорить с мелкой сошкой!

– Ну почему же? – удивился я. – Очень даже симпатизирую. Цели у вас где-то даже благородные. Вот только публика собралась... гм... Глотки луженые, лишь бы хай поднять. Неужто, по-вашему, людям захочется, чтоб эти горлопаны ими управляли? И потом, уж извините, но большинству ваших молодчиков наплевать на всякие там права. Им бы захватить себе побольше, только и всего.

Маренго пристально поглядел на меня. Вид у него был такой, словно он раскрыл дорожную сумку и увидел там жирную змею.

– В любой организации, мистер Гаррет, даже в той, которая преследует самые возвышенные цели, обязательно найдутся фанатики и мародеры. Такова человеческая натура. Вот если бы все участники движения были столь же рассудительны и спокойны, как вы...

Куда это он клонит?

– На вашем месте я бы проследил, чтоб рассудительные герои приглядывали за особо буйными, а то вы двоих человек привлекаете, а десяток отталкиваете своими выходками.

Глаза Маренго сузились. Мелкая сошка осмелилась учить его жизни! Я уверен, в глубине души он наверняка одобрял все фортели своих субчиков.

Если и дальше так пойдет, мы с ним быстро друг друга на чистую воду выведем.

Мне самому Маренго был даром не нужен, но Макс Вейдер считал его своим другом, а Шустер просил меня проникнуть в его движение...

– Прошу прощения за резкость. Просто я еще не успел отойти от встречи с вашими фанатиками пару дней назад.

– Я слышал об этом. – Маренго овладел собой, и лицо его вновь стало бесстрастной маской. – Мы стараемся избавиться от подобных людей. Вот, кстати, почему в Танфере сейчас столько мелких групп – они откололись от «Зова», то есть их выгнали. Эти люди – все равно что сорняки, и мы их постепенно выпалываем.

Северная Англия, похоже, и не заметил, что ненароком признал принадлежность «Черных драконов» к возглавляемому им «Зову», а я не стал ему о том сообщать, чтобы не усугублять ситуацию. Шустеру не понравится, если я не сумею оказаться в вольных сообществах из-за собственной несдержанности.

– Прошу прощения, – повторил я. – Не со зла, сами понимаете... Просто я работаю на мистера Вейдера, а сегодня у нас тяжелый денек.

– Все в порядке, мистер Гаррет. Загляните ко мне, когда

вас ничто не будет тяготить. «Зов» заинтересован в таких людях, как вы, в тех, кто побывал на юге, видел войну своими глазами, совершал подвиги на поле брани, а когда вернулся, столкнулся с черствостью, неблагодарностью и открытым равнодушием. Люди вернулись и обнаружили, что их жизнями теперь заправляют те, кто и пальцем не шевельнул ради победы... О, извините, пожалуйста! Когда рядом нет племянницы – она меня останавливает, – я могу говорить часами. К сожалению, разговоры далеко не всегда помогают обрести новых друзей.

Маренго Северная Англия – один из богатейших людей Танфера и всей Каренты. Говорят, он чуть ли не купается в золоте. На кой, интересно, ему сдалось движение городских низов? Уж таким, как он, без работы остаться точно не грозит. Они все равно ни дня в своей жизни не работали.

– Гаррет!

– Да, мистер Вейдер?

– Время идет.

– Слушаюсь, сэр.

Заболтался! До чего дошло – Макс Вейдер велит Гаррету не языком чесать, а делом заниматься!

Я был сбит с толку. От меня требовали действий, а я знать не знал, что предпринять. Между тем гости прибывали и прибывали, так что отыскать злоумышленников с каждой минутой становилось все труднее. Не будешь же хватать каждого, на ком жилетка официанта. И потом, если у них достало ума до сих пор не попасться, значит они сменили маскировку. Наряд официантов потребовался лишь для того, чтобы «на законных основаниях» проникнуть в дом.

Мне в голову вдруг пришла ужасная мысль. Точнее, жуткое воспоминание. Картер с Трейсом были в моем доме, находились всего в какой-нибудь дюжине ярдов от Покойника, и он не учуял в них и намека на злодейство!

Следом за этой мыслью прискакала вторая, не менее ужасная. Простучала копытцами – я отчетливо расслышал их цокот. И мысль была такая: эти ребята слишком уж хорошо знали внутреннее устройство вейдеровского дома...

– Что будем делать? – спросила Аликс, глядя из-за моего плеча на толпу гостей у подножия лестницы.

– Хороший вопрос. Для начала подыщем тебе безопасное местечко. Вдруг они покусятся на тебя или на Киттиджо? Или даже на Тая?

Напоминаю: Тай бегать не может, а из Ланса телохранитель так себе.

- С тобой, Гаррет, я буду в полной безопасности.
- Не могу сказать того же про себя.
- Гаррет! Я ведь и обидеться могу!
- Вон Гилби. Идем к нему.

Манвил Гилби выглядел замученным. Гости прибывали пачками, Дженорд – осипнет, бедняга, как пить дать осипнет! – не переставая выкрикивал имена; за всеми было не уследить даже при огромном желании.

– Ну что еще? – буркнул Гилби.

– Тома похитили. Их было трое, возможно, четверо. Поднялись по черной лестнице, там мы с ними и столкнулись. Том был жив, но без сознания. И Киттиджо я найти не смог.

– Минуту назад она спустилась по парадной лестнице. Обознаться было трудновато: своим платьем она всех затмила... Брр! Очередной желающий лично побеседовать с Максом. – Гилби приветствовал высокого, подтянутого старика, в котором я с некоторым запозданием узнал отставного генерала кавалерии. – Надо предупредить ребят у двери.

– Макс уже распорядился.

– Все равно напомню; от них не убудет. А ты смотри в оба. Злодеи должны быть где-то здесь.

– Слушаюсь, босс. – Я состроил гримасу, но Гилби уже отвернулся.

Генерал – прямой, как древко копья, – оглядел меня с таким видом, будто силился вспомнить день нашего знакомства. Должно быть, он с кем-то меня перепутал.

Я направился в комнаты obsługi. Аликс не отставала от меня ни на шаг.

Ко мне подскочил Грессер:

– Что прикажете делать? У меня теперь людей не хватает!..

– Неужто еще кто-нибудь сбежал?

Его щеки порозовели.

– Вас, кажется, Гарретом зовут?

– С утра точно звали, а что?

– Гаррет, я не собираюсь снова извиняться за свои промахи. Если у вас есть что обсудить, давайте обсудим. Если нет, извольте не мешаться под ногами.

– Понял, учту. Вот задачка: кто-то похитил Тома Вейдера – не знаю уж зачем, да это и не важно. Сейчас важно другое – изловить похитителей. Как, по-вашему, они могли выбраться из дома?

Честно говоря, на толковый ответ я не рассчитывал. Старый циник Гаррет не привык находить поддержку у ближних.

– Может, воспользовались доставочным фургоном?

– Чем-чем?

– Часть угощения – торты и прочие сладости – заказывалась на стороне и доставлялась в фургонах. Эти фургоны стоят на заднем дворе. Их разгружают по мере необходимости...

– Мистер Грессер, беру обратно все нелестные высказы-

вания в ваш адрес. Я замолвлю за вас словечко перед мистером Вейдером.

– Спасибо. Но как мне быть с нехваткой рук?

– Не знаю. Погодите, коли рук не хватает, есть еще ноги и зубы. Во всяком случае...

Аликс дернула меня за рукав:

– Гаррет, ты треплешься, а Тома, быть может, как раз увозят!

Я позволил себя увести.

– Мне показалось, тебя нужно выручать, – заметила де-вушка.

– Ну...

– Иногда полезно быть грубым.

– Моя матушка учила меня, что хорошие манеры – прежде всего.

– Сюда.

У Аликс явно было иное представление о хороших манерах.

Насколько я мог судить, мы двигались кружным путем. В отдалении мелькнула Тинни; должно быть, Аликс углядела ее раньше моего, потому и направилась в обход. Улучив момент, когда Аликс отвернулась, я помахал Тинни. Она махнула в ответ. Мало того, я удостоился взмаха руки и поощрительной улыбки от миловидной дамы в возрасте; похоже, она была вне себя от счастья из-за того, что привлекла внимание столь симпатичного кавалера.

Конечно, быть грубым и вправду иногда полезно, но я иначе воспитан. Вдобавок как тут будешь грубым, когда рядом с тобой красивая женщина?

– Я думала, ты беспокоишься за Тома, – дружески упрекнула Аликс.

Очень дружески, очень ласково... Моя знаменитая стойкость благополучно трещала по швам, мое удивительное хладнокровие и нечувствительность к душевным мукам подбирались к крайнему пределу. Если я не унесу ноги из этой пустынной подсобки, мне грозит стать ближайшим другом Аликс Вейдер.

В подсобке было пыльно – не прибирались в ней, вероятно, как минимум несколько лет. Я чихнул. Аликс последовала моему примеру. Пошатываясь, я вывалился в коридор. Тут, откуда-то с задворок, появилась Тинни.

– А, вот вы где! Я уж решила, что вы заблудились.

– Мы ищем Тома, – объяснила Аликс у меня из-за спины, ничуть не смущенная появлением подруги. По ее тону нельзя было и заподозрить, что она пыталась учинить со мной лишь мгновение назад. – Его похитили прямо из комнаты. Гаррет сумел задержать похитителей, но они ускользнули и прихватили Тома с собой. Манвил утверждает, что они не могли выбраться из дома, потому мы и осматриваем все помещения. А мистер Грессер считает, что...

Одурочить Тинни не так-то просто. Взглядом она посулила мне допрос с пристрастием, а вслух спросила:

– Кому мог понадобиться твой брат?

Аликс пожала плечами – и вновь обернулась этакой робкой, наивной девочкой, будто натянула на себя маску. Удивительная способность к притворству! Старина Макс убежден, что держит дочь в строгости, но, по-моему, он сильно заблуждается.

Уж насчет Киттиджо он точно заблуждался. Во-первых, Киттиджо была решительнее своей младшей сестры. А во-вторых, в те дни нас меньше отвлекали...

Честно говоря, я не рвался возобновлять знакомство. На мой вкус, Киттиджо чересчур... гм... возбуждима. Она из тех коварных истеричек, которые поначалу успешно скрывают свою истерию, зато потом дают себе волю...

– Возможно, Грессер прав, – сказал я. – Сами видите, тут столько пыли, непременно должны были остаться хоть какие-то следы. Но следов нет и в помине.

– Надо обыскать все помещения, – заявила Аликс тоном, не терпящим возражений.

Я подошел к двери черного хода – именно через нее вошла Тинни, – открыл дверь и выглянул наружу.

– Эй, Рыжик, ты никого не заметила?

– Я видела то же, что и ты сейчас.

То есть двух поварят, таскавших подносы с пирожками. И фургоны...

– Пойдем поглядим.

Аликс вскинула головку:

– Я не собираюсь пачкать новые туфли в навозе.

Пару минут назад она готова была запачкать чем угодно свое новое платье... Я хмыкнул. Разумеется, это совсем другое дело.

– Почему бы тебе не вернуться в залу, Аликс? – предложила Тинни. – Таю наверняка тяжело принимать гостей одному. А Никс не в настроении.

Аликс не хотела веселиться. Аликс вообще ничего не хотела. Нет, ей определенно не мешает еще чуточку повзрослеть. Впрочем, этого она тоже не хотела.

Оставив девушек мило щебетать, я вышел на двор.

Пять фургонов. Два я отмел сразу – с них сняли колеса и выпрягли лошадей. Оставалось три; может статься, один из них был тот самый...

Все грязные, покосившиеся, обшарпанные. Правда, не те нынче времена, чтоб разъезжать в новых фургонах. Сейчас вообще ничего нового не появляется. Последний новый дом на моей памяти построили до того, как я ушел на фронт. Или даже раньше.

Короче, сегодня наш девиз: «Береги, что имеешь, и не рыпайся».

Я оглядел лошадей, запряженных в постромки. Лошади – самые хитрые твари на всем белом свете! Скольких простаков они одурачили! Не исключено, что животное преступников такая же злодейская, как они сами, и ее можно отличить от прочих...

Одна лошадь крепко спала, другая засыпала. А вот третья искоса поглядывала на меня из-под ресниц, выказывая нездоровый интерес к моей персоне. Точнее, третий: это был мерин, которому, похоже, не терпелось отомстить мне – и всему человечеству в моем лице – за свое унижение. Я старался не подходить близко, но на какой-то миг забылся – и едва успел увернуться. Клацнули зубы, и я остался без пуговиц на левом рукаве.

– Ты и есть, – пробормотал я. – С такими зубами только урок возить.

Кстати, мерина стреножили, а это говорило о многом: выючных лошадей, как правило, не стреноживают – тем паче в городе.

Я обошел гнусную животину и встал перед фургоном. Мерин оскалил зубы в презрительной усмешке.

– Слушай, коняга, почему бы тебе тоже не вздремнуть?

Мерин вновь усмехнулся, наглядно выказав свое отношение к моему предложению в частности и моим умственным способностям в целом.

Фургон представлял собой деревянный мост со складным тентом. Разумеется, тент был поднят. Крепился он деревянным колышком на кожаном ремне. Я подергал колышек, взялся за ремень, потянул...

Кто-то звезданул меня по черепу мешком с конскими подковами. Я плавно опустился наземь, будто гонимый ветром осенний лист. Как ударился о землю – то бишь о плиты, ко-

торами был вымощен двор, – уже не запомнил.

Я застонал и осторожно приоткрыл один глаз. Неужто утро, будь оно проклято? И опять с похмелья... Ну сколько можно, Гаррет?

В поле моего зрения вплыл ангел. Точнее, ангелица. И что-то прошептала. Я не разобрал слов, но этого и не требовалось: мы с этим ангелочком вволю порезвимся, дайте мне только вдохнуть полной грудью.

Должно быть, я умер и попал на небеса. Так внушала мне матушка: все достойные люди после смерти попадают на небеса.

Ангелица продолжала говорить. Вдруг у меня в мозгу словно что-то щелкнуло, и я услышал, о чем вещает небесное видение:

– Хватит пудрить мне мозги, Гаррет. Я слишком давно тебя знаю.

– Ой... Обманули, значит. Я всегда думал, что вы, демоницы, такие – рыженькие, пухленькие... Или пухленькие и рыженькие...

– Лесть тебе не поможет.

– Как знать, как знать.

Я провел рукой по волосам – и нащупал солидную шишку.

– Чем это меня долбанули? Птичка место для посадки искала?

Если это была моя птичка, с нее вполне станется.

– Понятия не имею. Когда я наконец уговорила Аликс пойти за тобой, мы вышли во двор и увидели, что ты лежишь на земле, а какой-то тип собирается снова тебя ударить. Мы закричали, из кухни выскочили слуги, и он убежал.

– А фургон?

– Какой фургон?

– Который тут стоял. Я как раз собирался в него заглянуть, когда меня огрели...

Конечно, нелепо ожидать, что она заметила именно тот фургон.

– Сдается мне, мы влипли по уши.

Кое-как поднявшись, я подковылял к воротам и растолкал сонного охранника. Здоровенный детина, сплошные мышцы – и ни единой извилины. Такой никого мимо себя не пропустит, что вы, сэр.

– За последние пять минут фургоны выезжали?

Он уставился на меня из-под могучих, как скалы, надбровных дуг. Бровей у него, как ни удивительно, не было и в помине.

– А ты кто такой? – буркнул он, явно недовольный тем, что его разбудили.

– Гаррет. Шеф службы безопасности на пивоварне.

Ну и что, что неправда? Для пользы дела же.

– А, слышали. Ну да, Робин-Боббин укатил. Круто?

– Что круто?

– Да имечко. Как в стишках. И запомнить легко.

– Понял. Да, круто. Клево. Отпад. Следующий вопрос: почему ты его выпустил? Или не знаешь, что в дом забрались грабители и мы их ловим?

– Не-а. – Охранник покрутил головой. – Я никого не видал, как на пост заступил, кроме возницы Робинова. Остальные все внутри были.

– Йех! – пробормотал я, без особого, впрочем, чувства. – Ладно. Смотри больше никого не выпускай без моего разрешения. Усек? Сколько народу было в том фургоне?

– Я ж говорю, один возница. – Охранник начал злиться. Лихо у них получилось, ничего не скажешь. Фьюить – и ищи свищи.

Я повернулся, собираясь уйти.

Тинни подхватила меня под руку, заглянула мне в самое сердце своими огромными глазищами.

– Какой вы настойчивый, мистер Гаррет, – промурлыкала она.

В свете факелов ее зубки отливали алым.

– Я озабоченный. Мало мне, что ли, было швов на башке? Придется шлем носить. Выберу офицерский, с шишаком. По сходной цене сторгую и буду таскать.

– Тогда тебе ногу сломают. Или руку.

– Дорогуша, твоими устами мед бы пить.

– Стараюсь, Гаррет. На твоем месте я бы сменила род занятий. Нельзя же всю жизнь тратить на тех, кто только и

ждет, чтоб нанести тебе увечье.

– Гм... Пойду-ка снова к старику загляну. В том фургоне могли увезти Тома.

Кажется, Тинни рассердилась. Ну и субчик этот Гаррет, так и норовит разговор на пустяки свести!

Есть вещи, которым научиться невозможно, сколько ни зубри.

Я ворвался в кабинет Вейдера, совершенно не подумав о том, что там меня не ждут. До сих пор мне ни разу не приходилось оправдываться за свои визиты.

А тут... Меня встретила мертвая тишина, вроде той, какая бывает после раската грома. На наглеца – это я про себя – устремилась дюжина взоров. Маренго Северная Англия заткнулся на полуслове.

В кабинете Вейдера собрались на совет главари всех танферских придурков. Точнее, всех придурков, радеющих за права человека. Демократов и апологетов теории круглой земли я не заметил.

Чуть позади Маренго, по правую руку от него, сидела Белинда Контагю. Отблески пламени из камина падали на ее лицо, придавая ему бесовское выражение. Белинду явно побаивались – даже законченный псих Бондурент Алтуна хранил почтительное молчание.

Когда не видел этого собственными глазами, трудно поверить, что столь молодая и привлекательная особа может внушать такой трепет. Но никто из тех, кто присутствовал на этом собрании, не сомневался в ее... э... криминальных талантах.

– Где Макс? – справился я, проигнорировав осуждение во взглядах. – Мне он срочно нужен.

Конечно, я мог бы обойтись и без него. Но ведь это его сын попал в беду, так что он должен знать, что да как.

Маренго покачал головой: дескать, ну и нахал – и с отеческой улыбочкой ответил:

– Макс вышел переговорить с Манвиллом. Господа, перед вами тот самый Гаррет, которого рекомендовала мисс Контагью. Мистер Гаррет, не присоединитесь ли к нам, раз вы все равно зашли? Я уверен, Макс скоро вернется.

Выдержав короткий спор с самим собой, я решил, что должен узнать, о чем они сговариваются. Тем более что фургон догонять уже бессмысленно – он мог укатить куда угодно.

Приняв решение, я позволил себе оглядеться и изучить честную компанию, продолжавшую сверлить меня взглядами. Сливки полусвета, чтоб им пусто было! Никого из них нельзя было заподозрить в нечистокровности. Те, кто не мог похвастаться богатством – например, Арнес Мингл и Бондурант Алтуна, – вносили свой вклад в их общее дело шайками бравых молодцев. Цинику Гаррету, естественно, подумалось, что «Зов» создавали с целью перераспределить богатство и власть от нелюдей к этой кучке людей.

– Гаррет, – сказал Маренго, – мы с этими distinguished-господами расходимся во мнениях по поводу частных, но идеология у нас общая. И поскольку все здесь, мы сочли полезным обсудить случившееся сегодня в доме Макса.

– А я тут при чем?

– Мы выяснили, что никто из нас не причастен к попыт-

кам... э... оказать давление на Вейдера. Макс не разделяет наших воззрений, однако все мы считаем его своим другом.

Прежде чем я успел стереть с лица ухмылку, Маренго продолжил:

– Чуть ранее вы заметили, что наши организации сильно разрослись, поэтому мы можем не знать о происходящем «в низах». Совершенно справедливо. Но повторяю – никто из нас не злоумышлял против Макса.

Белинда засвидетельствовала правоту его слов легким кивком.

– Вы говорили, что вымогатели именовали себя «Черными драконами» Вальсунга.

Это был не вопрос, и отвечать я не стал.

– Никто из нас не слышал о вольном сообществе с таким названием, равно как и о полковнике Нортоне Вальсунге. Мы договорились немедленно начать собственное расследование. Эти «Черные драконы» могут сильно повредить нашему движению.

– «Черные драконы» существуют, – проговорил я бесстрастно. – Некоторые из них и по сию минуту находятся в этом доме. Я пришел сообщить Максу, что они похитили его сына Тома.

Послышались шепотки. Я уловил слова «чокнутый» и «сумасшедший». Что ж, о Томе Вейдере известно многим.

Выждав, пока шепотки стихнут, я поведал почтенному соборищу о своей стычке с Уэндовером, Стоквеллом и пар-

нем с конюшни, причем постарался не выказывать антипатии к философии человеколюбцев.

В этот миг дверь распахнулась, снизу донеслись возгласы и смех – праздник был в разгаре. В комнату влетел Вейдер, сопровождаемый охранником.

– Гаррет! Где тебя носит?! Мы нашли Тома!

– Откуда вы узнали, босс?

– Аликс рассказала. С ним все в порядке. Он бродит по кухне и всем мешает.

Макс прямо-таки лучился от радости.

Я нахмурился. Что-то здесь было не так.

Вообще-то, в этом деле с самого начала что-то было не так. Но вот что именно?

– А с Таем и Киттиджо тоже все нормально?

– Тай командует парадом. А Киттиджо я не видел. Она шныряет по дому, как завзятый коммандос. Только отвернулся, глядь – ее уже нету.

За что же тогда меня шарахнули по темечку?

В дверном проеме появился Гилби. Он привел с собой Тома Вейдера, за которым следовала Тинни.

– Сделано, Макс, – сообщил Гилби. – Я отведу его наверх, а там Люк покараулит.

Минуточку, минуточку...

– Эй! – воскликнул я. – Когда он успел переодеться?

Все недоуменно вытаращились на меня.

– Полчаса назад на нем была другая одежда.

Том поглядел на меня исподлобья. Это было столь неожиданно – чтоб он вообще кого-то заметил, – что я не понял, вправду ли все случилось. Наверное, почудилось.

– Ты уверен?

– На все сто.

И Аликс подтвердить может.

– Я разберусь, – сказал Гилби. – Идем наверх.

Я двинулся за ними, собираясь по новой осмотреть дом. Но этому намерению не суждено было осуществиться.

– Мистер Гаррет, – окликнул меня Маренго, – соблаговолите задержаться.

Как я мог отказать человеку, который привык повелевать?

Я неохотно закрыл дверь за Максом. Вейдер на прощание одарил меня многозначительным взглядом. Спасибо, босс. Я обернулся к мятежным баронам: они глядели на меня так, будто ожидали, что Гаррет сейчас окутается зеленым пламенем. Я же смотрел на них, предполагая, что кто-нибудь вот-вот отмочит полную несуразицу.

Наконец Маренго Северная Англия изрек:

– Макс утверждает, что вы специалист своего дела.

– Стараюсь.

– Еще он утверждает, что вы симпатизируете нашим целям.

– Кажется, я вам сам об этом сказал. – Я слегка наклонил голову: мол, извините за резкий тон.

– Тогда почему же вы не вступили ни в одно из вольных сообществ?

– Не в моем характере куда-то записываться. Разве что в морскую пехоту... И потом, мне выбирать не предлагали. А когда у меня нет выбора, я гордо ухожу. В нашем деле иначе нельзя, если сам себе хозяином остаться хочешь.

– Вот именно.

– Чего?

С парнями вроде Маренго иногда стоит сыграть в дурачка: они начинают тебя недооценивать.

Впрочем, этот фокус не прошел.

– Вы идеально подходите для того, чтобы разузнать как можно больше о «Черных драконах».

Почему бы нет? Я и так уже работаю на всех, кроме принца Венагеты. Может, сойду с «Черными драконами», внушу Стоквеллу с Уэндовером, что раскаиваюсь в прежних грехах, и попрошу зачислить меня в ряды и приставить к парню по имени Гаррет – мне он сильно не нравится. Знавал я одного шустрика, Шнырь Пиготта его звали, который столь часто менял личины и служил стольким хозяевам одновременно, что однажды его послали следить за самим собой.

– Гаррет!

– А? Ах да! Звучит заманчиво, осталось финансы обговорить. У меня к этим ребятам свои счета.

Я погладил макушку. Что-то слишком часто в последнее время ей достается.

– Финансы?

– Естественно. Даже идеалисты нуждаются в прокорме, чтоб ноги не протянуть.

Маренго нахмурился. Давай, скряга, раскошеливайся.

– Заплатите ему, и пускай валит отсюда, – вмешался Бондурант Алтуна. – Мы, значит, короля обдираем, выкуп серебром...

– Вы правы, Гаррет! – воскликнул Маренго, перебивая не в меру болтливого Алтуну. – С моей стороны даже как-то неприлично спорить из-за нескольких медяков.

Он достал из-под куртки кошелек и кинул мне.

Я ловко поймал кошелек на лету. Медяки, говоришь? Поглядим, что за медяки. Я сунул кошелек в карман жилета.

Маренго сдавленно пискнул. Попка-Дурак восхитился бы его произношением. Остальные заулыбались, – похоже, близких друзей в этом скопище пауков у Маренго не было.

Он совладал с собой и снова обрел голос:

– Я полагал, вы возьмете столько, сколько нужно, чтобы возместить ваши расходы.

– Какая жалость!

Я раскрыл кошелек. Усмешки собравшихся стали шире.

Настала моя очередь выпучить глаза. Нет, я догадывался, что у всякого богатея при себе всегда найдется монетка-другая серебром на случай непредвиденных трат, но чтобы кошелек был доверху набит серебряными монетами! Вдобавок среди них попадались и золотые! Я быстренько произвел подсчет: гонорар за десять дней, накладные расходы, все умножить на три, не забыть о скидке для важных клиентов (понимаю, что давать скидку – дурная привычка, но никак не могу от нее отделаться). Маренго не видел, сколько денег я в конце концов взял, но пока кошелек был у меня в руках, он переминался с ноги на ногу, как малыш, которому припичило пи-пи. Несмотря на победу в Кантарде, серебро по-прежнему в цене.

Остальные воротились переговаривались между собою, почти не понижая голоса. Заключались пари, станет ли Север-

ная Англия пересчитывать сумму.

Поразмыслив, я извлек еще пару-тройку монет на непредвиденные траты – скажем, на одну мою рыжеволосую знакомую; потом вернул кошелек хозяину. Все пристально наблюдали за Маренго, надеясь, что он раскроет кошелек, возобновит знакомство с уцелевшими монетками и оплатит перешедшие к Гаррету. Однако Маренго совладал с искушением.

– Я предупрежу своего дворецкого, мистер Гаррет. Он пропустит вас ко мне в любое время суток.

Мимолетный взгляд в сторону убедил меня, что найдется немало «друзей» Маренго, согласных заплатить энную сумму, если я сначала принесу новости им, а уж потом человеку, который меня только что нанял.

– Пока все, мистер Гаррет, – сказал Маренго.

Бедняга так испереживался, что не нашел в себе сил дать мне особые инструкции. Не уточнил, куда не заглядывать и во что не влезать. Вот и славненько, вот бы и дальше так было.

Просто здорово.

Я вышел из кабинета.

В коридоре меня поджидал Вейдер со своим телохранителем.

– Что они там затевают? – спросил Макс.

– Тебе лучше знать. Это твои друзья.

– Далеко не все. Маренго, Клайв, Фоди, Слинк... Они устроили эту встречу и настояли, чтобы я пригласил осталь-

ных. Даже часть расходов возместили. Им требовалось место, где их совет не привлёк бы внимания. Я не стал отказываться. А вдруг мне когда-нибудь понадобится их помощь?

– Услугу за услугу... Понятно.

– Совершенно верно. – Макс кивнул на Тинни, что мялась у дальней стены. – Ступай. Со мной все в порядке, а тебе не мешает развеяться.

– Спасибо, босс.

Я направился к Тинни. Но развеяться мне было не суждено.

Стоит мне влить в себя две-три кружки «Вейдеровского темного», как я превращаюсь в охотника до танцулек. Все девушки мои, я со всеми танцую и всех огорчаю. Разумеется, Тинни имела преимущество перед остальными, но и она недовольно фыркала, когда я приглашал на танец Аликс, Никс или Киттиджо (с нею я отважился всего на один круг). Я раздухарился настолько, что протанцевал даже с матроной, строившей мне глазки в начале вечера. Она назвалась мадам Тинстолл. Это имя было мне незнакомо. Для женщины ее возраста у мадам Тинстолл оказались замечательно стройные ножки, которые она, естественно, не преминула мне продемонстрировать.

Тинни фыркала, Аликс шипела, Никс была слишком дружелюбна для девушки, чью сегодняшнюю помолвку отмечали гости; впрочем, о помолвке мы с ней во время танца и не заговаривали. Киттиджо, этакая потрепанная жизнью Аликс, вообще помалкивала, не выказывая желания ударяться в воспоминания. Зато мадам Тинстолл говорила не умолкая; у меня сложилось впечатление, что она отнюдь не прочь сунуть Гаррета под мышку и отнести к себе домой. Что подумает об этом ее муж, я уточнять не стал.

В перерывах между танцами я утолял жажду, отдавая предпочтение напиткам с маркой моего босса. Гаррет – он

такой: уж если верен, то во всем.

Интересно, куда подевался Попка-Дурак?

– Что случилось? – спросила Тинни, заметив выражение моего лица.

– Сам себя не узнаю. Вдруг озаботился судьбой той пернатой скотины, которую мне приходится содержать. Ты его видела?

– Угу. На твоём месте я бы не стала его искать. – Она лукаво усмехнулась.

– Почему?

– Его выкинули из дома. Твое счастье, что никто не вспомнил, кто его принес.

– Поделом. Надеюсь, совы его сожрут. Он давно напрашивался.

Мажордом Макса, Джеррис Дженорд, уже изрядно охрипший, неожиданно двинулся в нашу сторону. По пути он обогнул Аликс и Киттиджо. Аликс глядела на старшую сестрицу с плохо скрываемой ненавистью; Киттиджо словно не замечала этого взгляда – она явно витала в облаках.

Дженорд протянул мне сложенный вчетверо, изрядно потрепанный клочок бумаги.

– Просили передать, – просипел он. – Сказали, дело очень важное.

Тинни нахмурилась, предчувствуя новые неприятности. Неужто она научилась читать мысли? Ну вот, только я расслабился. Впрочем, мне всегда везет.

– Спасибо, Джеррис.

Записка гласила: «Надо повидаться. Сейчас. Р.». Почерк крупный, почти детский.

«Р»? Что еще за «Р»? Кто может знать, где меня искать? Шустер, больше некому. Как тут не заподозрить новую беду?

– И что? – справилась Тинни. Видно, мои мысли она читать пока не умела.

– Пойду посмотрю.

– Прямо сейчас?

– Так точно.

Я не сомневался, что дело и вправду важное: Шустер не стал бы отвлекать меня из-за пустяков.

– А как же твоя подружка?

– Что? А... Я скоро. И вовсе она мне не подружка, Тинни.

– Неужели? То-то она на тебя так смотрела, когда ты не видел. Будто сожрать хотела.

– То есть как я на тебя смотрю, даже когда ты видишь?

Призрак улыбки мелькнул на ее губках.

– Низкий льстец! Хватит ко мне подлизываться. Я объясню ей, куда ты слинял.

– Чего-чего?

– Я же тебя знаю, Гаррет. Ты уйдешь на пять минут, а сам либо получишь по голове и отрубишься, либо засмотришься на что-нибудь этакое и забудешь про все на свете, либо встретишь незнакомую красотку и побежишь за ней, виляя хвостиком...

– Женщина, ты меня оскорбляешь! Теперь, когда ты вновь признала мое существование, как я могу бросить тебя хотя бы на пять минут?

– Гаррет, на мне новые туфельки. Сшитые по особому заказу. Я их нарочно надела, чтоб в твоём вранье ноги не замочить.

– Очень симпатичные туфельки, и цвет у них такой приятный, зелёный, под стать твоим глазкам.

Может, послать подальше и Шустера, и его срочное дело? В конце концов, мне велено развлекаться.

Вынырнув из глаз Тинни, я твердо решил, что никуда не пойду. Не полный же я идиот, в самом деле?

Ее улыбка увяла.

– Ступай, Гаррет. Выясни, что там стряслось, и немедленно возвращайся. Если все будет в порядке, может, мистер Вейдер не заставит тебя торчать здесь всю ночь.

Ого! Звучало весьма многообещающе.

Пританцовывая, я двинулся к выходу.

– Мистер Гаррет! Мистер Гаррет!

– Да, мистер Грессер!

– У меня еще двое пропали! Что мне делать? Я не могу один со всем справиться!

А я могу? Позвал бы Гилби с Дженордом; они всяко легче на ногу.

– Грессер, меня позвали ловить грабителей и прочих злодеев, а не беглых официантов. Обслуживать гостей мистера

Вейдера мне никто не поручал. Вы же дока в своем деле. Вам и карты в руки. А лучше поднос.

Я оставил его стоять с раскрытым ртом.

У самых дверей меня настигла Аликс.

– Ты куда, Гаррет?

Она подошла почти вплотную и улыбнулась так зазывно, что я чуть не откусил себе язык, чтоб не наброситься на нее прямо тут. Ну почему меня морят голодом, когда я на что-то способен, а когда времени нет, пытаются накормить?

– Получил важное послание, детка. Отлучусь на пару минут и сразу вернусь. – Я оглянулся, высматривая Тинни, но не сумел различить ее в толпе.

Зато увидел Киттиджо, наблюдавшую за мной из укромного местечка у стены. Она выглядела обеспокоенной и явно не рвалась вернуть юные годы, проведенные вместе. Может, хоть она растолкует сестрице, что со мной не стоит связываться?

Я подмигнул Аликс и шагнул к дверям.

У Морли Дотса есть правило, которым он охотно делится с друзьями: поддавайся искушению, когда только можешь, ибо всякое искушение может быть последним в твоей жизни. Лично я не готов подписаться под этим правилом. Поддаться означает, по-моему, приблизить тот пресловутый последний раз. Но когда меня искушают блондинки, брюнетки или рыженькие, я не могу устоять.

Есть и другое правило, не менее полезное: никогда не свя-

зывается с женщиной безумнее тебя самого. Проблема в том, что женщины умело скрывают свое безумие, и его не распознать, пока не окажется слишком поздно. Наглядный пример – Киттиджо.

За моей спиной Джеррис Дженорд сипло провозгласил начало церемонии. Наконец-то Никс и Таю предстояло во всеуслышание объявить о своей помолвке.

Я перебросился парой слов с охранниками у дверей, предупредил, что скоро вернусь, и вышел на улицу, высматривая Попку-Дурака – и того, кому я вдруг понадобился. Вряд ли Шустер пожаловал собственной персоной. Он предпочитает держаться в тени... И в этот миг из тени у стены дома вынырнул знакомый силуэт. Я даже вздрогнул от неожиданности.

– Уф! Напугал, однако.

– Извини, – ухмыльнулся Шустер. – И за то, что вечеринку прервал, тоже извини. Я решил, тебе будет полезно на это взглянуть.

– На что? И каким ветром тебя сюда занесло?

– Я здесь потому, что в доме Вейдера собрались все интересные меня особы. Случай уникальный, им нельзя было пренебречь. Я должен увидеть все собственными глазами.

Интересно, а внутри есть люди Шустера? Я не стал ломать голову и задал этот вопрос вслух. Ответом мне было молчание, лишь подтвердившее мои подозрения. Вполне возможно, в команде Грессера не только злодеи, но и агенты тайной полиции. Бедный мистер Грессер!

– Тихо сегодня, – заметил я.

По правде сказать, тишина настораживала. У нас в Танфере есть примета: если на улице тихо, жди неприятностей.

– Да уж.

Дальше мы шли в молчании.

Впереди мелькнул алый блик. Факел. Ни воплей, ни каких иных звуков, обычно сопровождающих митинги и драки, слышно не было.

Мы дошли до угла. Свернули. И уткнулись в пропавший фургон. Точно, он самый. А вот и мой старый знакомый, злобный мерин с клыками как у тигра...

Фургон охраняли четверо. Трое держали в руках факелы, четвертый нацелил копьё в спину человеку, лежавшему лицом вниз на мостовой. На двоих факельщиках были ливреи. И как им удалось выскользнуть незамеченными?.. Ба! Вот на кого жаловался Грессер! Но охранники у дверей их и словом не помянули... Люди Шустера? Разумеется. Из чего следует, что он рассовал своих людей повсюду. Жаль, что нет возможности поручить им сделать за меня мою работу.

Тент был откинут именно с той стороны, с какой я подобрался к фургону, когда меня огрели по макушке. Или уронили мне на голову кусочек неба.

– Ребята видели, как тебя ударили, – сообщил Шустер. – Они прикинули, что стоит, наверное, проследить за фургоном и выяснить, что тут затевается.

Усилием воли я воздержался от комментариев, которые так и просились на язык.

Парень с копьем заставил пленника повернуть голову в противоположную от нас сторону. Шустер не хотел, чтоб я

разглядел лицо моего обидчика.

Ну и ладно. По всему, эти четверо – из числа ближайших помощников Шустера. Я постарался запомнить их лица (особо пристально, впрочем, не всматривался, чтоб не нарваться на отповедь).

Заглянув внутрь фургона, я только покрутил головой.

– Вот зараза! Этого я и боялся...

Три трупa; два вообще без одежды, Том Вейдер – в том самом рубище, которое было на нем, когда я пытался отбить его у Стоквелла с Уэндовером.

– Зараза!

Меня охватило отчаяние. Как я расскажу Максy?

– Ты их знаешь?

– Дети Вейдера, Том и Киттиджо. Третий работал в пивоварне, на складе. Его звали Люк. Гилби послал его охранять Тома. Отец семейства, четверо детей... По-моему, все гораздо хуже, чем казалось поначалу. Загадка на загадке, слышал такую поговорку?

– А если конкретнее?

– Я видел их всех в добром здравии уже после того, как фургон уехал. Хуже того, с Киттиджо я перемигнулся перед тем, как выйти к тебе.

Шустер хмыкнул:

– Звучит паскудно.

– Угу. Итак, что мы имеем? Злодеи растворяются в толпе, стоит только отвернуться. Но те, кого вроде бы похитили, все

в зале...

– Оборотни? – предположил Шустер.

Я так и хотел, чтобы эту версию выдвинул он.

– Зуб даю. Или кто-то, у кого в рукаве припасена пара-тройка нужных заклинаний.

– С оборотнями у нас никогда проблем не было. Однако...

– Что?

– Капитан получил на днях письмо с Холма. Мне он его не показывал, сказал лишь, что речь идет об оборотнях.

– В городе полным-полно пришлых. Среди них наверняка есть оборотни. Кто-то наверху мог об этом прознать.

Как правило, туда, где обитают колдуны и чародейки, оборотни предпочитали не соваться. К ним везде относились, скажем так, недоверчиво и старались поскорее спровадить добром. А если не получалось, с ними поступали как с вампирами – убивали без всякой жалости.

– Честно говоря, я давно заподозрил что-то в этом духе, – продолжал я, – но думал, что обойдется... Уж больно безрадостная перспектива вырисовывается.

Хорошо известно, что оборотни убивают других живых существ и перевоплощаются в убитых. Впрочем, на деле до убийства доходит редко: куда чаще они просто меняют облик, чтобы учинить какую-нибудь пакость, но никого при этом не убивают. И даже если они занимают места тех, кого убили, долго сохранять маску удастся лишь отдельным, особо продвинутым особям. А уж обмануть родных покойного

способны и вовсе единицы.

Никто не знает истинной природы оборотней. Догадок множество, но достоверных фактов раз-два и обчелся. Обычно они расхаживают в человеческом облике. Может быть, их переменчивость – результат некоего диковинного заболевания, как в случае с вампирами. Наверняка известно лишь одно (по крайней мере, в это верят повсеместно): если оборотень ни в кого не превращается, он умирает. Вот такой расклад... Возможно, и убивают они для того, чтобы раздобыть себе новую душу...

Вопреки расхожему мнению, в родстве с вервольфами они не состоят – хотя, как я полагаю, перекинуться в вервольфа им труда не составит. Был бы образец.

– У кого-нибудь есть серебро? – справился Шустер.

Разумная мысль. И вампиры, и вервольфы, и оборотни, по слухам, серебра боятся. Что ж, вот и проверим.

Никто не отозвался, поэтому я с неохотой выудил из кармана одну из монет Маренго, самую маленькую. При любой возможности расходы следует сокращать.

– Похоже, тебе платят куда приличней моего, – съязвил Шустер и опустился на колени рядом с пленником.

Я в двух словах пересказал историю насчет подкормки идеализма. Шустер расхохотался. Должно быть, и он подвержен переменам: раньше чувства юмора за ним не водилось.

Он задрал рубаху на спине пленника, потом ткнул пальцем в место под лопаткой. До этого места самому не дотя-

нуться рукой при всем желании, если ты, конечно, не акробат какой-нибудь.

– Я взрежу ему кожу, а ты клади монету. Если они и вправду боятся серебра, мы не уберем монету, пока он не выложит нам все, что знает.

Я кивнул. Шустер взял нож и вспорол пленнику кожу со спокойствием военного хирурга.

Серебро подействовало мгновенно. Пленник задергался, завертелся, зашипел, принялся извиваться почище любой змеи.

– Глядите в оба, – сказал Шустер. – В письме говорилось, что они способны чувствовать боль друг друга. А может, и общаться без слов.

Я заметил какое-то движение в сумерках.

– Ты что, целую армию с собой привел?

– Армию не армию, но чтоб с человеколюбцами справиться – хватит.

Выходит, мозги обратной устроены как у логхиров? Тогда становится понятно, почему Покойник не сумел углядеть ничего эдакого в сознаниях Уэндовера и Стоквелла.

– Никогда не слыхал, что они умеют мысли читать. Совсем плохо.

– До твоего напарника им далеко. Они общаются только между собой и улавливают лишь эмоции, а не конкретные мысли.

– Уверен?

– Нет, Гаррет, не уверен. Кто-то полковнику рассказывал, а он мне передал. На всякий случай. На какой, не уточнил. Ему нравится притворяться, будто он Холму по большому счету не подчиняется... У Вейдера на приеме что-нибудь интересное было? Может, углядел чего?

– Некогда было. Правда, попал на одно совещание... По чистой случайности. Общий треп, ничего полезного. Разве что мне поручили раскопать подноготную «Черных драконов».

– Надеюсь, ты согласился?

– Я же сказал – мне поручили. Эта серебряная монетка, которую ты бестрепетно испоганил, – из личного кошелька Маренго Северная Англия.

– Ясно. Небось у него одного кошелек и остался: всех остальных-то он до нитки обобрал.

Пленник застонал; думаю, будь у него силы, он бы не сто-нал, а вопил. Шустер нагнулся и зажал ему ладонью нос и рот, чтоб усугубить положение.

– Когда согласишься заговорить, дерни головой.

В вечернем сумраке слышалась какая-то возня. Дли-лась она не более минуты, потом все снова стихло. Любо-пытно, почему нет зевак? Танферцы приучены разбежаться при первых признаках опасности, но, едва опасность мину-ет, они возвращаются на место происхождения и пялятся по-чем зря. Может, от оборотней исходит некий сигнал, что-то вроде наказа держаться подальше?

Тогда почему я ничего не чувствую?

– Если они слышат друг друга на расстоянии, те, которые в доме, теперь поймут, что их раскололи.

– Не обязательно. Повторяю, они улавливают лишь эмоции.

– Откуда ты узнал, что они сегодня нападут на Вейдера? От Тупа?

– Нет. Я не знал ничего, пока не задержал фургон. Я оставил его по той причине, что думал, будто он имеет какое-то отношение к замыслам наших борцов за права. Того, что нашел, я никак не искал.

– Столько суматохи из-за шайки придурков? – Я обвел рукой окружавшие нас сумерки.

– Эти придурки, Гаррет, весьма опасны. Еще полчаса назад я бы сказал, что они – величайшая опасность, с какой когда-либо сталкивалась Карента. Радея за права людей, они калечат и убивают подданных Короны, занимаются шантажом и вымогательством и с каждым днем действуют все нахальнее. Я не могу допустить, чтоб они развернулись на полную. А теперь еще и оборотни...

– По-моему, он отрубился. – Я показал на пленника.

– Точно. – Шустер убрал руку. – Ты хоть что-нибудь об оборотнях знаешь, Гаррет?

– Нет. Видел одного-единственного. Венагетский шпион, строивший из себя офицера нашей контрразведки. Сам себя выдал.

Шустер сел на пленника.

– Этого я и опасался.

– Чего?

– Потом расскажу. Пускай эта тварь сначала подтвердит мои опасения.

Показались двое или трое мужчин, явно из людей Шустера. Они волокли второго оборотня, лицо которого менялось едва ли не каждую секунду. Все личины были мне незнакомы. Убедившись, что первый пленник по-прежнему без сознания, Шустер поднялся и лично обыскал второго.

– Любопытно.

Он показал мне татуировку на правом плече оборотня. В неверном свете факелов казалось, что на плече вытатуирован дракон; впрочем, надо будем глянуть днем. Под драконом виднелся армейский крест.

– Очень любопытно.

– Пожалуй, надо будет кое-что уточнить. Сдается мне, туман начинает рассеиваться.

Оборотень встряхнулся; лицо его застыло, татуировка пропала. Мы сделали вид, что ничего не заметили.

Я посмотрел на фургон.

– Мне пора. Понесу дурные вести, попробую схватить тех, кто внутри. Доставь тела в дом, ладно? Старик будет признателен.

– Помощь нужна?

– Отошли обратно своих официантов. Иначе Грессер с

тоски зачахнет.

Шустер ухмыльнулся. У него был повод для радости: наконец-то появилось стоящее дельце.

– И сообщи, что сказали эти двое, – прибавил я.

– Естественно. А ты просветишь меня насчет наших общих друзей.

– Хоть сейчас. Они делят сферы влияния, заключают перемирие с Организацией и договариваются, кого в будущем трогают, а кого оставляют в покое. Им не хочется злить никого из тех, кто может послать на них регулярные войска, и между собой грызться тоже надоело.

– Какая жалость!

– С ними Белинда Контагью. Выступает от имени отца.

– Замечательная женщина. Такая молодая и такая жестокая. Кстати, ты же друг их семьи? Тебе должно быть известно, почему в последнее время мы почти не видим ее отца. Все она да она...

– У Чодо был удар. Он это скрывает и делает все, чтобы поскорее поправиться. И хворь его мягче не сделала: он все такой же безжалостный. Мало того: чем дольше хворает, тем безжалостней становится. Есть новости насчет Садлера с Краском?

– Нет. Они где-то в городе – это все, что я пока знаю.

Негусто. Эту парочку со счетов лучше не сбрасывать, если жить хочешь.

– Я заберу их в Аль-Хар, – сказал Шустер. – Забегай, расскажу, что удастся вытрясти.

Мы договорились, что он оставит двух своих людей в моем распоряжении: они будут сторожить на улице, пока я шарю в доме Вейдера.

– Не забудь про тела, – напомнил я.

– А забирай сразу.

Дают – бери. Я опустил тент, закрепил, взобрался на козлы, подобрал поводья – брезгливо, точно они были покрыты слизью, – и попросил шустеровских громил:

– Ребята, поглядите, эта скотина в правильном направлении развернута?

Скотина оскалила зубы. Кто-то из громил – их звали Риттер и Абенд, и они были похожи друг на друга, как близнецы, – ехидно спросил:

– Что, боишься, не справишься? Тогда слазь.

– Управляюсь, – пробормотал я, стискивая зубы. – Когда захочу, я со всем управляюсь. Но раз ты сам вызвался, на, держи.

Конечно, я умею править. На фронте научился. Но плясать на округлую оконечность этой гнусной животины и знать, что мерин так и норовит выкинуть что-нибудь этакое, – нет уж, увольте, у меня других развлечений хватает.

Охранник у ворот бдел в оба глаза. Не так давно он преспокойно выпустил этот фургон – заодно с ребятишками Шустера, о чем благополучно забыл упомянуть, – но теперь твердо намеревался стоять стеной.

– Как меня зовут? – требовательно спросил я.

– Гаррет.

– И кто я?

– Ты главный за...

– Вот именно! Я – главный! Давай пропускай.

– Ты ж ничего не говорил по поводу...

– Считай, что сказал. Ты проспал этот фургон, дал ему улизнуть. Я нашел его и привез обратно. Открывай ворота!

– Но...

У парней Шустера кончилось терпение. Они перескочили через забор и открыли ворота изнутри. Охранник завопил. Я пустился втолковывать ему по новой, и тут подоспел встревоженный Гилби. Хвала небесам! А то мало мне четвероногого чудовища, с которым сладу нет, – еще и двуногий олух попался!

– Я думал, ты ушел с мадам Тинстолл, – сказал Гилби. – Твоя подружка в истерике.

– Какая из?

– Та, с которой ты пришел. Что у тебя?

Я молча поднял тент. Во дворе было достаточно светло, чтобы разглядеть содержимое фургона. Гилби оперся рукой о козлы, другой прикрыл глаза.

– Что это значит? – выдавил он.

– Обратни.

Я пересказал ему наши с Шустером подвиги.

– Я только что видел Киттиджо... Днем она была веселая, а вечером из нее вдруг стало словечка не вытянуть. А я-то гадал...

– Как по-твоему, зачем шайке оборотней проникать в дом Макса?

– Может, они пива захотели? Или пивоварню?

Это был вовсе не образчик черного юмора – Гилби спрашивал на полном серьезе.

– Думаю, ты прав. Но зачем им пивоварня? И почему сейчас?

– Спроси лучше у них, Гаррет. Может статься, пивоварня здесь и ни при чем. Что будем делать?

– Как это ни гадко, придется рассказать боссу.

– Разумеется. – Гилби тяжело вздохнул. – Но я о другом: что нам делать с теми, кто в доме? Надо их поймать. Или нет?

– Надо, и поскорее. Пока они не спохватились, не сменили обличье и не удрали. Думаю, их всего трое. Остальные увезли тела...

Я ничуть не сомневался, что, если мы не изловим тех, кто в доме, они в скором времени приведут под кров Макса своих дружков-приятелей. И тогда дом Вейдера станет оплотом оборотней.

Но все-таки почему Вейдер? Есть немало других семей,

не менее зажиточных и куда более фанатичных, да и дома покрепче найти тоже можно.

А если к этому имеет какое-то отношение собрание наших правозащитников? Если оборотни заинтересовались Вейдером только из-за списка гостей на приеме? Если они подменили Маренго и Бондуранта Алтуну? Самое главное, никто и не заметит подмены...

Как бы то ни было, вряд ли они лелеют долгосрочные планы. Все ухищрения оборотней выйдут наружу. Во всяком случае, как утверждает молва, раньше оно так всегда бывало. Едва по Танферу разойдутся слухи о событиях в доме Вейдера, оборотням не поздоровится: за них возьмутся наши тяжеловесы с Холма. А заодно прихлопнут и человеколюбцев – чтоб блюли чистоту рядов.

Все боятся оборотней. Судебные психиатры сколачивают состояния, доказывая безутешным родичам, что их ненаглядные не были ни одержимы демонами, ни подменены. Или наоборот – были (сами знаете, народ разный попадается, одним нужно одно доказать, другим другое, а денежки капаят).

Психиатры сродни адвокатам. Правый, виноватый, справедливость, улики – для них ничто не имеет значения. Значение имеет только результат. Неудивительно, что на танферских улицах полно бедолаг с пустыми кошельками и ошарашенными физиономиями.

Клиент психиатра, как правило, не желает слышать, что

его зазноба спуталась с другим. Это неэстетично. А вот если приплести сюда какое-нибудь сверхъестественное объяснение, чем мрачнее, тем лучше...

Мало того, в суде некоторые особо дальновидные убийцы пытаются оправдаться тем, что совершили убийство по закону: дескать, думал – оборотень, кто ж знал, что обычный человек окажется. Правда, я не слышал, чтобы на основе этого довода оправдали хоть кого-нибудь.

– Идем, – сказал я Манвилу. – Оттого, что мы тут стоим, слезами давимся, ничего не изменится.

В коридоре у кабинета Вейдера мы наткнулись на Белинду. Она стояла подбоченясь и слушала Маренго. Судя по ее зачарованному виду, я недооценил его как кавалера.

А как же красotka-племянница?

Завидев меня, Белинда мгновенно подобралась. Лицо ее стало холоднее полярных льдов. Потом она разглядела слезы в моих глазах.

– Что стряслось, Гаррет?

– Идемте с нами оба. Макс в кабинете?

Маренго кивнул:

– Он еще не спускался. Слишком много посетителей.

Значит, они с Белиндой уже давно тут любезничают. Интересненько.

– Тай разозлится, – несколько невпопад заметил Гилби. – Он страшно не любит оказываться вторым.

Я пожал плечами и приоткрыл дверь кабинета. В коридор хлынула волна жара от камина. Макс сидел в своем любимом кресле и пристально глядел в огонь, будто видел в языках пламени давно минувшую эпоху, когда мир не знал боли и страданий.

– Вернулся, Гаррет? – спросил он, подняв голову.

– Так точно, сэр.

– Твоя подруга на тебя рассердилась.

– Привычное дело. – (Моя «подруга» оскорбленно моргнула.) – Нужно было кое-что проверить.
– Ну, выкладывай. Что еще плохого?
– Хуже некуда, Макс. Том и Киттиджо погибли. Их убили.
И Люка тоже.

– Того парня. Которого я приставил к Тому, – пояснил Гилби.

– Подмена случилась раньше, – продолжал я.
– Подмена? – эхом отозвался Вейдер.
– Оборотни, – сказал Гилби. – Они подменили всех троих.
– Похоже, «Черные драконы» связаны с оборотнями, – прибавил я. – На всякие права и свободы им плевать.

Нелюдей человеческие права не интересуют. А если интересуют, то отнюдь не в том смысле, в каком ими интересуется «Зов».

– Я устал, Гаррет, – проговорил Макс со вздохом.
Голос у него и вправду был усталый.
– Садитесь. – Он указал нам с Манвилем на стулья. – Больше всего на свете я хочу избавиться от забот и отдохнуть. Мне надоело сражаться. Назовите, кому сдать, – я с радостью стану пленником.

– Крепись, Макс. Мы с Гарретом все уладим.
Он посмотрел на меня, получил утвердительный кивок и спросил:

– Ланса берем?
– Больно много из себя корчит.

Гилби улыбнулся, не разжимая губ.

– Ты недалек от истины, Гаррет. Но у каждого из нас есть свои недостатки.

Он посмотрел куда-то мне за спину. В его глазах на мгновение блеснули слезы.

– Меня возьмите, – сказала Белинда.

Признаться, я забыл, что она вошла вместе с нами.

Я не стал спорить. И Гилби не стал. По-моему, он просто опасается с нею спорить.

– Вон та груда хлама в углу, – проговорил Манвил, – когда-то была настоящим оружием. Подберите себе что-нибудь, по вашему вкусу.

Белинда не колеблясь выбрала длинный, зловещего вида клинок. Наметанный глаз, сразу видно. Гилби взял кинжал и маленький щит на руку.

– Стильно, – заметил я.

Какой удобный стул, лень вставать.

Манвил и не подумал улыбнуться. У него в запасе остались улыбки лишь для мисс Контагю, остальные иссякли раз и навсегда. Все прочие тоже сохранили серьезность.

Эх, добрые старые времена, когда мы смеялись в лицо опасностям! Куда, куда вы удалились?

Когда над головой сгущаются тучи, только чувство юмора и спасает.

Я редко пользуюсь смертоносным оружием, но сейчас выбирать не приходилось, тем более что в этой куче дубинок

не было и в помине. И вообще ничего такого, что сгодились бы для частного сыщика. Мое внимание привлек маленький арбалет из амуниции то ли кавалериста, то ли кентавра. На фронте я неплохо стрелял из арбалета; правда, давненько уже не практиковался...

Маренго Северная Англия обеспокоенно наблюдал за нами.

– Вам лучше остаться с Максом, – посоветовал Гилби. – За ним стоит присмотреть.

Маренго облегченно вздохнул.

Великий поборник прав человека откровенно сдрейфил. Кто бы сомневался? Хотя, я так понимаю, позови его Белинда, он бы пошел с нами. Какое испытание для влюбленного – выбрать между собственным страхом и предметом страсти, бестрепетно лезущим на рожон!

Гилби порылся в куче и извлек длинный тонкий меч.

– Я слышал, вы неплохой фехтовальщик. – Он протянул клинок Маренго.

– Был когда-то, – заскромничал тот, – в молодые годы.

– Солдат всегда солдат, – изрек я. – Теперь мы можем не волноваться за Макса, он под надежной охраной. – И дружески хлопнул Маренго по плечу.

Он раздулся от гордости, будто ему предстояло идти в самое пекло. Возможно, в мыслях он видел себя героем. И даже не догадывался, что в героях ему ходить не суждено.

Мы вышли на черную лестницу.

– Тебе не обязательно идти с нами, – сказал я Белинде.

– Не говори ерунды, Гаррет, береги дыхание.

Я заткнулся. Во-первых, этот разговор мы вели уже невесть сколько раз. А во-вторых, ступеньки были крутые – не до разговоров.

К четвертому этажу я изрядно запыхался. Слишком много пришлось побегать за этот вечер. И ладно бы побегать, а то куда ни сунься, везде норовят огреть тебя по башке чем-нибудь потяжелее. Судьба ко мне определенно неблагоприятна.

Что ж, на то она и судьба. Все ее любимчики рано или поздно кончают плохо.

Я остановился, сделал глубокий вдох, чтобы прийти в себя, и спросил Гилби:

– Из комнаты Тома один выход или несколько?

– Не могу сказать. В доме полно коридоров, о которых знают только слуги. Но если мы поторопимся, никто удрать не успеет.

Верно подмечено. А все-таки зря я не взял с собой наверх ребят Шустера.

– Гаррет, если б я знала дорогу, – прошипела Белинда, – я б оставила тебя в кабинете, с твоей привычкой задумываться ни к месту.

Все мне твердят, что я слишком много думаю. Согласен, но с одной оговоркой: когда замечаю красивую девушку, я вообще перестаю думать.

Уж так я устроен. Ничего не попишешь.

Я шагнул в коридор.

Люк-оборотень стоял на страже у двери в комнату Тома. Он поглядел на меня с подозрением. Я состроил самую широкую улыбку, на которую только был способен. Следом за мной в коридор вышли Белинда и Гилби.

– Эй, Люк! – воскликнул я. – Босс велел привести Тома вниз. Он хочет, чтобы собралась вся семья.

Лже-Люк, естественно, не посмел послушаться приказа главы семейства, иначе он запросто выдал бы себя. Вдобавок я не дал ему времени на размышление.

Арбалет – не очень подходящее оружие для устрашения противника. Другое дело нож у горла... Лже-Люк метнулся было в дверь, но я оказался быстрее и поставил ему подножку. Он с грохотом рухнул на пол. А прежде чем успел подняться, Белинда уже сидела на нем верхом, поигрывая своим ножичком.

Мы с Гилби ворвались в комнату.

– А выходов-то несколько, – разочарованно проговорил я.

В комнате царил полумрак, но света, который падал из распахнутой настежь двери, вполне хватило, чтобы отыскать другой выход. В стене имелось небольшое отверстие; чело-век моего роста мог протиснуться в него с немалым трудом.

Прямо за стеной начиналась лесенка. Я скатился по ступенькам – и очутился в чулане, дверь которого открывалась в коридор. Я бросился туда, Гилби не отставал. Мы не могли допустить, чтобы оборотень улизнул снова.

В дальнем конце коридора хлопнула дверь. Классический пример глупости преступника – моя матушка была бы в восторге. Мы влетели в эту комнату – и застыли как вкопанные.

Спальня Ханны Вейдер.

В комнате стоял тяжелый запах болезни и отчаяния. На кровати лежала истаявшая от хвори женщина. Когда она увидела нас, ее лицо просветлело. Она попыталась что-то сказать.

Смертельно бледная, исхудавшая, Ханна Вейдер казалась не супругой Макса, а его престарелой бабушкой.

Произнести хотя бы слово у нее не получилось. Она шевельнула пальцем.

– Под кроватью, – догадался Гилби.

Из-под кровати выскочил Трейс Уэндовер. Ринулся было к двери, сообразил, что я успею раньше, бросился на кровать, схватил Ханну и заслонился ею, как щитом. В его руке появился нож.

Слов не требовалось. Угроза и без того была очевидной.

В этот миг в дверях появилась Аликс.

– Мама, я принесла тебе... Какого дьявола!

Изумленный Трейс обернулся на голос.

Мама укоризненно поглядела на дочку: мол, разве приста-

ло девушке так выражаться?

Я выстрелил – и попал Уэндоверу между глаз.

Да, не зря меня считали отменным стрелком. Мастерство не пропьешь.

– Она умерла! – прорыдала Аликс. – Сердце не выдержало...

Вне себя от горя, девушка принялась трясти тело матери, будто это могло вернуть Ханну к жизни.

Тут в дверях возникла Белинда с оборотнем в поводу. Посмотрела на Аликс, пожала плечами, метнула на меня вопросительный взгляд.

Просить ее успокоить Аликс было бессмысленно. Она успокаивать не умела. Ее саму в жизни никто наверняка не утешал.

– Приведи Тинни, – сказал я; Тинни она знала. – Или Никс.

Уэндовер, несмотря на стрелу во лбу, не утратил подвижности. Его тело словно таяло на глазах, личины постоянно менялись. Стрела выпала из раны на пол.

– Хитро, – пробормотал я. – Надо будет научиться.

Аликс прыгнула на оборотня.

Тот отшвырнул ее, как игрушку.

Я выстрелил снова. Подбежал, выдернул стрелу и сунул в рану серебряную монетку.

Оборотень обмяк.

– Гилби, кто из нас пойдет к Максу?

– Я, – ответил Манвил. – Это моя обязанность, Гаррет.

Боюсь, это будет уже слишком... Он и жил-то ради Ханны...

Тот оборотень, которого привела Белинда, тоже решил высвободиться из пут. Сделался скользким, как слизняк, но это ему не помогло. Методом проб и ошибок я установил уязвимое место у него на голове – то самое, по которому долбанули меня, – и снова вырубил.

– Ни у кого нет при себе куска серебряной проволоки?

– Держи, Гаррет. – Подоспевшая Никс протянула мне свой кулон на цепочке. – Тинни сейчас подойдет. Аликс, с тобой все в порядке?

И тут она поняла, что Ханна мертва. Взгляд, которым Никс одарила оборотня, заставил меня порадоваться, что эта красотка на нашей стороне.

– Ты сама пришла или как? – справился я.

– Твоя подружка-вампириша велела мне подняться.

И язычок у нее острый, порезаться можно.

Я повесил кулон на шею оборотню. Он затрясся всем телом. Мне даже почудилось, что кулон соскочит, но все обошлось.

– Заткни ему пасть, – посоветовал Гилби, опускаясь на колени рядом со мной. – Еще не хватало, чтоб их вопли переполошили гостей.

В комнату вошла Тинни. За ней по пятам следовала Белинда.

– Тай придет, как только Ланс созовет своих парней.

Гилби покачал головой:

– Здесь ему делать нечего. Пускай ждет нас в отцовском кабинете. Дамы, окажите Ханне последнюю услугу. Идем, Гаррет. Оттащим эту пададь вниз.

– Третий по-прежнему на свободе, – напомнил я.

– Знаю. Мы с ним разберемся.

Будем надеяться. Если Шустер прав, этот третий уже понял, что их план провалился.

Макс удивил всех. Череда ужасных новостей не доконала его, наоборот – вернула к жизни. Может, боль была слишком велика, чтобы воспринять ее. Или он давно уже привык к ударам судьбы. Так или иначе, Макс больше не выглядел усталым. О взгляд, который Вейдер метнул на наших пленников, можно было обжечься, но трогать он их даже пальцем не тронул. Деловой человек, деловой подход: все должно быть практичным, и месть в том числе.

Оборотни продолжали дрыгаться. Когда бы не кляпы, они бы наверняка вопили.

Гилби отправился за Таем и Лансом.

Маренго, Никс и Белинду попросили выйти. Их присутствие Макс счел нежелательным.

Вошел Ланс, за ним Тай на костылях, которыми пользовался крайне редко. Он был бледен и зол.

– Снова напортачил, Гаррет?

– Тихо, – велел Макс.

Ну и выдержка! Голос спокойный, разве что безжизненный какой-то.

– Садись.

Тай не посмел послушаться.

Могу предположить, что такого голоса у отца он не слышал добрый десяток лет.

– Гаррет ни в чем не виноват. Он просил меня быть поосторожнее, но... Кто-то вознамерился убить всех Вейдеров. Почему – известно одному убийце. А мы сами подставились. Потому что мешали Гаррету. Виноват я, и никто другой. Мы поймали пятерых оборотней.

Кстати говоря, Макс ничуть не удивился, узнав, что за его домом следит тайная полиция.

– Манвил, удалось отыскать последнего? – спросил он.

Гилби кивнул. Что еще он затеял?

– Пятерых? – выдавил Тай и уставился на два корчащихся тела на полу перед камином. Дрова почти прогорели, но от камня по-прежнему исходил жар, и оборотни изнемогали.

– Двоих ты видишь, а троих Гаррет изловил на улице. – Макс не упомянул ни о Томе, ни о Киттиджо. – Они заговорят, Гаррет?

– Думаю, да.

– В доме остался один, последний, – продолжал Вейдер. – Полагаю, мы с ними справимся сами.

Нет, Гилби и вправду что-то затеял! Надо было предупредить его, что эти твари способны ощущать эмоции друг друга.

– Об оборотнях почти ничего не известно, – вставил я. – Для нас они существа мифические. Громовых ящеров – и тех чаще встречают. – (Впрочем, в этом году ящеров было на удивление мало.) – Я слышал разве что о семейке оборотней, которая в прошлом веке облюбовала себе уголок в ле-

су к северу от города, и то история эта сильно смахивает на сказку. В общем, оборотни – звери редкие, мы потому и не врубались сразу, что к чему. По правде сказать, я бы, может, и не вспомнил о них, когда бы со мной постоянно всякая бешовщина не творилась.

Высказавшись, я поднялся и направился к двери. Вейдер было нахмурился, но успокоился, увидев, что я встал так, чтоб меня не было видно, когда дверь откроется.

Расчет был верен. Минуту спустя дверь открылась, и в кабинет вошла лже-Киттиджо. Вид у нее был такой, словно она ни о чем не подозревала. Это меня удивило.

Выходит, она не почувствовала боли двух других оборотней? Может, причиной серебро?

Гилби подошел, чтобы закрыть дверь. Лже-дочь Макса кивком поблагодарила Манвила за услугу – и увидела меня.

Повисшую тишину нарушил Тай:

– Что происходит, отец?

– Это не твоя сестра. Эта... тварь убила ее и приняла ее облик.

– Отец, что ты говоришь?!

– Киттиджо мертва, Тай. Поверь мне. И Том мертв. И Лукас Влоклоу мертв. Их убили. Убили и подменили. – Макс указал на оборотней на полу.

Я взял арбалет на изготовку и многозначительно поглядел на фальшивую Киттиджо.

– Что вам от меня нужно? – спросил у оборотня Вейдер.

– Бред какой-то! – воскликнул Тай. – Джо, скажи что-нибудь!

Между тем его сестра менялась.

Менялась на глазах.

Превращается! Она по-прежнему была вылитая Китти-Джо, но делала с собой что-то такое, что, вероятно, должно было открыть ей путь к спасению. Или же она собиралась перекинуться в нечто смертоносное...

– Меняется, – сообщил я в пространство.

Оборотень прожег меня взглядом. Гилби шевельнулся, и оборотень обернулся к нему. Я ткнул злодея кулаком в спину. Ощущение было такое, словно ударил по мешку, битком набитому камнями.

Оборотень развернулся ко мне. Похоже, он не слишком умен. Нет чтобы драпануть, пока есть возможность.

Я увернулся от удара. Гилби саданул оборотня по почкам. Никакого результата, не считая того, что Манвил крикнул от боли и что на костяшках у него выступила кровь.

Тай выкрикнул что-то вроде: «Оставьте Джо в покое!»

Я выстрелил, целясь твари в горло. Стрела проникла под кожу едва ли на дюйм и в следующее мгновение выпала из раны.

Гилби находился ближе всех к груди старого оружия. Он схватил грозную на вид булаву и дважды или трижды ударил ею оборотня по голове. А я наложил на тетиву второй болт.

Оборотень решил, что с него хватит. И ушел. Не потру-

дившись открыть дверь.

Я выскочил в коридор, выпустил стрелу. Она угодила твари в поясницу.

Оборотень не устоял на ногах и рухнул на парадную лестницу, лицом вниз.

– Меткий я стрелок? – похвастался я.

– Да уж, – согласился Гилби.

Подняться оборотень не сумел и потому пополз вниз, цепляясь ногтями за ступеньки. Одна рука сорвалась, и он покатился кубарем прямо в залу.

Я рванул следом.

Оборотень утратил всякое сходство с Киттиджо. Теперь он отдаленно напоминал громового ящера. Невесть откуда возникшая чешуя разрывала бальное платье. Из-под подола высунулся кончик хвоста.

Раздались крики. Музыка оборвалась. К подножию лестницы сбежалась целая толпа. Я подскочил к оборотню. Рядом со мной оказался трясущийся Ланс.

– Ее, должно быть, подменили первой, – сказал я. – С ней проще всего было справиться.

По лестнице, навалившись грудью на перила, спустился Тай. Ему явно хотелось кого-нибудь прикончить. Он уставился на существо, убившее и подменившее его сестру.

– Извини, Гаррет, – прошептал он чуть погодя. – Я не знал...

– Да ладно.

– Не годится нам ссориться между собой.

– Запомню.

Тай кивнул, оглядел толпу.

– Он сбежал бы, если бы не твоя стрела.

Хоть кто-то оценил!

– Мы с ним еще не покончили.

Происходящее подозрительно смахивало на один из тех кошмаров, в котором чудовище то уходит, то возвращается.

– Ланс, – сказал Тай, – Джорджи пошла наверх, в мамину комнату. И Аликс тоже там. Проверь, как они.

– И Тинни должна быть с ними, – добавил я.

Интересно, где Белинда? И кто следит за оборотнями в кабинете Макса?

– Как я выгляжу? – спросил спустившийся Макс.

Он, конечно, владел собой, но, по-моему, в любой момент мог сорваться.

– Все в порядке, отец, – отозвался Тай.

– Тогда давайте успокоим гостей.

Я взвесил на руке арбалет, сунул руку в карман, где лежали болты. Зеваки попятились.

Пожалуй, надо обезопасить себя от неожиданностей. Я вытащил еще одну монетку. Эти оборотни – чистое разорение.

Ноги оборотню по-прежнему не повиновались. В его лице не осталось ничего человеческого. Жуткая рожа, честное слово!

Макс повернулся к гостям:

– Не волнуйтесь, дамы и господа, ничего страшного. В дом проник наемный убийца. Мы его поймали. Веселитесь, прошу вас.

Откуда-то возник Маренго Северная Англия, наклонился над оборотнем. С мечом в руке, весь из себя неустрашимый – дамы млеют от восторга. Не удивлюсь, если по городу пойдут слухи, что убийца забрался в дом Вейдера, чтобы прикончить доблестного Маренго, защитника обиженных и угнетенных.

Чем ближе я его узнавал, тем меньше у меня оставалось иллюзий – если они вообще были. До сих пор я не получил ни единого доказательства, что сам он верит в идеалы, которые провозглашал; разве что суммы, потраченные на содержание «Зова»... Покажите мне хоть одного толстосума, который просто так бросался бы деньгами.

Может, спросить у Тамы Монтецумы? Она как раз побежала к своему дядюшке узнать, не ранен ли он в жестокой схватке. И где таких красавиц выращивают?.. Внезапно я поймал себя на странной мысли: в Таме чувствовалась некая... пустота, что ли.

Бамс! Я саданул оборотня между лопаток.

– Разрежьте ему платье, – сказал я Маренго. – Надо добраться до раны.

Оборотень заерзал; ему, похоже, не терпелось убраться как можно дальше от парней с арбалетами, ножами и серебряными монетками.

Гости снова отступили, но разойтись и не подумали. Таращились все, включая музыкантов и слуг. Сочувствия к Максиму во взглядах я не заметил.

И после этого мне будут говорить, что в Танфере люди добрые?

Геройский Маренго сделал шаг вперед и изящным движением вспорол платье. Оборотень дернулся всем телом, однако ноги его отказывались слушаться.

Я выдернул стрелу и всунул в рану монетку.

– Надеюсь, это был последний.

Шесть оборотней в одном доме! Неслыханно, просто неслыханно! Или их и того больше?

Вейдер поглядел на оборотня, покачал головой.

– Не понимаю, Гаррет. – Его голос дрогнул.

Уж если он не понимает... Его дом, его семья, его дело. Зато он – мой друг.

– Я все выясню.

– Постарайся, Гаррет, ладно? – сдавленно попросил Тай. – И не церемонься с ними, когда найдешь. Мы... – Он махнул рукой и отвернулся.

– Помог бы кто-нибудь унести эту тварь.

Тут же, словно из-под земли, выскочили ребятаки Шустера. Наверняка подслушивали. Они просочились сквозь толпу гостей, как нож сквозь масло.

– Где вас носило? – проворчал я. – Забирайте этого. Двое других наверху. В кабинете хозяина.

Вейдер вновь обратился к гостям:

– Прошу вас, веселитесь. Вспомните, по какому поводу вы здесь собрались.

Мне почудилось, что еще немного – и он заплачет.

Им нельзя было не восхищаться. Макс вел себя подобно тем аристократам, которые создавали империю. Он делал то, что должен был делать, заглушая терзавшую сердце боль. И не позволит себе отдаться горю, пока гости не разъедутся.

Парни Шустера вернулись, и мы все вместе поднялись в

кабинет Макса.

Как нельзя вовремя – один из пленников сумел высвободиться. Чтобы обуздать его, пришлось пожертвовать очередной монетой. Пожалуй, скоро я начну чахнуть над серебром, как Маренго.

– Мы их сзади вынесем, – сказал Риттер. – Шеф с тобой свяжется.

– Напомни ему, что он мне кое-что обещал.

Внизу меня поджидала Белинда.

– Можем уйти? – спросила она.

Я покосился на Маренго, который, опершись на меч, развлекал компанию гостей описанием своих подвигов. Жаль, что отсюда не слышно. Наверняка я узнал бы много интересного.

Он заметил мой взгляд и нахмурился. Я хотел было помахать, но передумал: не стоит портить человеку удовольствие.

У мисс Монтецумы выражение лица было загадочное, почти испуганное. Она выглядела так, словно нашла змею в хлебнице. Хотя откуда ей знать, что такое хлебница?

– Можем мы уйти? – повторила Белинда.

– Ты – да, я – нет. Мое место рядом с гостями.

«И рядом с Тинни», – мысленно прибавил я.

Белинда насуропила брови.

– Были времена, когда ты бросал любое дело...

Мы оба знали, что это неправда.

– Ступай, если тебе нужно уходить. Я с тобой свяжусь,

хорошо?

Она печально кивнула.

Белинда Контагью, маленькая девочка, своенравная, жестокая и беспощадная. И грустная.

Порой мне хочется задушить Чодо за то, что он сделал со своей дочерью.

– Тогда я пошла. – Она посмотрела на Тинни. – Не забывай меня.

Надеюсь, она ничего такого не замышляет? Помнится, Чодо избавился от ее матери потому, что не терпел соперничества...

– Белинда, погоди.

Она не обернулась. Пробормотала что-то, проходя мимо Тинни с Аликс. Перекинулась словечком с Маренго. Тот, похоже, одновременно обрадовался, удивился и испугался. Потом задумчиво посмотрел на меня. Белинда подошла к дверям, возле которых отирался Джеррис Дженорд. Миг – и она исчезла, а мне вдруг подумалось, что Дженорду, судя по бледной физиономии, досталось за сегодняшний вечер даже сильнее, чем Гилби или Максу.

Больше ничего примечательного не случилось. Разумеется, прием не стал гвоздем сезона. На нем было слишком много варварской грубости, что никак не позволительно (и непростительно) для утонченных представителей высшего общества. Гости стали разъезжаться вскоре после ухода Белинды. Дольше других задержались только главари человеколюбцев и те, кто хотел пообщаться с Максом наедине. Уверен, они отбывали недовольными: Макс не был расположен к душевным беседам.

Тинни остаток вечера не отходила от меня. Аликс тоже держалась рядом; по всей видимости, она не слыхала поговорки: «Рыжих не переупрямишь». Надо было ее предупредить; уж у меня-то подобного опыта предостаточно.

Даже закадычные друзья Вейдеров и Николасов стали собираться задолго до того, как оркестр закончил играть. Тай печально взирал на их сборы, Никс готова была разрыдаться.

– Паскудство, – пробормотала Тинни, вместе с которой мы стояли у дверей и глядели на стремительно пустеющую залу.

Джеррис Дженорд кивнул, будто ее фраза предназначалась ему. Мажордом выглядел так, словно у него внезапно началась отрыжка.

– Бедняжка Никс! – воскликнула Тинни. – Принести себя

в жертву ради благополучия семьи и получить вместо праздника кучу дерьма...

– Женщина! И тебе не стыдно так выражаться?

– Заткнись, Гаррет. Что хочу, то и говорю. Никс так расстроилась... И что ей теперь делать, скажи на милость?

– На Максе, по-моему, лежит проклятие. И не на нем одном, а на всей семье. Когда Никс вошла в семью, проклятие распространилось и на нее.

А может, тут и в самом деле замешано какое-то проклятие или иное чародейство? Казалось просто невероятным, чтобы на одного-единственного человека вереницей сыпались все возможные и невозможные беды.

По зале носился Грессер. Такое впечатление, будто с разездом гостей у его уполовиненной команды резко прибавилось работы.

Тинни попрощалась с каким-то типом, которого мне представить не удосужилась.

– Собираешься сунуть меня в чулан и выпускать по большим праздникам? – ревниво справился я.

– Отличная мысль. – Она пристально поглядела на меня. – И всякие Аликс уже не пристанут. Ты идешь?

– Вообще-то, я предпочел бы остаться. А с каких это пор ты жеманиться стала?

– Я? Гаррет, опомнись!

– Ты, ты. Думаю, Дин меня не съест, если я проведу эту ночь не дома. Особенно если сочинить историю и упомянуть

пару раз твое имя.

Тинни ходила в любимицах у старины Дина.

У меня, впрочем, тоже.

– Что меня в тебе восхищает, так это твоя неподдельная радость по поводу...

– Прошу прощения, сэр. – Дженорд проводил того типа, с которым Тинни попрощалась, до кареты и успел вернуться. – Вас хотят видеть.

Снова?

– Надеюсь, человек приличный?

– Увы, сэр, отнюдь не приличный.

– Так я и знала, – прошипела Тинни мне в спину.

Я вышел во двор. Там меня поджидал Шустер.

Конечно. Кто еще это мог быть? Уж всяко не мой треклятый голубок. После безобразия, учиненного в зале и окончившегося позорным изгнанием, попугай исчез бесследно.

Может, до него добрались нетопыри. Или он залег где-нибудь в укромном местечке, дожидаясь рассвета. Попка-Дурак – попугай городской, не то что те птицы на островах: они бодрствовали ночи напролет, подражая возгласам часовых и стонам раненых.

Значит, Шустер. Говорите, не приличный человек? Да Дженорд подавился бы собственной слюной, узнай он, кого принесла нелегкая к дому Вейдера.

Вид у Шустера был потрепанный.

– Устал? – спросил я.

- Да нет.
- Что стряслось?
- Хочу, чтоб ты кое на что взглянул.
- Ничего хорошего, верно?
- Верно. Ночка выдалась...

Да уж, ночка и вправду выдалась богатой на события.

Идти оказалось недалеко, приблизительно до того места, где ребятки Шустера остановили фургон оборотней.

Черный экипаж Белинды. Пустой. Обе лошади лежали на земле: одна не шевелилась, у нее в горле торчал арбалетный болт; вторая судорожно дергала копытами.

– Яд, – пояснил Шустер, указывая на болт.

Сорванная дверца экипажа болталась на единственной петле. На подножке сидел незнакомый мне парень, придерживал левой рукой правую – очевидно, сломанную... – и тихонько постанывал.

Чуть поодаль два трупа. Обоих я знал. И естественно, никаких зевак и никаких свидетелей.

– Это Пеквуд, – сказал Шустер, ткнув пальцем в парня со сломанной рукой. – Все случилось у него на глазах.

Пеквуд печально кивнул.

– Расскажи еще раз, для моего друга.

Друга? Гаррет, приятель, я бы почаще посматривал на руку, что хлопает тебя по плечу. Однажды в ней наверняка блеснет сталь.

– Карета ехала с той стороны, – начал Пеквуд, – лошади шли шагом. Вдруг вон оттуда выскочили два типа...

«Оттуда» означало с улицы, куда экипаж Белинды должен

был свернуть по дороге домой.

– ...по-моему, они собирались устроить засаду в другом месте, но им пришлось переиграть, потому как тот, кто сидел в карете, решил ехать иначе.

Я ничуть не сомневался: Шустер знает, чей перед нами экипаж. А Пеквуду он, разумеется, открыть этого не потрудился.

Почему Белинда свернула на запад, вместо того чтоб ехать на север?

– Они явно что-то замыслили, – продолжал Пеквуд. – Я следил за ними. Один выстрелил в возницу и промахнулся – запыхался, видать, после бега. Возница хлестнул лошадей. Ну, тогда они стрельнули в лошадок. Сдается мне, поначалу-то они собирались возницу прикончить и целиком карету захватить.

Разумный подход. Захватить карету вместе с лошадьми и с пассажиром – прекрасной мисс Контагью, у которой немало заклятых врагов.

Один из трупов на мостовой принадлежал Двупалому Харкеру. На теле было множество глубоких ран. Неподалеку валялся нож: судя по крови на лезвии, Харкер дорого продал свою жизнь.

Пеквуд перевел дыхание.

– Ну, карета остановилась, возница спрыгнул, и тут на него навалился второй, и пошла кровиска хлестать. Спросите меня, так они точно друг друга врасплох застали. Эти, кото-

рые напали, никак не ждали, что им сопротивляться будут.
– Знаешь их? – спросил Шустер, указывая на трупы.
– Клеланд Джастин Карлайл, более известный как Киджей. – Я кивнул на того, кто был пониже ростом. – Главный головорез Чодо.

От тела Карлайла тянулся кровавый след: как и Двупалый, он перед смертью успел кому-то насолить. Кто же отважился напасть на Белинду?

– Говоришь, нападавших было двое?
Пеквуд утвердительно дернул подбородком.
– И они забрали мисс Контагью?
– Женщину. Уж не знаю, как ее зовут.
– Ну, Гаррет? – Шустер невесело усмехнулся. – Догадываешься, кто это был?
– Краск и Садлер?
– Они самые. Пеквуд пытался им помешать, но они его скрутили в два счета, хоть оба были и ранены.
– От меня им тоже досталось. – Пеквуд оскалил зубы в ухмылке. – Долго заживать будет.
– Белинда уехала довольно давно. Почему она кружила возле дома Вейдера?

И откуда взялся Карлайл? Или Чодо определил его в телохранители дочки? Вряд ли он следил за нами; во всяком случае, я его не видел.

Белинда бы сказала. Наверное.
Краск, Садлер и Белинда...

Я вдруг понял, что жутко устал. С этой парочкой мне отношения выяснять не хотелось, даже если Двупалый, Карлайл и Пеквуд оторвали им руки и ноги. У них остались клыки, ядовитые клыки, которые они не задумываясь пустят в ход.

– Куда они отправились, известно?

– Нет, – признался Шустер. – У моих людей приказ: если ты один на месте преступления, никуда не уходи. Пеквуд так и поступил.

– !!!

– Ну-ка, ну-ка, поподробнее.

– Да брось ты! Ну, побежал бы твой Пеквуд за ними, и что? Узнать бы мы все равно ничего не узнали, а его прикончили бы – за лишнее усердие.

– Рад, что ты это понимаешь. Другие стали бы спорить.

– Я бы тоже поспорил, когда бы силы остались. Ладно... Что будем делать? Среди членов Организации у меня близких знакомых нет. Можно, конечно, к ее отцу отправиться, но тогда раньше завтрашнего вечера я не вернусь.

– Сдается мне, они были не в том состоянии, чтобы заметить следы.

На мостовой и вправду было много крови. Однако глупо надеяться, что кровавый след приведет нас прямо к убежищу, которое подыскали себе Садлер с Краском. В человеческом теле просто-напросто нет такого количества крови.

– Не люблю крысюков.

– Тебя никто и не просит их любить, – усмехнулся Шустер. – Сам знаешь, когда нужен хороший следопыт, нанимают крысюка.

Живых существ на свете великое множество, и у каждого народа есть свои особенности, отличающие его от других. Мы, люди, равно как и гоблины, тролли, эльфы и гномы, – следопыты никудышные, особенно в городе и особенно по сравнению с крысюками, которые берут след лучше любой гончей.

Излюбленные колдовские штучки у тех, кто хочет сбить со следа погоню (и может себе позволить это дорогое удовольствие), – ловушки с заклинаниями, отбивающими нюх.

Продолжая улыбаться, Шустер прибавил:

– Самое время, Гаррет, чтоб свести знакомство. Они работают по ночам.

Уж это мне известно. Крысюки – твари ночные, а мы – дневные.

– Кандидатуры есть? Хотя бы подскажи, к кому обращаться.

– Я не пользуюсь услугами крысюков.

– Чего ж тогда надо мной смеешься?

– У них есть свои странности, Гаррет. Предупреждаю: когда они узнают, что их хочет нанять человек, то примутся рыдать и шерсть из себя выдирать, будто на казнь идут. Для них мы – палачи и живодеры.

Крысюки – существа робкие. Жизнь приучила их не вы-

совываться. Что там говорить: даже я, образец добродетели, отношусь к крысюкам с предубеждением. Естественно, они платят людям тем же.

Я вздохнул. Как ни крути, а придется заглянуть к Морли. Признаться, я не хотел вовлекать Дотса – как ради его безопасности, так и своей собственной. Однако выбора, похоже, не осталось.

– Дай мне знать, что у тебя получилось, – попросил Шустер.

Можно подумать, ему и без меня не донесут.

– Конечно.

Теперь для Тинни я точно стану врагом номер один. И кто меня заставляет спасать женщину в беде? Причем другую женщину. Причем ту самую.

Вот если бы я спасал благородную девицу Тейт...

Попка-Дурак плюхнулся на мое плечо через пару секунд после того, как я расстался с Шустером. Он весь дрожал – то ли замерз, то ли чего-то испугался. Ночь – время хищников. Они готовы сожрать все и вся, нападают друг на друга, на собак, кошек и даже на малый народец. У них не хватает умишка сообразить, что последнее равносильно самоубийству.

Кажется, на рынке цена на шкуры громовых ящеров не так давно подскочила...

– Везет как утопленнику, – проворчал я. – Нет чтоб тебя коты слопали.

Попугай гордо промолчал.

– Что, язык откусили?

Вот это был бы подарок судьбы.

По-прежнему ни слова в ответ. Видно, Покойнику сейчас не до меня.

Тем не менее я продолжал трепаться с попугаем всю дорогу до «Пальм». Ночная публика, попадавшаяся на пути, встревоженно на меня косилась и сворачивала в переулки, подальше от греха. Кто его знает, этого человека, который болтает сам с собой. Поговорит-поговорит, а потом еще как кинется крушить все подряд... Чокнутый – он чокнутый и есть, что с него возьмешь?

Отличный способ, надо запомнить. Впрочем, среди бела дня меня вряд ли кто будет сторониться. В лучшем случае не обратят внимания, а в худшем – позовут санитаров из «Бледсо».

В «Пальмах» я наткнулся на нового официанта.

– Чем могу служить, сэр? – спросил он, глядя на меня так, словно моя кожа была, мягко выражаясь, не совсем обычного цвета.

Ишь как нос задрал – чуть в потолок не уперся. Должно быть, на моей одежде остались пятна крови.

– Ничем.

Я отстранил его и двинулся дальше.

И вдруг увидел знакомое лицо. Мисс Тама Монтецума собственной персоной! Она выглядела краше прежнего – возможно, сгладила душевное потрясение вегетарианским салатом. Заметив меня, она улыбнулась и по-приятельски помахала рукой.

Спина ее кавалера тоже была мне знакома. Ба! Доблестный Маренго! Какая неожиданность!

Он обернулся посмотреть, кому это машет его ненаглядная племянница. Я заблаговременно напялил на физиономию умильную улыбочку.

Маренго хмуро кивнул. Я кивнул в ответ и продолжил путь. В зале нашлись и другие гости Вейдера. Что ж, светский прием, на котором кого-то убивают, – развлечение ни-

же среднего; чтобы после такого успокоиться, непременно надо куда-нибудь зайти. Убийство на вечеринке допустимо, лишь когда кто-то из родичей жениха убивает родственника невесты, и наоборот.

– Клевый прикид, Гаррет, – буркнул Рохля. – Хоть на человека похож стал. Куда прешь-то? Забыл, как у нас заведено?

– Хочешь меня остановить?

– Что с тобой стряслось? – продолжил он, будто не услышав моего вопроса. – Кто это тебе кружавчиков повесил?

Он ухмыльнулся, поймал мой взгляд и наклонился к переговорной трубе.

– Босс, приперся тот хмырь с попугаем. Ну да. Откуда мне знать, босс? Я не спрашивал. Эй, Гаррет, какого черта тебе надо?

– Заткни уши.

Рохля выпучил глаза.

– Давай, давай, заткни.

Едва он вставил в ушные раковины свои толстые, волосатые пальцы, я сказал в трубу:

– Морли, Садлер с Краском похитили Белинду. Мне нужен нюхач.

Не прошло и минуты, как Дотс возник на верху лестницы, застегивая пуговицы на куртке. Его преследовал разочарованный женский стон. Он спустился, вальяжно махнул рукой

клиентам и насмешливо оглядел меня.

– Гаррет, ты ли это? Небось насильно в кружева запихнули? И кто посмел? Неужто они?

– Вы про кого, босс? – всполошился Рохля. – По мне, так точно пикси постарались, честное слово.

– Рохля, при твоей работе много думать вредно. – Я повернулся к Морли. – Меня там не было, зато был Ки-Джей. Его шлепнули. И Двупалого Харкера заодно.

– Харкер был хороший малый. Преданный, как собака.

– Ни одна добродетель не остается безнаказанной. Краску с Садлером тоже досталось, возможно достаточно крепко. Им пытался помешать один из парней Шустера, но у него ничего не вышло, только руку сломал.

– След остался?

– Кровищи немерено.

– Рохля, дуй к Релиансу, скажи, мне срочно нужен его лучший нюхач. Можешь передать, что мой друг Гаррет платит щедро. – Морли ухмыльнулся, явно приглашая меня возразить.

Но я возражать не стал: будешь торговаться – наверняка прогадаешь.

Однажды Морли понадобится моя помощь, он прибежит ко мне, и вот тогда мы с ним сочтемся. Я ему все припомню, каждую монетку, потраченную по его милости. А потом еще добавлю от себя, чтобы впредь не выпендривался.

И предупреждать его об этом не нужно. Зачем лишать се-

бя удовольствия? Неожиданный расчет всяко лучше уговоренного.

Рохля исчез.

– Он не задержится, – сказал Морли. – Релиансу вечно не хватает бабок, так что с ответом затяжки не будет. А ты не сглупил, завалившись сюда? Или человеколюбцы...

– За одним из твоих столиков, – перебил я, – сидит мой друг Маренго Северная Англия. Вот он, с этой шикарной красоткой, якобы племянницей. В лучшем случае попахивает кровосмешением. Он меня уже видел. И потом, я беспокоюсь за Белинду.

– Это и есть знаменитая Тама Монтецума?

– Она самая. Ты теперь обращаешься в высших сферах, тебе ли не знать ее?

– Не опускайся до сплетен, Гаррет. Роскошная женщина! И что она нашла в этом старом пердуне?

– Не знаю. Может, пойдем предложим свои услуги? Дескать, не желаете ли отказаться от вашей нынешней жизни, от богатства, от всеобщей зависти? По-твоему, она готова броситься на шею первому попавшемуся молодому красавчику, хоть у него ни гроша за душою нет?

С этими словами я повернулся и направился к столику Маренго, оставив Дотса стоять с разинутым ртом.

Присел лицом к мисс Таме, но заговорил с Маренго:

– Белинду Контагью похитили, когда она вышла из дома Вейдера. Несколько человек погибли. Я знаю, кто это сделал

и где их искать. Мне нужны добровольцы. Не желаете пойти в спасатели?

Маренго холодно посмотрел на меня, скосил глаза на племянницу, которая слушала внимательно и обеспокоенно, затем уставился на тени в дальнем углу. Не знаю, что он надеялся там разглядеть. И вообще, каким ветром его занесло к Морли Дотсу? Уж не с деловым ли визитом?

– Благодарю за то, что поставили меня в известность, мистер Гаррет, – промолвил он, наклонив голову. – Я искренне желал бы присоединиться к вам. Мисс Контагю – очаровательная юная дама. Однако, как видите, обстоятельства не позволяют. Пожалуйста, сообщите мне о том, как все закончится. Я надеюсь, ничего страшного не случится.

Кто бы сомневался? Я подмигнул «обстоятельству». Мисс Тама вознаградила меня легкой улыбкой, на единый миг тронувшей ее чувственные губы. Как ни удивительно, она, похоже, презирала своего дядюшку. Да и Маренго, если уж на то пошло, держался с племянницей непривычно холодно.

Нет, что бы о ней ни говорили, Тама Монтецума – далеко не обыкновенная подстилка для богатого старика.

Я встал и вернулся к Морли.

– Сдается мне, эта красотка – одна сплошная тайна.

– Гаррет, тебя хлебом не корми, дай за бабами поухлестывать. Когда ты наконец угомонишься? – Он посмотрел на попугая на моем плече. – Что ты с ним сделал? Он сам на себя не похож. Нарциссию расстроится, если...

– Я и пальцем его не тронул.

Спесивый племянник Морли занимал в моем списке претендентов на удушение почетное третье место, сразу за своим дядюшкой и Попкой-Дураком.

– Что же он тогда молчит? Пойми правильно, я вовсе не требую, чтоб он раскрыл клюв здесь и сейчас, но...

Еще бы Морли не опасаться! Уж он-то прекрасно знает, на что способна эта милая птишка!

– Говорить же он научился в твоём заведении? Должно быть, сомлел от радости, как знакомые места увидел. Если хочешь, я его растормошу.

– Гаррет!

– Кхе-кхе. Ну, малыш? Скажи что-нибудь дяде Морли.

Треклятая тварь и не подумала откликнуться на мою просьбу.

Вот так всегда: он непременно найдет способ меня разочаровать.

Морли успокоился и даже заулыбался. Не перестаю удивляться, какие у него ровные жемчужно-белые зубы. Их у него больше, чем у двух хищников, вместе взятых. Эх, жаль, что я и вправду не чревоушатель.

– Высшая справедливость существует, Морли. Пробьет и твой час.

– Может быть, Гаррет. Но явно не сегодня.

Он приосанился – и принялся строить глазки Таме Монтецуме. Шустрый же, бродяга!

– Тебя разве не ждут наверху?

– Не могу же я уйти, когда мой друг в беде! Подождут.

– Благородный ты наш.

Не Морли, с его-то увлеченностью женскими прелестями, было рассуждать о друзьях в беде. Он готов забыть обо всем, когда на горизонте возникает какая-нибудь Тама Монтецума, уж я-то его знаю.

Вернулся Рохля. Пока они с Морли перешептывались, я изучал завитки кружев на куртке Рохли. Он всегда остается самим собой, как бы Морли его ни наряжал. Надо признать, Дотс заботится о друзьях, а они платят ему за это собачьей преданностью и позволяют втягивать себя в самые безумные авантюры, вроде этой затеи с вегетарианским кабачком.

Внешность обманчива, истинную сущность любого из нас можно узнать только по тому, кто наши друзья.

Я не прислушивался, но несколько раз уловил имя Релианса. Мне уже доводилось слышать об этом крысюке, который сумел подняться над сородичами, внушить им страх и уважение. Этаким главарь банды с легким налетом светскости. Люди на него пока не злились – он не успел еще себя как следует проявить, – а сородичи уважали за то, что он не боялся общаться с другими существами. Крысюки уважали силу, в чем бы она ни проявлялась.

Морли поманил меня за собой и направился на кухню. Рохля пристроился за моей спиной. Я оглянулся. Нас провожали любопытными взглядами, в том числе и Маренго с

племянницей.

Может, «Зов» имеет какое-то отношение к похищению Белинды? Конечно, возможно все, но вряд ли они решились бы на такое. Маренго Северная Англия ни к чему конфликт с Организацией...

Снаружи, у задней двери «Пальм», нас поджидали три крысюка. Одним из них был сам Релианс – крупнее обычно-го, шерсть тронута сединой (он ухитрился прожить на свете дольше, чем удавалось до сих пор его сородичам). И одет лучше всех крысюков, каких мне доводилось видеть; пышный наряд дополняли высокие черные пиратские сапоги и жуткая лиловая шляпа на макушке. Для крысюка он держался на редкость самоуверенно.

Спросите меня, так ему явно не хватало чего-нибудь этакого в тон красно-желтой рубаше и зеленым штанам. Мистер Большая Шишка замечательно смотрелся бы на его покато́м плече.

Морли представил меня. Релианс извлек из кармана модные очки и осмотрел вашего покорного слугу с головы до ног. Дотс предложил мне изложить суть дела. Я не стал отнекиваться.

– Похитили Белинду, дочь Чодо Контагью. Это сделали отъявленные злодеи. – Уточнять имена я не стал: упомянешь Краска с Садлером, народ и перетрусит. – Мне нужно выследить их и освободить Белинду.

Релианс переглянулся со спутниками. В свете, падавшем из распахнутой двери, его глаза отливали алым.

– Оказать услугу Чодо Контагью почетно, – прошипел Ре-

лианс.

Мне пришлось напрячь слух, чтобы разобрать слова. Человеческая речь для крысюков – сущее мучение. Между собой они говорят совсем на другом наречии.

Впрочем, если практиковаться постоянно, даже крысюковым языком можно овладеть. У моего брата был дефект речи, которого я попросту не замечал – привык. А другие его не понимали и всякий раз переспрашивали. Правда, это было давно... Меня война пощадила, а моему брату повезло меньше...

– Согласен, – отозвался я.

Последствия дружбы с Чодо непредсказуемы, но у меня, например, все обошлось. Мало того, я перед ним в долгу. Хотя... как возвращать долг тому, кто волею судьбы превратился в растение? Вроде и живет, и не живет... Позаботиться о членах его семьи? А чем я сейчас, интересно, занимаюсь?

Релианс пристально поглядел на нас с Морли. В большинстве своем крысюки не слишком умны. Я бы поставил их между умной собакой и человеком-тугодумом. Но этот парень был для крысюка гением. Он ткнул лапой сначала в Морли, потом в меня.

– Я слышал про вас. От Свина. Вам можно верить. – Теперь он говорил медленно, тщательно подбирая слова, чтобы мы понимали, о чем речь. Он знал, что никто из нас двоих сознательно не причинял вреда его народу. А Свин, которого он помянул, – нюхач, я его как-то нанимал. – Я помогу

вам. И Чодо будет мне должен.

– Разумеется.

Он что, не хочет денег? Крысюки всегда падки до бабок и, перед тем как взяться за работу, обычно оговаривают, сколько им причитается; работу они могут запороть, но бабки с заказчика сдерут, до последней монетки. По сравнению с ними гномы – просто бессребреники.

Релианс впился в меня взглядом. С его точки зрения, я уж больно легко согласился, тем более от имени Чодо. Крысюки все подозрительные. С другой стороны, репутация Чодо была ему известна. Он знал, что Чодо всегда платит по долгам.

– Это Пулар Синдж, – сообщил он. (Или Пурал – я толком не разобрал. В речи крысюков «р» и «л» плохо различаются. Нет, все-таки, наверное, Пулар.) – Она молода, но очень талантлива.

Я посмотрел на спутников Релианса. Вот эта? Или вон та? В отличие от нас, людей, у крысучих женские... гм... признаки выражены неотчетливо. Сами крысюки, конечно, легко определяют, где самец, а где самка. Иначе крысюковый род давно бы пресекся.

Маленький крысюк шагнул вперед и что-то прошипел.

– Что ж, большое тебе спасибо, Релианс. Если ты говоришь, что она талантлива, значит так оно и есть.

Крысучиха робко подступила ко мне – она явно не привыкла иметь дело с людьми. Я подмигнул, затем, верный своей привычке, заломил бровь. В конце концов, она ведь тоже

женщина.

– Как мне тебя называть? Пулар или Синдж?

У крысюков второе имя обозначало принадлежность к клану; так заблагорассудилось тому чародею, который сотворил их племя. И если невзначай обратиться к кому-нибудь из них не так, можно нажить себе неприятностей.

– Слышит она плоховато, – пояснил Релианс. – У каждого таланта есть оборот. И понимает по-человечески с трудом. Ее двоюродный брат Фенибро будет переводить.

Фенибро почесал мордочку:

– Ей больше нравится Синдж.

– Отлично.

Я обратил внимание, что Синдж следит за нашими лицами; наверное, читает по губам. С людьми, естественно, так проще.

Время поджимало.

– Ты с нами пойдешь? – спросил я Релианса.

Вопрос был задан только из соображений приличия. И с этими двумя я наверняка намаяюсь, но главный крысюк может оскорбиться, что его не пригласили.

– Думаю, не стоит. Я слишком старый и хожу медленно.

– Я с тобой, Гаррет, – неожиданно заявил Морли. – Иди сюда, Рохля.

– Ты? Помнится, ты не собирался марать руки.

– Этих двоих будет маловато. – (Всем известно, что крысюки разбегаются при первых признаках опасности.) – И по-

том, ты слишком много думаешь. Тебя двадцать раз пришить успеют, пока ты мыслишь. А мне ты нужен живой. Где еще я найду такой замечательный отрицательный пример, ходячий вдобавок?

Может, он и правду говорит. А может, я должен ему энную сумму, о которой благополучно забыл. Ну не верю я в бескорыстие Морли Дотса!

– Тогда поспешим. Они с каждой минутой все дальше.

Морли прошептал что-то Рохле. Тот кивнул и скрылся за дверью. Морли уставил палец в небо, на луну, и заявил:

– Я готов.

– Спасибо за помощь, – сказал я Релиансу. – Синдж, Фенибро, готовы? – И припустил с места в карьер.

Морли побежал следом, крысюки тоже. Надо сказать, они бежали быстро, но довольно неуклюже. Вообще-то, когда спешат, они скачут на всех четырех конечностях, как гориллы. Напугайте какого-нибудь крысюка – сами увидите.

Попка-Дурак по-прежнему хранил молчание. Хвала небесам! От забытья он очнулся на единый миг, испустил сдавленный, озадаченный вопль и снова затих. Будь на это время, я бы, пожалуй, начал волноваться за Покойника.

– Что так долго? – проворчал Шустер.

За время моего отсутствия с ним произошла перемена не то чтобы разительная, но вполне ощутимая: он успел приобрести безвольно повисшую руку, легкую хромоту, прищепывание и явное нежелание выходить на освещенные места. Сомневаюсь, чтобы Морли впоследствии смог его узнать – в другой одежде и в другой компании. Даже запах у него теперь был иной – наверное, сбивал с толку крысюков.

– Дела, заботы.

– Посреди ночи?

– Так получилось. Кстати, я привел лучшего нюхача.

Шустер поглядел на крысюков, которые бродили чуть поодаль, принюхиваясь и что-то бормоча.

– Лучшая – Пулар Синдж.

– Она и есть. Вы знакомы?

– Просто наслышан.

Что ж, меня не обманули. Но у каждой медали две стороны: Синдж отыщет Белинду, а это означает, что мне предстоит выяснять отношения с парой главных танферских злодеев.

Загнанные в угол, они наверняка будут драться как звери. Как крысы. Ха-ха.

Что ни говорите, а Садлер с Краском – этакая зловещая

стихия, сама себе хозяйка, никому не подвластная и не ведающая преград...

Я подмигнул Синдж. Это ее подбодрило. Она оскалила клыки, состроила гримасу, которая у крысюков означала улыбку.

Смешные они все-таки. Так и норовят перенять все ужимки тех, кто их сотворил. Бедные вы, бедные, нашли кому подражать...

Нюхачи меня всегда восхищали. Синдж восхитила вдвойне. Сдается мне, она станет легендой своего народа, когда достигнет зрелости. Взяв след, она повела меня, и главное было не отставать. Фенибро радостно ухмылялся, будто это он шел по следу. А Пулар Синдж поглядывала искоса, как бы испрашивая одобрения. Я благосклонно кивал, поднимал большой палец, улыбался отеческой улыбкой. По всей видимости, дома с нею обращались не слишком ласково. Молва утверждает, что крысюки держат молодежь и женщин в черном теле.

Всякому из нас нужен кто-то, на кого можно смотреть сверху вниз и с кем плохо обращаться. Но на кого смотреть сверху вниз юным крысучихам?

– Нет чтоб в ближайший подвал заползти, – пробормотал я некоторое время спустя.

Мы проделали уже несколько миль, оставили позади центр Танфера и приближались к местечку, носившему название Равнина Кавалерии. Столетия назад, когда в Танфере

из всех родов войск была только полиция, на этом пустыре собирались конные отряды, чтобы попрактиковаться в верховой езде перед набегам на соседние города. В те годы равнина находилась за крепостной стеной. Затем и ее обнесли стеной и устроили на ней нечто вроде военного лагеря на случай осады. Потом принялись хоронить на равнине павших. Мало-помалу она превратилась в обширное кладбище. Ныне кладбище пришло в запустение и стало предметом затяжных препирательств. Одни утверждали, что земля внутри городских стен стоит слишком дорого, чтоб ею разбрасываться, и что о тех, кто похоронен на равнине, давно позабыли даже их потомки. Другие, те самые потомки, решительно возражали; к их возражениям пока прислушивались по простой причине – на равнине были похоронены герои, чьи подвиги вошли в бесчисленные предания. Впрочем, думаю, взятки рано или поздно победят сопротивление.

Кстати сказать, кладбище потихоньку снова превращалось в лагерь. Тут и там виднелись кособокие хибарки и палатки беженцев. Естественно, жители близлежащих домов были не в восторге от такого соседства, поэтому у «Зова» в округе насчитывалось немало сторонников.

Признаться, на кладбище было как-то тревожно. Еще этот полумрак – ни костерка. Я пожалел, что не прихватил с собой фонарь. От луны лично мне не было никакого толку; правда, для Синдж ее света вполне хватало.

Хибарки и палатки торчали всюду, где имелась хоть то-

лика свободного пространства. Грязь, вонь... Того и гляди подхватишь какую-нибудь заразу. Сдается мне, ждать осталось недолго: в один прекрасный день городские волнения выплеснутся на кладбище...

– Стой, – сказал я и махнул рукой Пулар Синдж.

Она остановилась и вопросительно уставилась на меня. По-моему, со слухом у нее все было в порядке, а разговоры о том, что она плохо слышит, велись исключительно для того, чтоб клиент согласился взять и Фенибро, тем самым увеличивая свои расходы. А вот человеческой речью она и впрямь владела не очень. Жаль – у меня сложилось впечатление, что она обладает отменным чувством юмора.

Все крысюки – мутанты, но Синдж, должно быть, мутант в квадрате.

– Морли, как по-твоему, здесь легко найти убежище?

Вокруг, несмотря на поздний час, бродили обитатели кладбища – искали нечто, невразумительное для них самих. Как говорится, результат – ничто, движение – все.

Среди них попадались существа всех пород. Этакая взрывчатая смесь народов. Я заметил парочку типов столь диковинной наружности, что они, по-моему, сами себя должны были пугаться.

– Запросто, – подтвердил Морли. – Чтоб тебя тут заметили, надо быть размером с мамонта.

– След не пропадает? – спросил я Синдж.

Она покачала головой. Очередная человеческая ужимка;

крысюки таких повадок не знают. По всей видимости, Пулар Синдж отчаянно стремилась очеловечиться.

– Она не обещает, но постарается найти, – сказал Фенибро.

– Она просто прелесть.

– Да. Кровь еще не высохла.

Кровь? Лично я перестал видеть кровь на земле, едва мы покинули ту улицу, где похитили Белинду.

Сколько, оказывается, можно сказать простым качанием головы.

– Второй тоже пыжится, – пробормотал Морли, – свой талант выпячивает.

– Какой же?

– Человеческая речь.

– А! Думаешь, нас нарочно сюда завели?

– Ты спрашиваешь, могли ли Краск с Садлером похитить Белинду только для того, чтоб заманить тебя на кладбище?

– Угу, с них станется. Возможно, они учли и то, что ко мне присоединишься ты...

– Гаррет, такой план могу придумать я, но никак не эти двое. Нашел стратегов! Им представился шанс схватить Белинду, они им и воспользовались. Может быть, надеялись, что с нею окажешься ты. Но план сработал не полностью.

Ну-ну. А откуда они узнали, где искать Белинду? И кто мог им сообщить, что она едет одна – или не одна?

– Думаешь, они догадываются, что их выследят?

По мне, Морли уж чересчур пренебрежительно относился к нашим врагам. А мозги у них есть, я имел несчастье в этом убедиться. Потому-то их все и боятся.

– Разумеется. След-то какой оставили. Но вряд ли они ожидают, что до них доберутся так скоро.

Я огляделся. Наша компания со стороны выглядела, мягко выражаясь, необычно, однако на кладбище необычность была в порядке вещей; а кто слишком заинтересуется, тому нос оторвем.

– Считаешь, Шустер за нами следит?

– Луна что, из зеленого сыра сделана?

– Я тоже так думаю. – Впрочем, в пределах видимости хвоста не наблюдалось. – Веди, Синдж. Ты молодец. Но будь осторожна.

Взгляд Фенибро говорил: поучи свою бабушку яйца разбивать. А вот Синдж чуть ли не замурлыкала от похвалы. Фенибро услышал и обиженно надулся.

Перемена в окружении была весьма явной. Как ни удивительно, первым ощутил ее именно я, а не Морли и не Синдж. Правда, Дотсу объяснять не требовалось, но я все же махнул рукой: глядите, мол, поблизости от вон того склепа нет ни единой хибарки.

Склеп возвели в имперские времена. Наверняка фамильная усыпальница, которой пользовались из поколения в поколение. Громадный, как дом; и под землю еще точно уходит невесть на сколько... Судя по обветшавшему фасаду, владевший склепом род пришел в упадок. Такое случается сплошь и рядом. Тем не менее для временного проживания этот склеп годился как нельзя лучше.

Пулар Синдж принялась, ткнула лапкой – и попятилась. Прежде чем я сообразил, в чем дело, она очутилась у меня за спиной.

Пошептала с Фенибро, посмотрела на меня, похлопала ресницами, будто выпрашивая новую похвалу.

– Те, кого ты ищешь, внутри, – сообщил Фенибро.

Он явно перетрусил и хотел одного: чтоб ему заплатили и он убрался восвояси. Я едва разбирал его шипение; Синдж и ту понять было проще.

– Плохо пахнут. Даже я их чую, а у меня нюха никакого. – Он передернулся.

Потерпи, приятель: я вас пока отпускать не собираюсь.

Морли присел на корточки. Мне с эльфом в гибкости суставов не тягаться, поэтому я опустил на одно колено.

– Мы уже это проходили, – пробормотал Дотс.

– Когда вампиров ловили? – Я пригляделся к двери склепа.

Между дверью и косяком была щель, вполне достаточная для того, чтоб сквозь нее могли протиснуться Краск с Садлером. Казалось, склеп злобно щерится.

– Ты прихватил что-нибудь тяжелое? – справился Дотс.

– Вообще-то, я собирался тебя туда запихать и посмотреть, что получится.

Фенибро пискнул, будто на него наступили. Может быть, решил, что мы посоветуемся и бросим в склеп его. В отличие от Синдж, он юмора не понимал.

Синдж затараторила на своем наречии. Я с грехом пополам разобрал, о чем речь: сначала она успокоила Фенибро, потом сообщила, что они свою задачу выполнили и могут уходить. Пожалуй, пора расплачиваться.

Фенибро заспорил. Выпятил грудь, подбоченился: дескать, я в этом доме мужчина. Синдж зашипела. Фенибро съежился; вся его боевитость мгновенно испарилась.

– Синдж говорит, платить не надо, – проскулил он. – Ре-лиансу деньги не нужны. Услуга за услугу.

Я мысленно застонал. Опять натуральный обмен: сколько у меня из-за него было неприятностей!

– Я думал, ты припас что-нибудь этакое, – гнул свое Морли. – Ты ж у нас запасливый.

– Промашка вышла. К несчастью.

– Хоть свет-то мы добудем?

Взгляд по сторонам убедил нас в том, что найти свет будет затруднительно. Обитатели кладбища давным-давно сожгли все, что могло гореть.

– Отправляйся домой, милашка, – сказал я Синдж. – Тут становится опасно. И смотри, ни к кому не задирайся.

Она бросилась бежать. Фенибро, поскуливая, кинулся вдогонку. Не приходилось сомневаться, что предмет воздыханий отвечал ему взаимностью только в его фантазиях.

– Вечно ты с голыми руками на рожон прешь, – проворчал Морли.

– Ты сам вызвался идти. Мог бы о фонаре позаботиться.

– Я? Совсем сдурел? Кто тут главный спаситель девиц?

Конечно, Гаррет. Правда, сейчас он не прочь улизнуть. Видите ли, Гаррету очень дорога его шкура: пускай она грубая и вся в шрамах, но это его собственная шкура, и он к ней сильно привязан. А если она достанется Краску с Садлером, те, чего доброго, пустят ее на ремни да на кошельки...

Первым шорох услышал Морли, но и я тоже насторожился. Кто-то двигался в нашу сторону.

Морли махнул рукой. Я махнул в ответ. Мы оба укрылись за надгробиями.

Судьба в очередной раз предоставила мне шикарную воз-

возможность выказать свою доблесть.

Я выскочил из-за могильного камня, ожидая увидеть Краска, Садлера, одного из парней Шустера или местного хмыря, решившего поживиться моими деньжатами, – словом, кого угодно, только не перепуганную Пулар Синдж, которая к этому времени должна была быть в нескольких милях отсюда. Мы стукнулись носами. Она пискнула и было побежала, но я поймал ее за лапку.

– Эй! – прошептал я. – Это я, Гаррет. Я думал, ты уже далеко.

Испуг миновал, дрожь осталась. Синдж поглядела на мою руку. Будь она человеком, наверняка бы покраснела. Я отпустил ее, но не спускал с моей новой подружки глаз – вдруг ей снова приспичит убежать.

– Что стряслось? – Я старался говорить как можно ласковее.

Куда подевался Морли?

– Я принесла...

Значит, я был прав в своих подозрениях: и слышит она превосходно, и говорить по-человечески умеет.

Синдж не закончила фразы – почему-то смутилась, отвела взгляд... Потом протянула мне фонарь с заслонкой.

– Пулар Синдж, ты – благословение небес. Не похитить ли мне тебя у Релианса?

Она смутилась и того пуще. С чувством юмора у нее все было в порядке, но поддразниваний она, похоже, не воспри-

нимала. Даже гениальный крысюк – все-таки не человек.

Ладно, надо ее утешить, не то она помрет от смущения.

– Спасибо тебе, Синдж. Мне и в голову почему-то не пришло, что нам может понадобиться свет. Я перед тобой в долгу. Не перед Релиансом, не перед Фенибро – именно перед тобой. Понимаешь?

По-прежнему избегая смотреть мне в глаза, она протянула лапку к Попке-Дураку. Тот не шевельнулся, сидел чучело чучелом. Может, пока я отвернулся, кто-нибудь его придушил и приколот булавкой к моему плечу? Или наложил заклятие? Благодарю за заботу, очень тронут.

– Красиво, – прошептала Синдж.

– Хочешь?

Глядя в землю, она мотнула головой и порскнула прочь, не подумав попрощаться. Горе тебе, мистер Большая Шишка! Никому ты не нужен в этом жестоком мире! Ровным счетом никому.

Синдж исчезла почти беззвучно. Выходит, на пути сюда она шуршала намеренно, чтобы мы услышали.

Откуда-то возник Морли.

– Поздравляю, Гаррет. Пришел, увидел, наследил.

– Чего?

– Может, это было видение, навеянное лунным светом, но мои эльфийские глаза видели мисс Пулар Синдж, весьма одаренную юную особу, которая млела перед тобой, как всякая служанка из трактира. – Он хихикнул. – Отличная пара,

Гаррет.

Бред какой-то! Я энергично затряс головой. Сдались мне эти крысюки! И я им тоже сдался.

Морли продолжал гнусно хихикать, перемежая смешки рассуждениями о том, когда назначить свадьбу и как назвать детишек.

– Или у вас будут не детишки, а крысишки?

– Хватит, – буркнул я. – Нашел повод. Угомонись, пока я тебе ребра не пересчитал.

– Знаешь, Гаррет, почему я просто обожаю составлять тебе компанию? Всегда бывает что вспомнить долгими зимними вечерами.

Вечно он передергивает. Ну да что возьмешь с эльфа, пускай он и полукровка?

– Готов? – спросил я сквозь зубы.

– Ты вооружен?

– Мозги на месте, если ты про них.

Я пожалел, что не прихватил из дома Вейдера тот симпатичный арбалетик.

– Тогда держи. – Морли всучил мне маленький кинжал с плоской рукоятью.

И откуда только достал? Наверняка у него при себе целый арсенал, невидимый глазу. Морли – он такой: без ножичка ни шагу.

– Что-то подозрительно тихо, – сказал он.

Да уж. Если внутри и вправду Краск с Садлером, вряд ли будут особенно церемониться с Белиндой. Разочек-другой она всяко должна была вскрикнуть. Если жива, конечно.

– Думаешь, уже прикончили?

– Все может быть. Ну, идем?

– После вас.

Он не стал спорить. Сам догадался, что у него передо мной существенное преимущество: он видел во тьме как кошка. И потому просто обязан был идти первым, раз уж мы решили лезть в это бандитское логово.

Вблизи стало ясно, что склеп возводили приверженцы одного из наших полубезумных культов. Вокруг дверного про-

ема располагались резные изображения мифических и полумифических существ, одно уродливее другого. Я снял попугая с плеча, посадил его на выступ. Если что, позовет на помощь. Наверное.

– По цвету в самый раз подходит, – пробормотал я.

И по неподвижности. Щипать я его не стал, на всякий случай. А то еще разорется на всю округу.

Дотс ухмыльнулся. В лунном свете мелькнули ровные белые зубы.

Морли заглянул за дверь и жестом дал понять, что сразу у входа все чисто. Не оборачиваясь, он протянул руку за фонарем. Я отодвинул заслонку. Узкий конус света пронзил мрак подобно огненному клинку.

Пусто. Пыльно и пусто.

Морли ткнул пальцем себе под ноги. В пыли виднелись следы, уводившие куда-то вглубь склепа.

У меня засвербело в носу.

Дотс двинулся дальше, светя фонарем. Даже ему требовался свет, что уж тогда говорить обо мне. А ну как он прав? А ну как Садлер с Краском устроили западню? Они ведь знали, что Гаррет – рыцарь без страха и упрека, ради спасения прекрасной дамы готовый играть в поддавки со смертью.

След уперся в стену.

– !!! – пробормотал я. – Только потайной двери и не хватало! Как мы ее найдем?

Мои страхи оказались напрасными. Присмотревшись, я

различил очертания массивной дубовой двери, заподлицо со стеной. Посветил на петли. Судя по всему, их давненько не смазывали. Это означает, что без шума дверь открыть не удастся.

Морли пожал плечами и шагнул к двери.

– Чего встал? – прошипел он.

И вправду, чего? Что там может быть за этой дверью? Краск и Садлер? Эка невидаль! Всего-навсего пара хладнокровных убийц. Два ходячих кошмара. Тьфу! Мы таких по десятку на десерт съедаем.

Я потянул за ржавое кольцо.

В следующий миг из проема к моим ногам обрушилось человеческое тело размерами с платяной шкаф. Один из злодеев. Кто именно, выяснять было некогда.

Морли саданул его в висок рукояткой кинжала, как две капли воды похожего на тот, который он дал мне. Злодей отрубился с тяжким вздохом, словно наконец сбылась его заветная мечта – прилечь и отдохнуть.

– Гаррет! – послышался слабый голос.

Белинда! Жива!

– Иду, иду!

– Осторож...

Из мрака донеслось хрюканье, и передо мной выросло чудище вдвое больше левиафана, хрипевшего у моих ног. Ручища размером с бревно возникла из темноты, схватила меня за шкуру и отшвырнула в сторону. Снова хрюканье, глу-

хой удар, второй протяжный стон... Морли ловкости не занимать, но иногда и ловкость против грубой силы не спасает. Дотс ногами вперед пролетел надо мной и с грохотом врезался в кучу мусора на полу, прежде чем я успел подняться. Мгновение спустя дверь захлопнулась, и я, пытаясь проскочить в щель, больно ударился плечом.

Когда-то мне снилось, что я погребен заживо... Как жаль, что это не сон.

Дверь слегка поддалась. Я испустил некий звук, что-то вроде смешка спятившего чародея, и налег снова. Кто-то шагахнул по двери с другой стороны. Удар отозвался дрожью в теле и звоном в ушах. Краск – а это был он – принялся клясть меня заодно с Садлером.

«Вставай! Вставай, скотина!» – сипло ревел он.

Если у него такой голос, значит Харкер, Карлайл и Пеквуд изрядно его отделали, а Садлера и того хлеще.

Я нажал. Краск надавил в ответ.

– Морли, подсоби!

В свете фонаря – луч бил прямо в потолок – было видно, как Дотс крутится возле Белинды, помогает ей подняться и что-то спрашивает.

– Конечно нет, придурок! – рявкнула она. – Как со мной может быть все в порядке, если мне просто повезло?! Они оба вырубались прежде, чем успели меня замучить. Лучше Гаррету помощи. Или собираешься сидеть тут до конца дней, мышами да крысами питаться?

Узнаю породу Контагью. Что бы ни случилось, присутствие духа они сохраняют всегда.

Краск припер дверь чем-то тяжелым. Мы колотились о нее, пока у меня не онемело плечо. Но дело шло: с каждым ударом дверь открывалась на дюйм-другой. Наконец Морли лаской проскользнул сквозь образовавшуюся щель. Я слышал, как он бормочет: дескать, пуговицы отрываются, ткань трещит по швам, кто ему за это заплатит?..

Он отодвинул упор, и я смог выбраться из темницы. Тихо стонавшая Белинда висела у меня на руке; сил идти у нее не осталось. По-видимому, Садлер с Краском успели показать ей, что ее ожидает.

Мы вышли наружу.

– Что теперь, дубина стоеросовая? – осведомился Морли. – Нюхача ты отпустил. Подарил бы поцелуйчик – она бы до сих пор нас ждала.

– Я сделал то, что должен был сделать. Я вернул Белинду.

Пора было двигать домой. Вот только какова вероятность того, что с Краском и Садлером покончено? Нуль без палочки.

– Куда они подевались? – Я потряхнул Попку-Дурака, восседавшего на выступе. – Отвечай, лох пернатый!

Его Высокомудрие не унизился до ответа.

С ума сойти! Гаррет требует, чтоб попугай заговорил!

По правде сказать, я все больше беспокоился за Покойника. Слишком долго от него не было вестей. Он что, решил

меня проучить?

Или... Когда в мой дом явились оборотни, он их не распознал. А вдруг они добрались до него, пока я был у Вейдера? Что им стоило притвориться мной? Дин отпер замок, и...

– Шустер послал за нами своего человека, так? – прошипел Морли.

– Не сомневаюсь.

В глубине души я даже рассчитывал, что хвост нам подсобит, если совсем худо станет.

– Тогда иди к Шустеру, и он тебе скажет, куда смылись наши старые приятели.

Разумный совет. Но захочет ли Шустер поделиться сведениями? Может, у него свои, далекоидущие планы на Краска с Садлером?

– Мы бы взяли их тепленькими. А если упустим... Они ничего не забывают и не прощают.

Морли похлопал меня по плечу:

– Хоть чему-то у меня научился... Белинда не в том состоянии, чтобы за кем-либо гнаться.

– Белинда выдержит! – процедила спасенная нами красотка. – У Белинды на все сил хватит. И она не привыкла откладывать...

Тут ноги ее подогнулись, и она вынуждена была опереться о ближайшее надгробие.

– Ни слова, Гаррет! – Она прожгла меня взглядом.

В темноте слышался шорох. Что-то прошелестело в

траве и удалилось – в том направлении, которое, скорее всего, избрали для бегства Садлер и Краск.

Мы с Морли переглянулись, и я спросил Белинду:

– Куда ты ехала, когда на тебя напали? Насколько я знаю, засада была на другой улице...

– Нет. Они сперва засели на дороге к твоему дому. И сильно разозлились, что ты не поехал меня провожать. Им были нужны мы оба.

– Нам повезло, что у меня нашлись другие дела, да?

– Повезло? Ну конечно.

По тону Белинды легко было догадаться, что она не разделяет моей радости.

– Так куда ты ехала? – повторил я вопрос.

– В «Пальмы», – нехотя призналась она. – Мы договорились там встретиться... после приема.

– Ясно.

Помнится, перед уходом она беседовала с Маренго, и тот выглядел приятно удивленным. Не мое дело, разумеется. Но позже вечером доблестный Маренго с непонятной тоской взирал на публику в «Пальмах», хотя рядом сидела его обожаемая племянница...

– Отвезешь ее к себе? – попросил я Морли.

У него Белинда точно будет в безопасности.

– Ты же не собираешься преследовать их в одиночку? – небрежно справился он.

Мол, что бы ты, Гаррет, ни выкинул, меня ничем не уди-

вишь. Ты уже столько глупостей в жизни натворил, что одним фортеlem больше, одним меньше...

– Нет, не собираюсь. Пускай Шустер их ищет.

А у меня другие дела. Надо проведать Покойника.

Окрестности моего дома встретили меня отнюдь не зловещей тишиной. Ночная жизнь была в самом разгаре, торговля правила бал, политическими дразгами и не пахло. Я на ходу здоровался со знакомыми. Мое появление особенного внимания не привлекло; и за домом, как выяснилось при беглом осмотре, никто не следил.

Даже миссис Кардонлос – в кои-то веки у нее нашлось более интересное занятие.

Поднимаясь по ступенькам крыльца, я вдруг поймал себя на странном ощущении. Нет, это было вовсе не дурное предчувствие. Скорее, впечатление, что чего-то недостает. Некая пустота, словно возвратившаяся из далекого прошлого.

– Что тут было? – спросил я попугая.

Он продолжал молчать, что в непосредственной близости от апартаментов Покойника было просто невероятно.

Невероятно тревожно.

– Старый хрыч! – позвал я, вставляя ключ в замок.

О чудо из чудес! Дин не запер ни одной щеколды, не навесил ни единой цепочки. Я распахнул дверь и застыл на пороге, прислушиваясь к тишине.

В доме определенно что-то было не так.

Темень, как в сердце священника. Дин не позаботился налить масло в лампу, которая висела в коридоре. Может, хоть

в печи огонь еще теплится? Не хотелось бы возиться с кресалом; не то чтобы я не умею с ним обращаться, просто лень. С первого раза наверняка не выйдет, я начну злиться, соседи подумают, что меня режут, и сбегутся посмотреть...

Я нашарил лампу, снял ее с крюка и на ощупь двинулся по коридору в сторону кухни. Ступать старался крайне осторожно: никогда не угадаешь, что Дину заблагорассудится выставить в коридор.

Как ни удивительно, обошлось без травм.

Печь была теплой. Я выгреб тлеющий уголек, запалил кухонную лампу, чтобы найти масло для коридорной. Фитиль надо бы подровнять, но сил нет. Завтра скажу Дину.

Тинни небось кроет меня почему зря. С утра порепетируем извинения.

С лампой в руке я отнес попугая в чуланчик у входа. Он вяло перебрался с моей руки на свою жердочку. Похоже, и птах мой недобитый тоже вымотался.

Я повесил лампу обратно на крюк и ввалился в комнату Покойника.

– Ладно, партнер, выкладывай. Если ты дрыхнешь...

Однако он не дрых. Ничуть. Ни в одном глазу.

Он просто-напросто отсутствовал.

Я замер с разинутым ртом. Потом слегка очухался, взял лампу и обыскал комнату, будто четверть тонны гниющей плоти можно спрятать под креслом или под шкафом. Разумеется, колдовское, сверхъестественное меня давно не пуга-

ет, но это было уж чересчур.

Покойник исчез. Куда? Не мог же он встать и уйти. И Дину его из дома не выволочь.

Никаких следов борьбы. Если бы его похитили, такие следы были бы непременно.

Пропал – и все.

Как ни противно (во всех смыслах), а придется растолкать Дина.

Это у меня тоже не получилось.

На стук в дверь Дин не откликнулся.

– Дин, ты спишь? Надо поговорить.

Я толкнул дверь, надеясь, что меня не встретят потоком брюзжания.

Комната была пуста.

Не то чтобы не прибрана. Именно пуста. Ни клочка одежды, ни обломка мебели.

– Великие небеса! Неужто смылся?

В голове не укладывается. Дин сбежал? Сбежал Дин? Понимаю, Тинни, или Никс, или какая-нибудь Тама Монтецума, но он...

– Что за?.. – спросил я полумрак с видом провинциального актера-трагика.

Естественно, мне никто не ответил. Пустая трата времени.

Я спустился в кухню и обследовал содержимое шкафов. Заодно приготовил себе поесть, налил холодного пива, про-

должил поиски, держа в одной руке лампу, а в другой бутерброд и кружку с пивом.

Ничего. Ни даже записки со словами «милый Гаррет»!

– Ну и черт с вами! – пробормотал я. – Поняли? Идите вы все...

Кое-как дотащился до постели, громко перечисляя тех, кому следовало отправиться по указанному выше адресу заодно с Покойником и Дином.

Как лег, не помню.

И как встал, тоже не помню. Первое, что помню, – чей-то стон. Мгновение спустя я сообразил, что стон раздается в моей спальне и что идет он из моей пересохшей глотки. Тут на меня снизошло озарение: больно потому, что солнце светит прямо в глаза. Я лежал и зажмурившись таращился в окно, за которым то ли боги, то ли бесы устроили торжество солнечного света.

Близился полдень. Солнце, казалось, занимало половину неба.

Определившись с местоположением, я попытался понять, с какой стати таращусь в эту нечестивую топку.

Подходящая причина отыскалась сама собой. Под моим окном маршировали сотни идиотов. Очередная демонстрация, трах-тибидох! Дорогие гости, а не надоели ли вам хозяева?

Сотни парней в коричневой форме, все с нарукавными повязками, под разноцветными знаменами маршировали по Макунадо, слаженно выкрикивая речовки, готовые разорвать в клочья не только нелюдей, но и обыкновенных прохожих, имевших неосторожность зачесать волосы на другой бок или нарядиться на иноземный манер.

Скорее всего, моя матушка меня неправильно воспитывала. Несмотря на множество доводов в пользу противного,

содержание не имеет значения. В конфликтах верх одерживает тот, кто громче вопит и у кого толще дубинка.

Ну почему все марши проходят по Макунадо? Почему не где-нибудь за городом, на природе? Там бы они никому не мешали, кроме фермеров, мамонтов да лесных эльфов. Честно говоря, хотелось схватить рупор побольше и рявкнуть: «Парни, мы тут спим, между прочим!»

Я опустил шторы. Через минуту мне стало полегче. Похмелья вроде не было. Что я вчера пил? Только пиво? Отлично! Но все равно, стоит на время перейти на здоровую пищу...

Спускаясь по лестнице, я вдруг вспомнил, что Дина дома нет. Придется готовить завтрак самому. Брр! Жизнь полна несправедливостей.

Попка-Дурак услышал мои шаги и радостно вякнул. А потом разразился тирадой, из которой следовало, что он – маленький ребенок и не надо его бить.

Вернулся, значит, в исходное состояние? Ну-ну. Я бы его покормил, да что-то настроения не было. Может быть, когда-нибудь...

Я бросил на сковородку несколько ломтиков бекона, поставил греться воду, а сам прошелся по нижнему этажу в надежде углядеть что-нибудь этакое, чего с устатку не заметил накануне. Результат прогулки оказался тот же самый: полный пшик. Ни Дина, ни Покойника. И никаких следов взлома, ограбления или борьбы. Получалось, что мои квартиран-

ты встали и ушли, потому что им взбрело в голову встать и уйти.

Я пожевал бекон, погрыз черствый хлеб, попил чайку, пытаясь сжиться с мыслью, что Покойник мог переехать куда-либо по собственной воле. Если все действительно так и было, это произошло второй раз на моей памяти. В первый раз он добровольно переселился под мою крышу.

Еще лет сто – и он начнет танцевать на улице.

Я поглядел на бочонок с пивом. Заманчиво... Нет, рано. И дел много.

Дела, дела... Я поежился. Столько всего сразу навалилось...

– Заткнись! – прикрикнул я на попугая, который затянул военную песню из десяти тысяч куплетов; каждый куплет начинался словами: «Сам не видал, но мне говорили...»

Подлив в чашку кипятка, я добавил ложку меда, выбрал булочку помягче (чтоб не поцарапать рабочий стол, если ненароком уроню) и поднялся в свой кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.